

УЧРЕДИТЕЛЬ: Коллегия Адвокатов г. Челябинска

18+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КУДИНОВ В. В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б., кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, заместитель генерального директора Республиканского научно-исследовательского института по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, член экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте РК (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **ВОРОНИН Ю. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск); **ГОЛУБОВСКИЙ В. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, почетный сотрудник МВД России, почетный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент РАЕН (г. Москва); **ГРОМОВА Е. А.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск); **ДАРОВСКИХ С. М.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедр уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДЕНИСОВА А. В.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДЕНИСОВИЧ В. В.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДМИТРИЕВА А. А.**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права; криминологии юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (г. Челябинск); **ДОБРОБАБА М. Б.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДУНДУКОВ М. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института проблем безопасности СНГ (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, кандидат юридических наук, доцент, директор Института государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень); **ЙИРАСЕК Й.**, заведующий кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц, кандидат юридических наук (Чешская Республика); **КАРАСЕВ А. Т.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **КВАНИНА В. В.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **КОСТЮК М. Ф.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва); **КРУСС В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета (г. Тверь); **ЛЕКСИН И. В.**, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления, заместитель декана факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова по развитию (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **МИХАЙЛОВ В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ; **МУШКЕТ И. И.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН (г. Самара); **НИКОДИМОВ И. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета (г. Москва); **ПЕТРОВ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (г. Санкт-Петербург); **ПЕТРОВ П. К.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического университета Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия» (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса экспертной деятельности Челябинского государственного университета (г. Челябинск); **СЕРОВА О. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков); **УЛЬЯНОВ А. Ю.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического института Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **УТКИН Н. И.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева (г. Санкт-Петербург); **ХАМИДУЛЛИНА Ф. И.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); **ЯКУПОВ В. Р.**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Челябинск).

Шеф-редактор **П. К. Петров**. Ответственный секретарь **В. В. Денисович**. Верстка **М. В. Трифионовой**

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала 73848

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области
Регистрационный номер серии ПИ № ТУ74-01474 от 11 октября 2023 г.
Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. В. И. Ленина, 76, ЮУрГУ, Издательский центр.
Тел./факс +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. E-mail: problemiprava28@mail.ru
Сайт журнала: <http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

2, 2025

18+

FOUNDERS JOURNAL: Chelyabinsk Bar Association

CHIEF EDITOR

V. V. KUDINOV, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow)

EDITORIAL BOARD:

A. B. BEKMAGAMBETOV, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director General of the Republican Research Institute for Labor Protection of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan, member of the Expert Council of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **Yu. A. VORONIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **V. Yu. GOLUBOVSKY**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow); **E. A. GROMOVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure of the Law Institute of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **S. M. DAROVSKIKH**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Departments of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination of South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **A. V. DENISOVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow); **V. V. DENISOVICH**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies at the Institute of Linguistics and Translation of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **A. A. DMITRIEVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Law Institute of South Ural State University (NRU); **M. B. DOBROBABA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow); **M. Yu. DUNDUKOV**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the CIS Security Research Institute (Moscow); **S. S. ZENIN**, Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of State and Law of the Tyumen State University (Tyumen); **Y. YIRASEK**, Head of the Department of Constitutional Law and Public International Law of the Faculty of Law of the University, Palackého in G. Olomouc, Candidate of Law (Czech Republic); **A. T. KARASEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. V. KVANINA**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business Law of the Yuzhno-Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **M. F. KOSTYUK**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **V. I. KRUSS**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law of Tver State University (Tver); **I. V. LEKSIN**, Doctor of Law, Candidate of Economics, Head of the Department of Legal Foundations of Management, Deputy Dean of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University for Development (Moscow); **A. V. MAYFAT**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. A. MALINOVSKY**, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Republic of Kazakhstan, (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **V. I. MIKHAILOV**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **I. I. MUSKET**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Respect for the Electoral Rights of Citizens of the Member States participants of the IPA CIS (Moscow); **A. P. NEKRASOV**, Professor of the Department of Professional Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law, Professor (Samara); **I. Yu. NIKODIMOV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian State Social University (Moscow); **A. V. Petrov**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation (St. Petersburg); **P. K. PETROV**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Law Institute of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **N. A. PODOLNY**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings of the Sredne-Volzhsky (Saransk) Branch of the Russian Law Academy (Saratov); **A. B. SERGEEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Expert Activity of the Federal State Budgetary Educational Institution Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **O. A. SEROVA**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Pskov State University (Pskov); **A. Yu. ULYANOV**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Law Institute of the South Ural State University (Chelyabinsk); **N. I. UTKIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev (St. Petersburg); **F. I. KHAMIDULLINA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan); **V. R. Yakupov**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private Law of the Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk).

Editorial Director **P. K. Petrov**; Executive Editor **V. V. Denisovich**; Layout by **M. V. Trifonova**

Address of the editors office: 454080, 76 Lenin pr., SUSU, Publishing House, Chelyabinsk, Russia
Phone/Fax +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. problemprava28@mail.ru
<http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

В НОМЕРЕ:

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 7 —

Абдуллаев Р. А.

Правовая характеристика Торгового кодекса Турецкой Республики

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

— 14 —

Бакасов Р. Р.

Финансово-экономические правоотношения в структуре финансового рынка

— 20 —

Ренгольд О. В., Черникова А. С.

Правовые аспекты бухгалтерского и налогового учёта в деятельности инновационных предприятий

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

— 25 —

Громова Е. А.

Стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности технологических компаний

— 30 —

Мидова М. А.

Унификация цивилистического процесса: концептуальные и теоретические основы

— 35 —

Половникова Н. В.

К вопросу о гражданско-правовой ответственности пользователей электросамокатов

— 39 —

Рогожин С. В.

Сроки обращения в суд и их влияние на осуществление субъективных гражданских прав

— 43 —

Самарцева М. В.

Определение понятия искусственного интеллекта на современном этапе развития технологии

— 58 —

Томилов А. Ю.

Защита прав сторон в обязательственных отношениях при оказании медицинских услуг

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 64 —

Бегиев И. Р.

Цифровые угрозы безопасности собственности:
криминологический ответ кражам и мошенничествам, совершаемым бесконтактным способом

— 68 —

Евлов Т. Я.

Правовое определение и регулирование цифровой информации, цифровых систем
и кибердеятельности в контексте киберугроз

3

— 74 —

Исакова Ю. И., Миллеров Е. В.

О некоторых аспектах освобождения от уголовной ответственности
в связи с примирением с потерпевшим лиц,
совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних

— 80 —

Дмитриева А. А., Петров П. К.

Проблемы квалификации смежных составов преступлений,
связанных с незаконным оборотом наркотических средств

— 87 —

Петров П. К.

Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, — незаконная охота

IN THIS ISSUE

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

— 7 —

Abdullaev R. A.

Legal Characteristics of the Commercial Code of the Republic of Turkey

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

— 14 —

Bakasov R. R.

Financial and Economic Legal Relations in the Structure of the Financial Market

— 20 —

Rengold O. V., Chernikova A. S.

Legal Aspects of Accounting and Tax Accounting in the Activities of Innovative Enterprises

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

— 25 —

Gromova E. A.

Stimulating Legal Regime of Entrepreneurial Activity of Technological Companies

— 30 —

Midova M. A.

Unification of the Civil Process: Conceptual and Theoretical Foundations

— 35 —

Polovnikova N. V.

On the Issue of Civil Liability of Electric Scooter Users

— 39 —

Rogozhin S. V.

The Terms for Applying to the Court and their Impact on the Exercise of Subjective Civil Rights

— 43 —

Samartseva M. B.

Definition of the Concept of Artificial Intelligence at the Present Stage of Technology Development

— 58 —

Tomilov A. Y.

Protection of the Rights of the Parties in Mandatory Relations in the Provision of Medical Services

CRIMINAL LAW SCIENCES

— 64 —

Begishev I. R.

Digital Threats to Property Security: Criminological Response Theft and Fraud, Performed in a Contactless Manner

— 68 —

Yevloev T. Ya.

Legal Definition and Regulation of Digital Information, Digital Systems and Cyber Activities in the Context of Cyber Threats

— 74 —

Isakova Yu. I., Millerov E. V.

Some Aspects of Exemption from Criminal Liability in Connection with Reconciliation
with the Victim of Persons Who Have Committed Crimes Against the Sexual Integrity of Minors

— 80 —

Dmitrieva A. A., Petrov P. K.

Problems of Qualification of Related Offences Related to Illicit Trafficking of Narcotic Drugs

— 87 —

Petrov P. K.

Problems of Qualification of the Offence Stipulated by Art. 258 of the Criminal Code
of the Russian Federation — Illegal Hunting

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

DOI: 10.24412/2075-7913-2025-2(98)-7-13

УДК 347.718

Абдуллаев Р. А.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОРГОВОГО КОДЕКСА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В условиях глобализации и интеграции в международную экономическую систему Турция обновила свои торговые законы посредством принятия Нового Торгового Кодекса (NTCC) в 2011 году. Этот кодекс вступил в силу в 2012 году и предусматривает модернизацию корпоративного управления и усиление прозрачности. Для анализа изменений NTCC использовались тексты законодательства, отчеты Министерства юстиции Турции и сравнительные правовые исследования. Особое внимание уделено изучению влияния изменений на корпоративное право и международные стандарты. NTCC ввел новые требования к аудиту и финансовой отчетности, что повысило прозрачность и доверие к турецким компаниям. Кодекс установил обязательства по корпоративному управлению, способствующие лучшей интеграции в европейское законодательное пространство. Реализация положений NTCC способствует повышению конкурентоспособности турецких компаний на международной арене и приближает законодательство Турции к стандартам ЕС. Несмотря на значительные усилия, требуемые для адаптации бизнеса, изменения в NTCC укрепляют правовую базу и делают страну более привлекательной для инвесторов.

Ключевые слова: новый Торговый Кодекс Турции, корпоративное управление, международные стандарты, прозрачность бизнеса, аудит и отчетность, правовая интеграция, экономическая конкурентоспособность, Европейский Союз.

Для цитирования: Абдуллаев Р. А. Правовая характеристика Торгового кодекса Турецкой Республики // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 7–13.

Abdullaev R. A.

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE COMMERCIAL CODE OF THE REPUBLIC OF TURKEY

Abstract. In the context of globalization and integration into the international economic system, Turkey updated its trade laws by adopting the New Turkish Commercial Code (NTCC) in 2011. This code, effective from 2012, aims to modernize corporate governance and enhance transparency. The analysis of NTCC changes utilized legislative texts, reports from the Turkish Ministry of Justice, and comparative legal studies. Special attention was paid to the impact of changes on corporate law and international standards. NTCC introduced new requirements for auditing and financial reporting, increasing transparency and trust in Turkish companies. The Code established corporate governance obligations that facilitate better integration into the European legislative framework. The implementation of NTCC provisions enhances the competitiveness of Turkish companies on the international stage and aligns Turkey's legislation with EU standards. Despite significant efforts required for business adaptation, changes in NTCC strengthen the legal foundation and make the country more attractive to investors.

7

Теоретико-исторические
правовые науки

Keywords: *New Turkish commercial Code, corporate governance, international standards, business transparency, audit and reporting, legal integration, economic competitiveness, European Union.*

Современные экономические условия требуют от законодательства гибкости и адаптивности к постоянно изменяющимся международным стандартам и практикам. В ответ на эти вызовы Турция приняла новый Торговый кодекс (NTCC), который стал значительным шагом на пути к модернизации корпоративного права и усилению интеграции страны в глобальную экономическую систему. Принятый Великим национальным собранием Турции 13 января 2011 года и вступивший в силу 1 июля 2012 года, NTCC представляет собой фундаментальное переосмысление и реформирование коммерческих стандартов, отражающее стремление страны соответствовать и даже превосходить международные нормы.

Настоящая статья анализирует ключевые изменения, внесенные в Торговый кодекс, оценивает их влияние на коммерческую практику в Турции и обсуждает последующие правовые и экономические последствия. Основное внимание уделяется таким аспектам, как корпоративное управление, аудиторская деятельность, обязательства по транспарентности и соблюдение международных стандартов финансовой отчетности.

Новый Торговый кодекс Турции (далее — NTCC) был принят Великим национальным собранием Турции (Türkiye Büyük Millet Meclisi, далее — TBMM) 13 января 2011 года. После подписания президентом он был опубликован в официальном турецком журнале (далее — TOJ) 14 февраля 2011 г. [1 с. 96] NTCC вступил в силу 1 июля 2012 г., за исключением ряда его положений, которые состоят из двух групп, обе из которых вступили в силу год спустя, 1 июля 2013 года. Первая группа касается вопросов, которым должны соответствовать «компании, ориентированные на капитал», касающихся интернет-сайтов, которые все они обязаны будут иметь. Другая группа положений касается (1) турецких стандартов бухгалтерского учета, которые идентичны международным стандартам финансовой отчетности (IFRS) и которым будут обязаны соответствовать все коммерческие предприятия (включая «частных лиц и юридические лица, выступающие в качестве коммерсантов») и (2) Турецкие стандарты аудита, которые идентичны

международным стандартам аудита и обеспечения достоверности, которые будут применяться к аудиту компаний, ориентированных на капитал. Поскольку обе группы положений предполагают множество фундаментальных и всеобъемлющих изменений, было сочтено необходимым и уместным предоставить предприятиям 18-месячный период, в течение которого они приведут себя в соответствие с новыми правилами. Закон № 6103, который содержит положения, регулирующие переход к новым правилам и адаптацию к ним, также был подписан Президентом и опубликован в TOJ вместе с NTCC. Он также вступил в силу 1 июля 2012.

Однако NTCC в его первоначальной редакции Закона № 6102 (NTCC 2011) и Закона о применении № 6103 были изменены Законом № 6335 от 26 июня 2012 года, всего за несколько дней до вступления указанных законов в силу. Некоторые из наиболее заметных поправок, отражающих результаты интенсивных усилий деловых кругов и их зонтичных организаций, будут представлены в этой статье.

(а) Система NTCC 2011 в отношении коммерческих правонарушений и наказаний, которая уже была более мягкой, чем системы, применяемые в странах ЕС, особенно те, что во Франции и Германии, стали еще менее строгими. В различные статьи NTCC, касающиеся коммерческих правонарушений, такие как статьи: 33, 38, 51(1), 52(2) и 562(1) — (14), были внесены поправки и смягчены наказания. Некоторые тюремные сроки были преобразованы в штрафы, в то время как штрафы, налагаемые судами, были преобразованы в штрафы, налагаемые государственными учреждениями, при этом, в случае неуплаты штрафов, назначенных судом, такой штраф может быть преобразован в тюремное заключение.

(б) Одна из реформ, проведенных NTCC в 2011 году, касалась системы аудита. Новый закон обязал корпорации, одна часть которых являлась государственными компаниями, а другая компаниями с ограниченной ответственностью, создать новую систему аудита, состоящую только из независимых аудиторов. Причина этой реформы заключалась в том, что в течение 95 лет, с тех пор как Турецкий торговый кодекс

(далее — ТТК) 1926 вступил в силу, также и во время применения ТТК 1956, коммерческие компании подвергались аудиту непрофессиональными «контролерами», чьи аудиторские отчеты обычно состояли максимум из двух или трех предложений и всегда достигали определенного результата, а именно положительного заключения.

(с) В соответствии с NTCC 2011 все акционерные общества и компании с ограниченной ответственностью были обязаны создать веб-сайт организации. Эти компании обязаны были публиковать на своих веб-сайтах информацию, которая может понадобиться общественности, включая инвесторов, а также их консультантов и помощников, даже СМИ, которые ориентированные на рынок капитала, которые используют финансовую отчетность компаний в самом широком смысле этого слова. Результате активной кампании против этой новой системы прозрачности и дезинформации, распространяемой среди общественности, статьи были существенно изменены, хотя и не отменены полностью. Были ограничены сведения, подлежащие раскрытию на веб-сайте; в частности, были отменены требования о раскрытии информации о вознаграждении руководителей высшего звена, финансовой отчетности и аудиторских отчетах.

(d) Статьи 358 и 395, касающиеся займов акционеров и директоров, которые тщательно обсуждались публично, были смягчены. С изменениями, внесенными Законом № 6335, займы для акционеров разрешены в том случае, если акционер выплатил все непогашенные взносы в основной капитал, а прибыль компании и расходные резервы достаточны для покрытия убытков предыдущих лет, что касается директоров, то займы для них по-прежнему запрещены.

(е) Статья 39(2), которая была заимствована из § 80 AktG (Закон «Об акционерных обществах») и § 35a GmbHG (Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»), была изменена. Соответственно, номер торгового реестра компании, фирменное наименование, юридический адрес и, если компания обязана создать веб-сайт, адрес веб-сайта должен быть указан на фирменном бланке компании, также, капитал компании и сведения о директорах должны быть указаны только на веб-сайте компании.

(f) Одна из важных реформ NTCC 2011, которая также была отменена Законом

№ 6335, заключалась в том, что важные сделки компании, такие как слияние, разделение, поглощение, присоединение, а также увеличение и уменьшение капитала, должны подлежать специальному аудиту. Аудитор назначался только в отношении этих операций, и его обязанности ограничены рассмотрением этих сделок. Эта новая система также была отменена из-за проблем с дороговизной.

Комиссия экспертов (далее — Комиссия) была сформирована в 1999 году Министерством юстиции, и ей было поручено подготовить проект нового Торгового кодекса. Появившийся после пятилетнего периода интенсивной работы, проект шесть лет обсуждался в комитетах ТВММ. В состав Комиссии вошли сотрудники кафедр коммерческого права юридических факультетов и палат Верховного апелляционного суда, занимающихся коммерческим правом, а также представители Совета по рынкам капитала (далее — СМВ), Совета по стандартам бухгалтерского учета Турции (далее — ТАСВ), Агентства банковского регулирования и надзора, Казначейство (Департамент финансов), Заместитель министра морской торговли, Министерство промышленности и торговли, Министерство транспорта, Турецкий союз торговых палат и товарных бирж, Турецкая ассоциация юристов и Турецкая ассоциация нотариусов. Было сформировано шесть подкомиссий, и для каждой из них был назначен председатель. Эти подкомиссии отвечали за подготовку проектов «книг», которые должны были составить NTCC, и именно эти проекты обсуждались на генеральной ассамблее Комиссии. Первый предварительный проект NTCC был обнародован в феврале 2005 года. Изучив критические замечания и предложения университетов и других осведомленных кругов, Комиссия выявила 18 общественных организаций, которые имели отношение к проекту. С каждым из них были проведены индивидуальные встречи, в ходе которых обсуждались их предложения. В ходе этого процесса проект претерпел ряд изменений, окончательное из которых стало правительственным проектом и было направлено в парламент в ноябре 2005 года.

Сохраняя ряд традиций, унаследованных от предыдущих турецких коммерческих кодексов (в частности, от 1926 и 1956 годов), NTCC представляет собой единый кодекс, состоящий из шести книг, каждая из которых посвящена опреде-

ленному предмету, которые касаются различных аспектов коммерческого права. Как и предыдущие проявления Турецкого коммерческого кодекса, отношение NTCC к «коммерческому праву» очень напоминает отношение немецкого Торгового кодекса (Handelsgesetzbuch) (далее — HGB) предыдущей версии 1897 года, которая действовала до ее пересмотра от 30 января 1937 года. Другими примерами такого рода, которые можно упомянуть, являются Швейцарский Кодекс обязательственного и торгового права (Obligationenrecht) (далее — OR), Гражданский кодекс Италии 1942 года и французский коммерческий кодекс. В этом отношении NTCC является «центральной частью управления». Книга 1 посвящена «коммерческим предприятиям», книга 2 — «коммерческим компаниям», книга 3 — «оборотным инструментам», книга 4 — «перевозке грузов», книга 5 — «морскому праву» и книга 6 — «страховому праву». Все шесть книг основаны на одних и тех же базовых концепциях, и основополагающих принципах права, а также на общем коммерческом и культурном опыте. Подход «единого кодекса» также воплощает единообразие турецкого частного права. Как и в случае с предыдущим Торговым кодексом Турции (ТСС 1956), в статье 1 NTCC говорится, что «Торговый кодекс Турции является неотъемлемой частью Гражданского кодекса Турции», что указывает на целостность турецкого частного права. Статья 646 Обязательственного кодекса Турции подчеркивает ту же целостность, поскольку в ней говорится, что Турецкий обязательственный кодекс является пятой книгой Гражданского кодекса Турции и дополняет его. Принцип единообразия не умаляет независимости NTCC ни в отношении Гражданского кодекса Турции, ни в отношении Обязательственного кодекса Турции. Предыдущий ТСС 1956 года состоял из пяти книг. В нем не рассматривалось транспортное право в качестве отдельной книги, и «оборотные документы» рассматривались под рубрикой «Транспортные накладные». Подход NTCC к транспортному праву в целом и признание его независимости от оборотных документов, являются двумя его новшествами.

(а) Первой целью NTCC является обеспечение того, чтобы «язык», на котором говорят турецкие предприятия, был совместим с тем, что используется на международных рынках. Это делается для того, чтобы добиться турецкими компаниями

доверия и повысить конкурентоспособность на таких рынках;

(b) Вторая цель, которой NTCC придает большое значение — и она проходит через все шесть книг, хотя и применима, в частности, к «коммерческим компаниям», — заключается в достижении прозрачности на максимально эффективном и всеобъемлющем возможном уровне;

(с) Для такой страны, как Турция, которая в настоящее время ведет переговоры о том, чтобы стать полноправным членом ЕС, соблюдение законодательства сообщества является третьей целью NTCC, которой она придает такое же значение, как и первым двум. По этой причине не только все нормативные акты, директивы и рекомендации ЕС, касающиеся вопросов, рассматриваемых во всех шести книгах, отраженных в NTCC, но даже экспертные отчеты высокого уровня, сообщения и планы действий также были приняты во внимание;

(d) Четвертая цель заключалась в обеспечении того, чтобы влияние технологических достижений (особенно интернет-технологий) на коммерческие предприятия отражалось не только в корпоративном праве, но и в морском праве и страховом законодательстве;

(е) Наконец, в качестве дополнительной цели в NTCC был интегрирован ряд гарантий и механизмов, предназначенных для решения проблем глобализации. Последствия глобализации не всегда были благоприятными, особенно в случае стран, которые оказались неподготовленными ко всем ее последствиям. В то время как прозрачность, обусловленная глобализацией, и такие разработки, как Базель I, II и III, хороши, такие вещи, как «горячие деньги» (движение краткосрочных депозитов), непродуманная — или даже злонамеренная — «секьюритизация» и заразительная волатильность финансового рынка — нет.

Книга 1 построена вокруг центральной концепции «коммерческого предприятия», которую она унаследовала от ТТК 1956. Концепция «коммерческого предприятия» отличает коммерческое право от гражданского права (особенно обязательственного права) в рамках единообразия частного права». В этом отношении данная концепция играет важную роль в широком спектре вопросов, начиная с определения «коммерсанта» и заканчивая определением «коммерческой сделки», от определения того, что является «коммерческим право-

нарушением», до определения коммерческих споров и сферы деятельности полного товарищества с ограниченной ответственностью и товарищества с ограниченной ответственностью. В 1938 году, когда обсуждались интеллектуальные основы ТТК 1956, Эрнст Э. Хирш подверг критике как субъективность HGB, основанную на торговле, так и объективность Code de Commerce (Торговый кодекс Франции), основанную на транзакциях.

Хотя NTCC унаследовала эту чрезвычайно фундаментальную концепцию от своих предшественников, она определяет коммерческое предприятие как «любое предприятие», осуществляющее деятельность, целью которой является получение дохода непрерывным и независимым образом и на таком уровне, чтобы превысить пределы, установленные для торговцев и ремесленников (статья 11(1) NTCC). В то же время в нем также говорится, что коммерческое предприятие является «юридическим лицом», что позволяет признавать его субъектом юридических сделок по закону (статья 11 NTCC (3)).

Правила, регулирующие коммерческие регистры, были пересмотрены по четырем пунктам. Во-первых, были реструктурированы взаимоотношения между Министерством промышленности и торговли, и торгово-промышленными палатами (которые фактически ведут реестры), а также организациями самих коммерческих реестров (статья 24 NTCC). Во-вторых, как государство, так и сама палата несут совместную ответственность за любые убытки, возникающие в результате ведения реестра. В-третьих, коммерческие реестры были приведены в соответствие с Первой директивой Совета ЕЭС 68/151 [2. С. 41], касающейся законодательства о компаниях, которая гарантирует, что такие реестры регулируются как правилами раскрытия информации, так и принципами доверия. В-четвертых, эта часть NTCC была составлена таким образом, чтобы соответствовать Директиве ЕС 2003/58, которая вносит поправки в Первую директиву Закона о компаниях, требующую, чтобы коммерческие реестры должны вестись в электронном формате, он также включает положения, позволяющие заинтересованным сторонам получать доступ к коммерческим реестрам онлайн. В соответствии с поправками к NTCC персональные данные, полученные и обработанные (введенные в систему) для целей операций электронного торгового реестра, будут

защищены в соответствии с законодательством о защите и безопасности персональных данных.

Правила NTCC, регулирующие недобросовестную конкуренцию, основаны на подходе, учитывающем современные тенденции. Вдохновленные статьей 1 Федерального закона Швейцарии «О недобросовестной конкуренции» (Федеральный закон «О борьбе с коррупцией» от 19 декабря 1986 года), начинается изложение цели концепции недобросовестной конкуренции. После этого, в законе формулируется ведущий принцип недобросовестной конкуренции — в некотором смысле, ее философия. Наконец, ряд распространенных видов конкуренции, которые можно считать, приведен список несправедливых и, следовательно, незаконных действий. Определение недобросовестной конкуренции, данное ТТК в 1956 году («злоупотребление экономической конкуренцией любым способом, путем обмана, действий и поведений, которые нарушают принцип добросовестности»), было одномерным: список распространенных видов недобросовестной конкуренции, закрепленный только в нем, закон защищал предприятия только от конкурентов, чьи действия являются лживыми или злонамеренными. Прецедентное право, со своей стороны, оставалось связанным этой одномерностью, чье ограниченное видение игнорировало интересы потребителей, других игроков рынка и общественности в целом. Подход NTCC к борьбе с недобросовестной конкуренцией, напротив, гораздо шире в сфере применения, поскольку его целью является «обеспечение справедливой и неискоренной конкуренции в интересах всех заинтересованных сторон», в соответствии со статьей 1 Швейцарского закона 1986 года. Его новая перспектива основана на плюралистической заботе об интересах, и его концепция четко сформулирована в статье 54 следующим образом: «Любое поведение или торговая практика, которые вводят в заблуждение или иным образом противоречат правилу добросовестности и которые влияют на отношения между конкурентами или между поставщиками и клиентами, являются несправедливыми и незаконными».

Еще одним нововведением NTCC является его забота о недобросовестной рекламе, которая вообще не рассматривается в ТТК 1956. Правила NTCC по этому вопросу были написаны таким образом, чтобы соответствовать Директиве 97/55/ЕС

о сравнительном рекламе, с одной стороны, и, с другой стороны, включить в национальное законодательство Турции положения Директивы Совета 84/450/ЕЭС, касающиеся сближения законодательства, нормативных актов и административных положений государств-членов, касающихся рекламы, вводящей в заблуждение.

Третий радикальный шаг, предпринятый NTCC в отношении недобросовестной конкуренции, касается недобросовестной конкуренции, осуществляемой с помощью средств массовой информации, сфера применения которых была значительно расширена по сравнению с тем, что существовало в ТТК 1956 года. Согласно статье 58 NTCC, если недобросовестная конкуренция имела место через какое-либо предприятие, занимающееся издательской деятельностью, вещанием, коммуникацией или информационными технологиями, или через любую другую организацию, которая может начать функционировать в результате будущих технологических разработок, против владельцев и рекламодателей сайта могут быть возбуждены различные иски о недобросовестной конкуренции. Контент, который публикуется, транслируется или иным образом передается в любой аудиовизуальной форме с помощью любых средств массовой информации управляется такими организациями. Это нововведение в NTCC совместимо со статьей 13 Директивы 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 года, касающейся обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторах электронных коммуникаций (Директива о конфиденциальности и электронных коммуникациях).

Инициативы, предпринятые NTCC в отношении коммерческой документации и финансовой отчетности, были названы некоторыми учеными «важными изменениями». Это особенно верно в случае ученых, занимающихся бухгалтерским учетом. Изменения действительно важные, потому что через NTCC, Турция впервые избавляется от архаичной и противоречащей налоговому законодательству системы бухгалтерского учета, единственной целью которой является защита интересов налоговых органов, воплощенной в Кодексе налоговых процедур, который изначально был принят в 1950 году. Кодекс налоговых процедур был заменен системой финансовой отчетности, учитывающей интересы инвесторов и частных лиц, которые должны осмысленно использовать финансовую

отчетность. Безусловно, как Закон «О рынках капитала» 1982 года, так и последующие коммюнике Совета по рынкам капитала, создали современную систему бухгалтерского учета для публичных компаний, которые признаны турецким законодательством. В основе подхода NTCC лежит признание международных стандартов финансовой отчетности (далее — МСФО). Согласно NTCC, правила, связанные с МСФО, применимы ко всем продавцам, будь то частные лица или корпоративные организации. Сюда в полной мере входят коммерческие компании и корпоративные группы, ориентированные на капитал и человека (и, следовательно, консолидированные счета). Упрощенные формы Турецких стандартов бухгалтерского учета (TACS) были разработаны для малых и средних предприятий, и некоторые из этих стандартов применимы к микропредприятиям.

Пожалуй, одним из наиболее интересных аспектов новой системы финансовой отчетности Турции является воплощение в NTCC доктрины «истинного и беспристрастного взгляда», которая является основополагающим принципом бухгалтерского учета, встречающимся в англосаксонской доктрине. «Принцип объективной картины», содержащийся в статье 515 NTCC, считается основополагающим принципом, применимым ко всей финансовой отчетности.

Правила, касающиеся самозанятых коммерческих агентов, были пересмотрены в NTCC несколькими способами. Прежде всего, были введены новые принципы, регулирующие вознаграждение коммерческих агентов (комиссионные). Это объясняется тем, что положения ТТК 1956, касающиеся комиссионных, были не только неадекватными и далеко не ясными, но и наносили ущерб интересам таких агентов. Новые правила были составлены таким образом, чтобы они были совместимы с Директивой 86/653/ЕЭС и с HGB § 87b. Во-вторых, положение, касающееся требований о компенсации (Ausgleichsanspruch, вопрос, не рассматривавшийся в ТТК 1956), которое было добавлено в NTCC, было вдохновлено HGB § 89b. Наконец, положение, касающееся соглашения, запрещающих конкуренцию, было разработано по образцу статьи 90a HGB.

Проанализированные изменения в Торговом кодексе Турции свидетельствуют о значительных шагах в направлении усовершенствования корпоративного управ-

ления, аудита и коммерческой транспарентности. Внесенные с 2011 года нововведения способствуют повышению конкурентоспособности турецких компаний на международном уровне, одновременно укрепляя доверие инвесторов за счет стандартизации финансовой отчетности и аудита.

В заключение, новый Торговый кодекс Турции демонстрирует, как законодатель-

ные изменения могут стимулировать экономическое развитие и в то же время гарантировать справедливость и прозрачность в коммерческой деятельности. Продолжение следования этому направлению обещает укрепить правовую и деловую среду Турции, делая ее более привлекательной для международных инвесторов и партнеров.

Литература

1. Турецкий торговый кодекс (Закон № 6102) // TOJ 27846. 14 февраля 2011 года. Для общей пояснительной записки, которая излагает цели, задачи, принципы и философию NTCC, и для пояснительных записок, которые раскрывают идеи, лежащие в основе каждой статьи для помощи в ее интерпретации // *Türk Ticaret Kanunu Tasarısı ve Adalet Komisyonu Raporu (1/324)* [Проект Турецкого торгового кодекса и отчет Комиссии по правосудию (1/324)]. TBMM, 2007. — 330 с.
2. Первая директива Совета 68/151 от 9 марта 1968 г. о координации гарантий, которые, для защиты интересов членов и других лиц, требуются государствами-членами для компаний в значении второго параграфа статьи 58 Договора, с целью приведения таких гарантий к эквивалентности во всем Сообществе // Специальное английское издание: Серия I Глава 1968 (1). — 210 с.

References

1. Turkish Commercial Code (Law No. 6102) // TOJ 27846. 14 February 2011. For a general explanatory note that sets out the aims, objectives, principles and philosophy of the NTCC and for explanatory notes that reveal the ideas behind each article to assist in its interpretation // *Türk Ticaret Kanunu Tasarısı ve Adalet Komisyonu Raporu (1/324)* [Draft Turkish Commercial Code and Justice Commission Report (1/324)]. TBMM, 2007. 330 p.
2. First Council Directive 68/151 of 9 March 1968 on the coordination of the guarantees which, in order to protect the interests of Members and others, are required by Member States for companies within the meaning of the second paragraph of Article 58 of the Treaty, with a view to bringing such guarantees to equivalence throughout the Community // English Special Edition: Series I Chapter 1968 (1). 210 p.

Сведения об авторе

Абдуллаев Рашад Абдул оглы — аспирант кафедры гражданского права и процесса Академии Труда и Социальных отношений. Управляющий партнер юридической компании «R&A Group Ltd.» (г. Москва, Российская Федерация). Электронная почта: rashadabdullaev@inbox.ru

Information about the author

Abdullaev Rashid Abdul oglu — postgraduate student of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations. Managing Partner of the law firm «R&A Group Ltd.» (Moscow, Russian Federation). E-mail: rashadabdullaev@inbox.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.04.2025

Дата рецензирования / Received: 25.04.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 28.04.2025

13

Теоретико-исторические
правовые науки

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Аннотация. На современном этапе развития финансового рынка России, появляются вопросы связанные с определением общественных отношений, нарушение которых осуществляется в ходе совершения противоправных действий. Согласно наиболее распространенной точки зрения, урегулированные нормами права общественные отношения, есть ничто иное как правоотношения, и рассматриваться должны как финансово-экономические так как находясь на междисциплинарном стыке юридических и экономических наук, регулируют такой сектор российской экономики как финансовый рынок. Именно финансово-экономические правоотношения должны рассматриваться как элемент, с помощью которого возникает концептуальная модель прав, обязанностей и поведения сторон, включая поведение комитентов, трансформирующиеся в истинное положение финансовой деятельности участников рынка финансовых услуг. Данный вид правоотношений должен рассматриваться как охраняемое государством волевое индивидуализированное общественное отношение, участники которого связаны взаимными, корреспондирующими юридическими правами и обязанностями, в состав которого будут входить субъекты правоотношений, субъективные юридические права и обязанности (юридическое содержание правоотношения) [1. С. 93], фактическое правомерное поведение, при котором реализуются права и обязанности (материальное содержание правоотношения) и объекты правоотношения [2. С. 21]. В заключении автор предлагает понятие финансово-экономических правоотношений, возникающих на финансовом рынке.

Ключевые слова: общественные отношения, правоотношения, финансовый рынок, финансовая деятельность, стратегия криминологической деятельности, финансово-экономические правоотношения.

Для цитирования: Бакасов Р. Р. Финансово-экономические правоотношения в структуре финансового рынка // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 14–19.

Bakasov R. R.

FINANCIAL AND ECONOMIC LEGAL RELATIONS IN THE STRUCTURE OF THE FINANCIAL MARKET

Abstract. At the present stage of development of the financial market of Russia, questions arise related to the definition of public relations, the violation of which is carried out in the course of committing illegal actions. According to the most common point of view, public relations regulated by the norms of law are nothing more than legal relations, and should be considered as financial and economic, since being at the interdisciplinary junction of legal and economic sciences, they regulate such a sector of the Russian economy as the fi-

nancial market. It is financial and economic legal relations that should be considered as an element with the help of which a conceptual model of rights, obligations and behavior of the parties arises, including the behavior of principals, transforming into the true position of the financial activities of participants in the financial services market. This type of legal relationship should be considered as a volitional individualized social relationship protected by the state, the participants of which are bound by mutual, corresponding legal rights and obligations, which will include subjects of legal relations, subjective legal rights and obligations (legal content of legal relations) [1. P. 93], actual lawful behavior, in which rights and obligations are realized (material content of legal relations) and objects of legal relations [2. P. 21]. In conclusion, the author proposes the concept of financial and economic legal relations arising in the financial market.

Keywords: public relations, legal relations, financial market, financial activity, strategy of criminological activity, financial and economic legal relations.

На современном этапе развития одного из основных сегментов российской экономики, рынка финансовых услуг, становится необходимым рассмотрение такого жизненно важного элемента как финансово-экономические правоотношения. Современная юридическая наука достигла высоких показателей при изучении возникающих правоотношений, в данном экономическом секторе. Однако, привлечение населения страны в финансовую деятельность с целью повышения уровня жизни, развитие российского бизнеса, будет влиять на значительный подъем всей экономики страны, а внедрение цифровых продуктов и использование ультрасовременных информационно-телекоммуникационных технологий испытывают значительные затруднения перед современной реальностью. Одной из таких актуальных задач, в условиях расширения общественных отношений, являются исследование правоотношений, возникающих на финансовом рынке России.

Российская экономическая сфера является интенсивно развивающейся, наиболее сложной, но недостаточно урегулированной. Известно, что правоотношения, это регулируемые нормами права общественные отношения, которые могут являться связью коммуникаций в социуме, в том числе и в сфере финансово-экономической деятельности. При этом интенсивность развития экономики будет способствовать расширению правоотношений, что дает основания подходить к определению финансово-экономических правоотношений и его структуры, не создавая громоздких конструкций, но и не делая их абстрактными.

В связи с этим следует рассматривать правоотношения через общие и специальные признаки, обладающие основными качествами, такими как:

- формирование правоотношений, их изменение и прекращение будет проходить при непосредственном законодательном регулировании;
- охрана правоотношений гарантирована государством;
- правоотношения между участниками строятся на основе субъективных прав и юридических обязанностей, обеспеченных государством;
- правоотношения несут в себе инициативный, волевой характер;
- правоотношения направлены на регулирование коммуникаций между участниками, в процессе их финансовой деятельности.

Вместе с тем специальные качества правоотношений, складываются при прямом участии государства в финансово-экономической деятельности:

- в обеспечении безопасности возникающих правоотношений участвуют все заинтересованные органы государственной власти;
- организация правоотношений построена по принципу «власть-подчинение»;
- государство в лице специальных органов имеет право вмешиваться в финансовую деятельность любого участника рынка финансовых активов, в чьих действиях есть основания, связанные с нарушением действующего законодательства;
- ответственность за нарушения наступает только перед государством и привязано к компенсации в его пользу.

Главная особенность финансовых правоотношений по мнению Ровинского Е. А. «заключается в том, что они являются юридической формой определенных экономических отношений» [3. С. 60].

История возникновения правоотношений [4. С. 76] вытекает из общей теории

государства и права, что подтверждает их практическую значимость, которая вместе с усовершенствованием процедур регулирования права, подразумевает под собой образование правовых отношений. Это в свою очередь доказывает особенность права, в способности регулировать отношения, возникающие в различных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства [5. С. 76], включая и финансово-экономическую. Для этого правовые нормы должны быть четко направлены тем и на те субъекты, между которыми и возникают такие финансово-экономические правоотношения, с комплексным осознанием и рассмотрением прав и обязанностей. В связи с этим при их характеристиках необходимо всегда акцентировать внимание на анализ объекта, субъекта и содержания [6. С. 109], которые в свою очередь также имеют внутренние разграничения.

Изучая объект правоотношений, необходимо вспомнить, что конечной целью является распределение материальных и нематериальных благ.

Субъектами в правоотношениях выступают физические и юридические лица [7. С. 50], а возникновение и прекращение финансово-экономических правоотношений будут обозначены как юридический факт, несущий в себе и события и действия. Так, например получение лицензии на осуществление брокерской деятельности будет являться событием, в свою очередь заключение брокерского договора между участниками рынка финансовых услуг — действием, которые также можно разделить на два вида, законные т. е. действующие в рамках правового поля, и незаконные несущие в себе нелегальные проявления.

Содержание включает способность использования юридических прав, исполнения обязанностей участниками правоотношений, возникающих на финансовом рынке в процессе экономической деятельности.

Необходимо отметить наличие разновидностей финансово-экономических правоотношений, которые подразделяются по функциям права, и включают два вида:

- регулятивные, возникающие в процессе заключения договорных обязательств между участниками рынка финансовых активов, с соблюдением правовых норм и наличии юридического факта;
- охранительные, возникающие из фактов нелегальной деятельности

субъектов, функционирующих на финансовом рынке, с появлением и исполнением юридической ответственности, предусмотренной законодательными нормами, поддерживаемые и гарантированные государством.

Проблемы правоотношений на финансовом рынке России являются недостаточно изученными в российской науке. Однако, отдельные вопросы, связанные с темой нашего исследования, нашли отражение в научных трудах целой плеяды отечественных ученых. Так, основополагающие принципы о возникающих правоотношениях рассматривались такими исследователями в области права как Ровинский Е. А., Алексеев С. С., Алексеева О. Г. и др., в области финансов — Грачева Е. Ю. Вознесенский Э. А. и др.

В статье использованы нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность финансового рынка России, специальная литература по предмету исследования, а ее основу составляют, общенаучные и частно-научные методы познания, анализ теоретических и нормативно-правовых источников.

При изучении теоретического аспекта общественных отношений, возникающих в процессе финансово-экономической деятельности мнения исследователей различаются. Так, некоторые авторы рассматривают финансы как общественные отношения складывающиеся в процессе распределения и перераспределения стоимости валового общественного продукта и части национального дохода в связи с образованием и использованием фондов денежных средств [8. С. 13]. По мнению других финансовая деятельность осуществляется по поводу финансовых ресурсов и денежных фондов, при осуществлении которых складываются отношения, которые приобретают форму правоотношений [9. С. 36]. Существует мнение и третьих авторов, которые утверждают, что это денежные отношения, которые имеют императивную форму (с лат. языка *jus cogens*), т. е. это правовая норма, точно определяющая права и обязанности субъектов права, и регулируются властными полномочиями [10. С. 70].

Представленные научные воззрения на предмет исследования свидетельствуют о том, что в теории отечественного финансового права сложился двойной подход для изложения содержания определения финансовых отношений. Однако согласно, первого подхода, финансовые правоотно-

ношения являются распределительными денежными отношениями, тогда как второй подход несет в себе суждение о том, что отношения возникающие в процессе формирования, распределения и использования денежных фондов, где в представленных некоторыми авторами понятиях прослеживается словосочетание финансовая деятельность государства.

Опираясь на результаты проведенного анализа, можно сделать заключение, о том, что именно наличие специального признака в финансово-экономических правоотношениях, возникающих на национальном финансовом рынке, модифицирует их в обособленный и самостоятельный вид. Отличительными признаками финансово-экономических правоотношений, возникающих на финансовом рынке России, являются следующие его компоненты:

- они существуют только и исключительно в рамках правового поля;
- данный вид правоотношений по форме является правовым, а по концептуальному содержанию экономическим;
- безопасность финансово-экономических правоотношений возникающих на рынке финансовых услуг должна обеспечиваться всеми органами государственной власти, входящими в систему национальной безопасности, исходя из приоритетов национального экономического развития¹;
- построение финансово-экономических правоотношений осуществляться по принципу «власть-подчинение», где гарантом является государство;
- государство в лице специальных органов, имеет право вмешиваться в финансовую деятельность всех участников, в действиях которых есть основания полагать, что имеет место нарушение норм российского законодательства;
- ответственность за выявленные нарушения в результате незаконных действий наступает перед государством, в пользу которого будет осуществляться компенсация за причинение вреда.

В связи с этим при разграничении понятий правовые и финансовые отношения, следует говорить о том, что возникающие

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 09.04.2025).

экономические и правовые взаимоотношения между участниками финансового рынка имеют общее начало, присущее комплексному формированию всех складывающихся общественных отношений, но кардинально отличающихся внутри каждого сегмента национального финансового рынка.

По мнению ученых цивилистов [11. С. 147], одним из видов взаимоотношений на рынке финансовых услуг, являются гражданские правоотношения, представляющие собой основанные на нормах гражданского права юридические отношения [12. С. 296], складывающиеся по поводу материальных и нематериальных благ, участники которых, обладая правовой автономией, выступают в качестве юридически равных носителей прав и обязанностей [13. С. 89], Мнение некоторых авторов о том, что гражданские правовые отношения это социальные отношения, с имеющимся рядом особенностей, охватывающие имущественные и неимущественные отношения весьма не точно, и охватывают далеко не все его признаки [14. С. 44].

Вместе с тем, правовые отношения несут в себе меры соблюдения определенных правил и законодательных норм при возникновении любых коммуникаций, в то время как экономические отношения отличаются уровнем самостоятельности, независимости и возможности выбора пути их развития.

Рассматривая общественные отношения на финансовом рынке, требуется обеспечить нормативно-правовое регулирование не только возникающих экономических отношений на всем пространстве финансового рынка России и его сегментах, но и подходить к его законодательному закреплению с учетом изначально возникающих, развивающихся и прекращающихся отношений.

Концепция противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке, принятая в 2018 году² подтверждает, что финансово-экономические правоотношения возникают на всех сегментах финансового рынка, имеют общую природу происхождения, но проистекают под различными специфическими условиями, которые нельзя не учитывать при их рассмотрении.

² Концепция противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке. — Центральный банк Российской Федерации, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/48603/concept_countersing_unfair_actions.pdf (дата обращения 02.09.2024 г.).

Вместе с тем представляется возможным создание общей системы безопасности, способной обеспечить защиту возникающих коммуникаций и охрану всей инфраструктуры финансового рынка, исключительно одним нормативно-правовым актом, регулирующим действия и деятельность участников финансового рынка России, с последующим распределением по сегментам рынка финансовых активов.

Эти и другие принимаемые меры будут способствовать надежному и безупречному обеспечению охраны прав, свобод и интересов личности, общества и государства [15. С. 31], выражающиеся в возникающих финансово-экономических правоотношениях, а также в предупреждении, выявлении и нейтрализации любых противозаконных действий, суть которых заключает в себя стратегия криминологической безопасности [16. С. 74].

Современные финансово-экономические правоотношения, возникающие на финансовом рынке России, как область совершения экономических преступлений находятся в постоянном движении и развитии. Данный вид противозаконной деятельности совершается со сложными архитектурными конструкциями, увеличением количества участников, использованием административного ресурса, с привле-

чением в противоправную деятельность специалистов в юридической и финансовой сферах, в том числе связанных с использованием информационных технологий, а также лиц, обеспечивающих деятельность финансового рынка. Данные противозаконные действия посягают в первую очередь на финансово-экономические правоотношения, подрывая доверие ко всей экономической системе государства и его основам.

Таким образом, общественные отношения, возникающие на финансовом рынке, есть ничто иное как финансово-экономические правоотношения, которые необходимо понимать как урегулированный нормами российского законодательства комплекс общественных отношений формирующийся на финансовом рынке России, несущий в себе императивность, выражающуюся в наличии и исполнении субъективных прав и обязанностей участников, при производстве, распределении и потреблении полученных ресурсов, соблюдение установленных регулятором правил поведения¹, охрану законных прав и интересов личности, общества и государства.

¹ ЦБ описал семь принципов поведения на финансовом рынке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/20/03/2019/5c9209749a7947058a4a1180> (дата обращения: 21.01.2024 г.).

Литература

1. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-1. С. 109–113.
2. Бабаев М. М., Плешаков В. А. Теоретические и прикладные проблемы обеспечения криминологической безопасности // Уголовная политика и проблемы безопасности государства: труды Академии управления МВД России. Сборник. М., 1998. 440 с.
3. Вознесенский Э. А. Методологические аспекты анализа сущности финансов. М., 1974. 33 с.
4. Вопенко Н. Н. Правовые отношения: Понятие и Классификации // Исторические и Общетеоретические проблемы // Вестник ВолГ У. 2003–2004 № 6. С. 76–89.
5. Герасимова Н. П. Возникновение, функционирование и развитие правоотношений // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1. С. 76–80.
6. Козырев А. В. Структура гражданских — правоотношений // Вестник магистратуры. 2023. № 4–3 (139). С. 50–52.
7. Кармышаков М. А. Теоритические аспекты содержания гражданских правоотношений [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49249174_10584695.pdf (дата обращения 27.04.2025 г.).
8. Монгуш С. К. Понятие гражданского правоотношения и его особенности // Вестник магистратуры. 2022. № 1-2 (124). С. 44–46 (дата обращения: 27.04.2025 г.).
9. Митина С. И., Попов В. А., Серова О. А. Правоотношения и их классификации: монография / С. И. Митина, В. А. Попов, О. А. Серова. Псков: Псковский государственный университет им. Я. Мудрого, 2020. 400 с.
10. Николаева Т. П. Организация финансовых отношений в экономике // Статистика и экономика. 2013. № 4. С. 89–93.
11. Подсвилов В. В. Содержание гражданского правоотношений: Проблемы теории и практики гражданского-правового регулирования // Вестник экспертного совета. 2022. № 1 (28). С. 147–151.
12. Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершенно-

- нолетних: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.08 // Академия управления МВД России. М., 1998. С. 74.
13. Ровинский Е. А. Международные финансовые отношения и их правовое регулирование // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 60–67.
14. Шагиева Р. В. Правоотношение и их роль в реализации права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2015. № 3. С. 93–99.
15. Шухов В. В. Противоречия в определении содержания и сущности финансов // Финансы и кредит. 2008. № 39 (327). С. 13–18.
16. Шапсугова М. Д. Финансовые отношения как объект финансовой деятельности // Проблемы гражданского и предпринимательского права Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 2. С. 36–43.

References

1. Byalt V. S., Chimarov S. Yu. On the issue of the concept and features of legal relations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 3-1. Pp. 109–113.
2. Babaev M. M., Pleshakov V. A. Theoretical and applied problems of ensuring criminological security // Criminal policy and problems of state security: works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Collection. M., 1998. 440 p.
3. Voznesensky E. A. Methodological aspects of the analysis of the essence of finance. M., 1974. 330 p.
4. Vopenko N. N. Legal Relations: Concept and Classifications // Historical and General Theoretical Problems // Bulletin of VoIS U. 2003–2004. No. 6. Pp. 76–89.
5. Gerasimova N. P. Emergence, Functioning and Development of Legal Relations // Legal Order: History, Theory, Practice. 2014. No. 1. Pp. 76–80.
6. Kozyrev A. V. Structure of civil legal relations // Bulletin of the Magistracy. 2023. No. 4–3 (139). Pp. 50–52.
7. Karmyshakov M. A. Theoretical aspects of the content of civil legal relations [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49249174_10584695.pdf (date of access 04/27/2025).
8. Mitina S. I., Popov V. A., Serova O. A. Legal relations and their classifications: monograph. Pskov: Pskov State University named after Ya. Mudry, 2020. 400 p.
9. Mongush S. K. The concept of a civil legal relationship and its features // Bulletin of the Magistracy. 2022. No. 1–2 (124). Pp. 44–46.
10. Nikolaeva T. P. Organization of financial relations in the economy // Statistics and Economics. 2013. No. 4. Pp. 89–93.
11. Podsvirov V. V. Contents of civil legal relations: Problems of the theory and practice of civil-legal regulation // Bulletin of the expert council. 2022. No. 1 (28). Pp. 147–151.
12. Pleshakov V. A. Criminological security and its provision in the sphere of mutual influence of organized crime and juvenile delinquency: dis. Doctor of Law: 12.00.08 // Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 1998. 450 p.
13. Rovinsky E. A. International financial relations and their legal regulation // Soviet state and law. 1965. No. 2. P. 60.
14. Shagieva R. V. Legal relations and their role in the implementation of law // Bulletin of RUDN. Series: Legal sciences. 2015. No. 3. Pp. 93–99.
15. Shukhov V. V. Contradictions in the definition of the content and essence of finance // Finance and Credit. 2008. No. 39 (327). Pp. 13–18.
16. Shapsugova M. D. Financial relations as an object of financial activity // Problems of civil and entrepreneurial law North Caucasian legal bulletin. 2010. No. 2. Pp. 36–43.

Сведения об авторе

Бакасов Рифат Румович — Академия управления МВД России (г. Москва, Россия). Электронная почта: bakasovrifat@eandex.ru

Information about the author

Bakasov Rifat Rumovich — Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: bakasovrifat@eandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.04.2025

Дата рецензирования / Received: 25.04.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 28.04.2025

19

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Ренгольд О. В., Черникова А. С.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БУХГАЛТЕРСКОГО И НАЛОГОВОГО УЧЁТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования инновационной деятельности предприятий. Авторами рассмотрена действующая в России нормативно-правовая база, касающаяся деятельности предприятий осуществляющими разработку и внедрение инноваций. Целью исследования является выявление полноты отражения в законодательстве, касающегося бухгалтерского и налогового учета хозяйственной деятельности в сфере инноваций. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательно-нормативной базы, охватывающей все инновационные процессы, исследуемого предприятия и не противоречили друг другу.

Ключевые слова: инновационное предприятие, бухгалтерский учет, налоговый учет, НИОКР, инновационная деятельность.

Для цитирования: Ренгольд О. В., Черникова А. С. Правовые аспекты бухгалтерского и налогового учёта в деятельности инновационных предприятий // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 20–24.

Rengold O. V., Chernikova A. S.

LEGAL ASPECTS OF ACCOUNTING AND TAX ACCOUNTING IN THE ACTIVITIES OF INNOVATIVE ENTERPRISES

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of innovative activities of enterprises. The authors reviewed the current regulatory framework in Russia concerning the activities of enterprises developing and implementing innovations. The purpose of the study is to identify the completeness of reflection in the legislation concerning accounting and tax accounting of business activities in the field of innovations. A conclusion is made about the need to improve the legislative and regulatory framework covering all innovative processes of the enterprise under study and do not contradict each other.

Keywords: innovative enterprise, accounting, tax accounting, innovative activity.

В современных экономических условиях значительной силой прогресса выступают инновации. Инновационная деятельность позволяет предприятиям оставаться конкурентоспособными. Активное развитие инновационных процессов требует развитие законодательной базы в сфере их учета и анализа. Современные правовые аспекты применения бухгалтерского и налогового учета инновационной деятельно-

сти требуют детальной разработки и изучения особенностей законодательной базы. Актуальным вопросом становится применение законодательной базы при анализе и учете хозяйственной деятельности, связанной с инновациями, а также правильность отражения этих хозяйственных операций в бухгалтерском и налоговом учёте.

Бухгалтерский учет деятельности инновационных предприятий осуществляет-

ся на основе бухгалтерского законодательства. Ведение бухгалтерского учета подразумевает четкое следование закону в соответствие с основной терминологией. В российском законодательстве единственное определение понятию «инновационное предприятие» приведено в «Модельном законе об инновационной деятельности». В соответствие с ним «*инновационное предприятие* — хозяйствующий субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, связанную с разработкой, производством и поставкой инновационной продукции (товаров, услуг), для которого указанная продукция составляет основную часть (не менее 70 процентов) общего объема производства товаров (услуг)...»¹.

Таким образом, единственным отличием инновационного предприятия от любого другого предприятия в Российской Федерации является производство этой компанией инновационной продукции, которой является в соответствии с этим же нормативным документом результат инновационной деятельности, получивший практическую реализацию².

В указанном выше законе дано определение инновационной организации как юридического лица, осуществляющего инновационную деятельность. В нём же указаны основные отличительные характеристики новаций (новшеств) — это новизна, практическая применимость и экономическая эффективность (конкурентоспособность)³. Только при наличии трёх перечисленных признаков можно говорить о новации, а не о реконструкции или научном исследовании.

Определение инновационной деятельности приведено и в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике». В нем под инновационной деятельностью понимается любая деятельность, связанная с реализацией инновационных проектов и созданием и поддержанием инновационной инфраструктуры⁴.

¹ Модельный закон об инновационной деятельности: Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27–16 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902050947> (дата обращения: 20.04.2025 г.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ О науке и государственной научно-технической

Из всего выше сказанного становится ясно, что единственным критерием, отличающим инновационное предприятие от любого другого, является, инновационная деятельность, под которой понимается предпринимательская деятельность, связанная с разработкой, производством и поставкой инновационной продукции (товаров, услуг), составляющая в общем объеме продукции не менее 70 процентов. Во всех остальных аспектах ведение бухгалтерского учета инновационными предприятиями осуществляется на основе Федерального закона «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023 г.)⁵, а также Положений о бухгалтерском учете, стандарты бухгалтерского учета, Кодексов РФ, в частности Гражданского кодекса и других нормативно-правовых актов.

Учитывая, что при определении объема продукции (товаров, услуг) в бухгалтерском учете применяются натуральные и стоимостные показатели, а при составлении финансовой и налоговой отчетности только стоимостные показатели, то для определения доли инновационной продукции в общем объеме расчет необходимо производить в стоимостных показателях, то есть для РФ — в рублях. На расчет доли в стоимостных показателях указывает и Положение по бухгалтерскому учету «Доходы организации ПБУ 9/99» (далее ПБУ 9/99), утвержденное приказом Минфина России от 6 мая 1999 года за номером № 32н, в котором доходом признается выручка, которая в свою очередь «... принимается к бухгалтерскому учету в сумме, исчисленной в денежном выражении...»⁶.

Исходя из выше сказанного, для определения указанной доли в размере 70 процентов в общей сумме продукции, необходимо производить расчеты исходя из всех

политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. 08.08.2024). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 22.04.2025 г.).

⁵ О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. 12.12.2023). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 21.04.2025 г.).

⁶ Положение по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99: утв. Приказом Минфина РФ от 06.05.1999 № 32н (ред. от 27.11.2020). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6208/1f46b0f67e50a18030cbc85dd5e34849b2bf2449 (дата обращения: 20.04.2025 г.).

видов доходов от инновационной деятельности.

В соответствии с действующим в нашей стране «Плане счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций» для учета доходов применяется специальная группа счетов. Сложность учета заключается в том, что на данных счетах отражаются все доходы организации.

Открытие аналитических счетов разрешено Инструкцией по применению Плана счетов бухгалтерского учета, а именно «организация может уточнять содержание приведенных в Плане счетов бухгалтерского учета субсчетов, исключать и объединять их, а также вводить дополнительные субсчета»¹. В соответствии с бухгалтерским законодательством «для учета специфических операций организация может по согласованию с Министерством финансов Российской Федерации вводить в План счетов бухгалтерского учета дополнительные синтетические счета, используя свободные номера счетов»². Исходя из изложенного, хозяйствующие субъекты, для осуществления специфических инноваций, могут открывать синтетические счета, однако необходимость предварительного согласования этих счетов с Минфином создает некоторые трудности.

В этой связи наиболее приемлемым для отражения инновационной деятельности является формирование субсчетов и аналитических счетов, для чего достаточно лишь утвердить их Приказом об учетной политике организации и зафиксировать в Действующем в организации Плане счетов. Приказ по Учетной политике и Действующий план счетов утверждаются руководителем предприятия на каждый календарный год. Кроме того, при необходимости, например, производстве нового вида продукции (товаров, услуг) в середине календарного года допускается внесение изменений, как в упомянутый выше утвержденный приказ, так и в Действующий план счетов. Оба из указанных документов являются обя-

¹ Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению: Приказ Минфина РФ от 31.01.2000 г. № 94н (ред. от 08.11.2010 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29165/ (дата обращения: 22.04.2025 г.).

² Там же.

зательными для деятельности юридического лица.

Учет затрат в организации по элементам упрощает их учет и управление. Для более эффективного принятия управленческих решений руководство предприятия имеет право самостоятельно устанавливать их классификации, для чего в бухгалтерском учете применяются аналитические счета.

Значительная часть хозяйствующих субъектов в России сегодня не осуществляет инновационной деятельности и не занимается НИОКР. Это связано в первую очередь с тем, что данные виды деятельности очень затратны, при этом они не всегда дают положительный экономический эффект, что влечет сложности с их бухгалтерским учетом и приводит к отложенным налоговым обязательствам, связанным с различиями в бухгалтерском и налоговом учете.

В России порядок включения затрат в состав себестоимости для целей бухгалтерского и налогового учета различен, кроме того, этот состав различен для разных отраслей народного хозяйства. Состав расходов, для целей налогообложения, начиная с 2002 года определяется Налоговым кодексом РФ, а именно вступлением в действие её 25 главы «Налог на прибыль организаций».

Расходы, связанные с инновационной деятельностью, как правило, относятся к расходам на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) и входят в состав расходов, связанных с производством и реализацией³. Налоговый учет инновационной деятельности регламентируется 262 статьёй Налогового кодекса России «ФР».

Расходы на научные исследования и (или) опытно-конструкторские разработки». В данной статье указано что к расходами на НИОКР могут быть признаны только расходы, направленные на усовершенствование уже производимой продукции (товаров и услуг) или создание новых. Тоже относится к технологиям, методам организации и управления производством⁴. Следует учитывать, что перечень расходов

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/afc2c1960d7c8d96118c85952ade1af955f9ab1f/ (дата обращения: 20.04.2025 г.).

⁴ Там же.

на НИОКР закрыт, поэтому необходимо внимательно его изучить прежде чем принимать к учету те или иные виды затрат. Ряд расходов, относящихся к НИОКР закрыт. Отчисления на формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности могут входить в расходы по налогу на прибыль в размере не превышающей 1,5 % от реализации [1].

При налоговом учете расходы на НИОКР отличаются от всех остальных видов расходов. Они единственные уменьшают налоговую базу независимо от итоговых результатов этих работ, то есть даже не принеся желаемого результата. Исключительные права на интеллектуальную деятельность, полученные в результате произведенных НИОКР, относятся к нематериальным активам и учитываются соответствующим образом [1]. Для признания нематериального актива таковым помимо приносимой им материальной выгоды необходима его государственная регистрация, что требует Гражданский кодекс РФ¹.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024 г.). Режим доступа: [https://](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/)

В заключении необходимо отметить, что законодательству в сфере учета инновационной деятельности предприятий уделяется значительное внимание, что вполне обосновано в свете развития данного направления в экономике нашей страны. Развитие бухгалтерского и налогового законодательства по вопросам учета и анализа инновационных процессов позволяет хозяйствующим субъектам активнее включаться в данную сферу деятельности, что в свою очередь повышает их конкурентные преимущества на рынке. Анализ существующего в нашей стране законодательства позволяет сделать вывод о необходимости более детальной проработки отдельных нюансов и особенностей инновационной деятельности. Ряд вопросов хозяйственного учета инноваций были рассмотрены в данной статье, однако законодательство по этому вопросу сегодня разработано еще в недостаточной мере и требуется разработка дополнительных правовых норм для внедрения в существующую законодательную базу.

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 20.04.2025 г.).

Литература

1. Годовой отчет — 2019 [Электронный ресурс] / под ред. В. И. Мещерякова. — Электрон. дан. М.: Агентство бухгалтерской информации, 2019. 768 с.

References

1. Annual Report — 2019 [Electronic resource] / edited by V. V. I. Meshcheryakov. — Electron.dan. M.: Agency for Accounting Information, 2019. 768 с.

Сведения об авторах

Ренгольд Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление предприятиями» ФГБОУ ВО «Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет» (Омск, Российская Федерация). Электронная почта: r3250251@mail.ru.

Черникова Анастасия Евгеньевна — кандидат экономических наук, магистр юриспруденции, доцент кафедры «Экономика, логистика и управление качеством» ФГБОУ ВО «Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет» (Омск, Российская Федерация). Электронная почта: rl.sysadmin@rambler.ru.

Information about the authors

Rengold Olga Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of 'Economics and Enterprise Management' FSBEIU VO 'Siberian State Automobile and Road University' (Omsk, Russian Federation). E-mail: r3250251@mail.ru.

23

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Chernikova Anastasia Evgenievna — Candidate of Economic Sciences, Master of Law, Associate Professor of the Department of Economics, Logistics and Quality Management of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Siberian State Automobile and Road University' (Omsk, Russian Federation). E-mail: rl.sysadmin@rambler.ru.

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 19.04.2025

Дата рецензирования / Received: 25.04.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 28.04.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

DOI: 10.24412/2075-7913-2025-2(98)-25-29

УДК 346

Громова Е. А.

СТИМУЛИРУЮЩИЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена особенностям стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности технологических компаний, установленного в целях развития таких компаний как российской технологической основы. Проанализировано законодательство о технологических компаниях в области государственной поддержки их деятельности, а также определены особенности мер поддержки технологических компаний. Выявлены основные проблемы, негативно влияющие на эффективность стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности технологических компаний. Предложены способы решения выявленных проблем.

Ключевые слова: технологические компании, стимулирующий правовой режим, наукоемкие технологии, предпринимательская деятельность, цифровые инновации, меры поддержки.

Для цитирования: Громова Е. А. Стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности технологических компаний // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 25–29.

Gromova E. A.

STIMULATING LEGAL REGIME OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF TECHNOLOGICAL COMPANIES

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the stimulating legal regime of entrepreneurial activity of technological companies, established for the purpose of development of such companies as the Russian technological basis. The legislation on technological companies in the field of state support of their activities is analyzed, and the peculiarities of support measures for technological companies are defined. The main problems negatively affecting the effectiveness of the incentive legal regime of entrepreneurial activity of technological companies are identified. The ways of solving the identified problems are offered.

Keywords: technology companies, incentive legal regime, knowledge-intensive technologies, entrepreneurial activity, digital innovations, support measures.

В одном из новейших актов стратегического планирования нашей страны — Стратегии научно-технологического развития

Российской Федерации до 2030 года¹ ука-

¹ Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития

25

Частно-правовые
(цивилистические) науки

зывается на важность «создания наукоёмкой продукции на собственной технологической основе», появление которой, в свою очередь, зависит от того, какие условия созданы для развития российского технологического предпринимательства.

Следует отметить, что последние годы внимание законодателя сосредоточено на создании эффективной правовой основы для развития технологического предпринимательства. Были разработаны и приняты нормативные правовые акты, обеспечивающие благоприятные условия осуществления предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий.

Так, 4 августа 2023 г. был принят Федеральный закон № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» (далее — Закон о технологических компаниях), под которыми понимаются «российские коммерческие организации, осуществляющие деятельность по разработке и (или) производству продукции (оказанию услуг, выполнению работ) с использованием инновационных технологий»¹.

При этом, в отличие от известных российскому законодателю специальных субъектов в инновационной сфере: малых инновационных предприятий, а также хозяйственных товариществ и партнерств, которые могут создаваться высшим учебными заведениями для развития технологического предпринимательства, технологические компании, во-первых, не предполагают образовательных и научных организаций в качестве учредителя. Во-вторых, могут существовать как в форме малых технологических компаний, так и в форме технологических компаний.

Исходя из указанного, можно сделать вывод о том, что принятие нормативного правового акта о развитии технологических компаний стало попыткой законодателя создать некий «универсальный» субъект предпринимательской деятельности в сфере инноваций и технологий. Следует согласиться с А. Ю. Петраковым в том, что принятие Закона о технологических компаниях стало результатом «перезапуска концепции необходимости наличия в экономике организаций, которые будут зани-

маться инновационным предпринимательством» [7].

Очевидно, что одного лишь решения государства о принятии нормативного правового акта, регулирующего деятельность специального субъекта технологического предпринимательства — технологических компаний — недостаточно для достижения поставленной цели — создания собственной технологической основы. Интерес субъектов предпринимательства к осуществлению деятельности в форме технологической компании должен стимулироваться комплексом мер государственной поддержки [1, 2, 3, 5].

Заметим, что Закон о технологических компаниях содержит положения об государственной поддержке таких компаний, что позволяет сделать вывод об установлении и применении стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности технологических компаний [4].

Отметим, что Закон о технологических компаниях содержит весьма обширный перечень мер поддержки их малых форм. При этом, меры поддержки в целом сходны с мерами поддержки, предоставляемых субъектам малого и среднего предпринимательства: налоговые льготы, финансовая, консультационная и информационная поддержка.

Помимо «универсальных» мер поддержки, стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности таких компаний предполагает также наделение их специальными мерами поддержки. Такими выступают: «поддержка экспорта, формирование спроса на инновационную/высокотехнологическую продукцию, а также приоритетное рассмотрение заявок на изобретения и полезные модели»².

Вместе с тем стоит отметить, что достижение указанной выше цели по созданию национальной технологической основы будет зависеть от эффективности мер государственной поддержки таких компаний.

К сожалению, анализ положений законодательства о технологических компаниях позволил выявить ряд проблем, препятствующих признанию эффективности сти-

Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

¹ Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть 1). Ст. 6210.

² Приказ ФГБУ ФИПС от 15.03.2024 г. № 120 «Об утверждении Порядка приоритетного рассмотрения заявок на изобретения и полезные модели, заявителем по которым выступает малая технологическая компания» // Документ опубликован не был. Предоставлен СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.05.2025 г.).

мулирующего правового режима предпринимательской деятельности таких компаний.

Так, в первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что на перечисленные в исследуемом нормативном правовом акте меры поддержки могут претендовать не все технологические компании, а лишь их разновидность — малые технологические компании. Указанное порождает закономерный вопрос о справедливости стимулирования лишь малых форм технологических компаний, а также о «качестве» юридической техники. В сложившейся ситуации видятся более логичными либо наделение технологических компаний соответствующими мерами поддержки, либо переименование исследуемого акта в закон «О малых технологических компаниях».

Во-вторых, вызывает сомнение прозрачность отдельных критериев, которым должна соответствовать малая технологическая компания, претендующая на меры поддержки. Так, такая компания должна осуществлять деятельность с использованием инновационных технологий, а именно таких, которые бы «обеспечивали экономическую эффективность применения (внедрения) такой продукции (оказания услуг, выполнения работ), повышение производительности труда и (или) создание новых рынков товаров, работ, услуг» (п. 1, 2 ст. 2 Закона о технологических компаниях).

Заметим, что законодатель обращается к такому термину, как «экономическая эффективность» инновационной технологии. Ученые-экономисты, исследующие феномен экономической эффективности, отмечают, что «она достигается при получении наилучших результатов при заданных условиях или же заданных результатах при минимальных осуществленных условиях» [6].

При этом претендовать на меры такой поддержки могут лишь те компании, которые соответствуют не только количественным, но и качественным критериям, в том числе, производящие экономические эффективную инновационную продукцию. Однако, как отмечалось ранее, ни базовый акт о технологических компаниях, ни подзаконные акты, регулирующие особенности предоставления им мер поддержки¹,

¹ Постановление Правительства РФ от 2 ноября 2023 года № 1847 «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических

не определяют критерии такой эффективности. Указанное позволяет заключить об отсутствии прозрачности в отношении содержания такого критерия.

В-третьих, проблемным выступает и тот факт, что, в отличие от универсальных мер поддержки, законодатель никак не детализирует специальные меры поддержки. Вместе с тем, если меры информационной, консультационной, финансовой и имущественной поддержки детально урегулированы законодательством о малом и среднем предпринимательстве, то отсутствие подзаконных нормативных правовых актов, раскрывающих такие меры поддержки, не позволит применить нормы о мерах поддержки на практике.

Так, например, неясно, как будет осуществляться поддержка экспорта продукции технологических компаний, равно как и формирование спроса на инновационную/высокотехнологическую продукцию. И если мероприятия (но не меры — примеч. авт.) поддержки экспорта перечислены в законодательстве о внешнеэкономической деятельности² и носят универсальный характер, то «формирование спроса на инновационную продукцию» регламентируется лишь в рамках подзаконного нормативного правового акта, регулирующие отношения по формированию механизмов стимулирования спроса на инновации в компаниях с государственным³. В этой связи видится необходимым разработка и принятие соответствующего подзаконного нормативного правового акта, который бы конкретизировал положения Закона о технологических компаниях в отношении перечисленных специальных мер поддержки.

Таким образом, обращение к Закону о технологических компаниях позволяет констатировать существование целого ряда проблем в отношении установленного государством стимулирующего правового режима предпринимательской

компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8248.

² Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

³ Письмо Минэкономразвития России от 02.11.2015 г. № 31366-ЕЕ/Д04и «О методических материалах по формированию механизмов стимулирования спроса на инновации в компаниях с государственным участием» // Документ опубликован не был. Предоставлен СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025 г.).

деятельности таких компаний. Указанное обусловило необходимость повышения эффективности такого стимулирующего правового режима, что будет возможно после доктринального переосмысления положений данного акта экспертным сообществом, а затем законодательного во-

площения их выводов в виде проекта изменений законодательства о технологических компаниях. Думается, что это позволит оказать позитивное влияние на создание российской технологической основы развития наукоёмких инноваций и технологий.

Литература

1. Clarke B. Purpose, Values and Governance in Big Tech Companies // *Bond Law Review*. 2022. № 34 (2). Pp. 35–67. DOI: 10.53300/001c.40233.
2. Damasceno E. C. *Business Models in Legal Tech Companies*. University of Porto, 2019. 120 p.
3. Kanashevskiy V. A. Legal Challenges Surrounding Participation of Big Tech Companies in the Russian Social Networking Market // *Kutafin Law Review*. 2024. No 11 (2). Pp. 246–267. DOI: 10.17803/2713-0533.2024.2.28.246-267.
4. Громова Е. А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий: монография. М.: Проспект, 2024. 380 с.
5. Коваленко А. И. Технологические гиганты на цифровых рынках — результат провала регулятора // *Современная конкуренция*. 2020. Том 14. № 4 (80). С. 5–24.
6. Одинцова М. И. *Экономика права*. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.
7. Петраков А. Ю. Совершенствование правового положения малых инновационных предприятий // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 12 (169). С. 81–90.
8. Серова О. А. Технологические компании как элемент предпринимательской экосистемы университетов // *Гражданское право*. 2022. № 1. С. 21–23. DOI 10.18572/2070–2140–2022–1–21–23. EDN ZOBEXY.

References

1. Clarke B. Purpose, Values and Governance in Big Tech Companies // *Bond Law Review*. 2022. № 34 (2). Pp. 35–67. DOI: 10.53300/001c.40233.
2. Damasceno E. C. *Business Models in Legal Tech Companies* // University of Porto, 2019. 120 p.
3. Gromova E. A. Stimuliruyushchiye pravovyye rezhimy predprinimatel'skoy deyatel'nosti v sfere tsifrovyykh innovatsiy i tekhnologiy. [Stimulating legal regimes of entrepreneurial activity in the sphere of digital innovations and technologies]. M.: Prospect, 2024. 305 p.
4. Kanashevskiy V. A. Legal Challenges Surrounding Participation of Big Tech Companies in the Russian Social Networking Market // *Kutafin Law Review*. 2024. No 11 (2). Pp. 246–267. DOI: 10.17803/2713-0533.2024.2.28.246-267.
5. Kovalenko A. I. Technological giants on digital markets — the result of the regulator's failure // *Modern Competition*. 2020. Vol. 14. No. 4 (80). С. 5–24.
6. Serova O. A. Tekhnologicheskiye kompanii kak element predprinimatel'skoy ekosistemy universitetov [Technological companies as an element of entrepreneurial ecosystem of universities] // *Civil Law*. 2022. № 1. Pp. 21–23. DOI 10.18572/2070–2140–2022–1–21–23. EDN ZOBEXY.
7. Petrakov A. Yu. Sovershenstvovaniye pravovogo polozheniya malyx innovatsionnykh predpriyatiy [Improving the legal status of small innovative enterprises] *Actual problems of Russian law*. 2024. T. 19. № 12 (169). Pp. 81–90.
8. Odintsova M. I. *Ekonomika prava* [Economics of law]. M.: GU VSE, 2007. 220 p.

Сведения об авторе

Громова Елизавета Александровна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства, НИУ «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск, Российская Федерация). Электронная почта: gromovaea@susu.ru

Information about the author

Gromova Elizaveta Aleksandrovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, NIU “South Ural State University” (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: gromovaea@susu.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 19.03.2025

Дата рецензирования / Received: 20.04.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 22.04.2025

Мидова М. А.

УНИФИКАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Аннотация. В представленной статье с опорой на анализ теоретических воззрений ученых-процессуалистов, а также на нормативную правовую базу гражданского, арбитражного и административного судопроизводства рассматриваются возможные подходы к унификации цивилистического судебного процесса. В результате проведенного исследования автор приходит к выводам о том, что существует объективная потребность в унификации отдельных процессуальных институтов, а также о необходимости дальнейшей теоретической разработки идеи о создании единого гражданского процессуального кодекса, который бы отвечал современным требованиям и вызовам российской правовой системы.

Ключевые слова: цивилистический процесс; гражданский процесс; гражданское судопроизводство; арбитражный процесс; административное судопроизводство; унификация; дифференциация.

Для цитирования: Мидова М. А. Унификация цивилистического процесса: концептуальные и теоретические основы // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 30–34.

Midova M. A.

UNIFICATION OF THE CIVIL PROCESS: CONCEPTUAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS

Abstract. Based on the analysis of the theoretical views of procedural scientists, as well as the normative legal framework of civil, arbitration and administrative proceedings, the article discusses possible approaches to the unification of the civil judicial process. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusions that there is an objective need to unify individual procedural institutions, as well as the need for further theoretical development of the idea of creating a unified code of civil procedure that would meet modern requirements and challenges of the Russian legal system.

Keywords: civil procedure; civil procedure; civil proceedings; arbitration; administrative proceedings; unification; differentiation.

Вопросы, связанные с унификацией гражданского, арбитражного, а также административного процессов, в последние годы представляют неизменно большой интерес для ученых и юристов-практиков, свидетельствуя о теоретическом, и прикладном значении данных категорий, об их непосредственном влиянии на функционирование судебной системы и качество правосудия.

Понятие «унификация» не является принципиально новым для юридической науки, однако его применение отличается определенной спецификой, связанной, в том числе, с тем, что указанная катего-

рия весьма неглубоко исследована с позиций общей теории права. В опубликованных на сегодняшний день научных исследованиях унификация зачастую рассматривается через призму международного права и международных отношений. К примеру, с точки зрения Г. К. Дмитриевой, унификация представляет собой «создание одинаковых (унифицированных) норм во внутреннем (национальном) праве разных государств» [5. С. 14], а Н. Г. Доронина считает, что «унификация права в широком значении этого понятия заключается не в том, чтобы снять различия в правовом регулировании аналогичных

отношений в праве отдельных государств, создав единообразные нормы права, а в том, чтобы снять препятствия на пути международного сотрудничества и связанного с ним развития регулируемых национальным правом отношений» [6. С. 60]. Отдельные исследователи, в свою очередь, рассматривали унификацию лишь применительно к юридической терминологии, не включая в ее предмет нормы и институты права [14].

По нашему мнению, представленные выше подходы не позволяют проанализировать рассматриваемое понятие всесторонне, а также не дают возможности в общем виде определить его содержание. В связи с этим стоит обратить внимание на научные изыскания Е. Г. Потапенко, который с доктринальных позиций выделил следующие сущностные черты унификации как общеправового явления:

унификация «позволяет обеспечить праву свойство системности и органичности, упрощает применение правовых норм при разрешении конкретных жизненных ситуаций»;

унификация предполагает урегулирование «схожих общественных отношений едиными правилами»;

«непосредственным объектом унификации является правовая норма как элементарная часть системы права»;

«цель унификации — создание единой (общей) нормы права»;

инструментом унификации внутригосударственного права является его кодификация [10].

Динамичное развитие процессуальных отраслей права на современном этапе, предопределяющее возрастание степени общности отдельных институтов и норм, создало в настоящее время условия для формирования и становления такой категории как «цивилистический процесс», содержание которой представляется крайне важным проанализировать в рамках настоящей статьи.

Действующее российское процессуальное законодательство не только не содержит каких-либо определений указанного понятия, но и в целом не оперирует лексическими единицами, семантически связанными со словом «цивилистика» и его производными. В связи с этим обратимся к основным теоретическим воззрениям на понятие «цивилистический процесс».

На теоретическом уровне на сегодняшний день существуют два основных подхода к определению понятия «цивилисти-

ческий процесс», которые можно условно поименовать узким и широким.

По мнению сторонников «узкого» подхода, цивилистический процесс объединяет собой лишь гражданский и арбитражный процессы, а те, кто, в свою очередь, разделяет «широкий» подход, убеждены, что указанная категория включает в себя арбитражный и гражданский, а также административный процесс, но исключительно в «судопроизводственном» смысле — как отрасль процессуального права, нормы которой регулируют судебное рассмотрение дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

«Узкий» подход нашел свое отражение, в частности, в исследованиях И. Н. Полякова [8], Л. А. Блинникова [2], М. Е. Глазковой и М. А. Рожковой [12], которые изучали унификационные тенденции исключительно через призму гражданского процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, акцентируя при этом внимание на концептуально ошибочном, по их мнению, включении в сферу арбитражного процесса рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений. В частности, Л. А. Блинников, будучи сторонником унификации только лишь гражданского и арбитражного процессов, акцентирует внимание на том, что «совместить возможно будет только «совмещаемое» [2. С. 327], а также исходит из того, что возможности «синхронизации» гражданского процессуального и арбитражно-процессуального законодательства определяются главным образом границами их императивных и диспозитивных начал, а также балансом частных и публичных интересов [2. С. 327–328].

Стоит также обратить внимание на в определенном смысле схожую с рассмотренной выше точку зрения, согласно которой гражданский и арбитражный процессы представляют собой слагаемые гражданского судопроизводства, которое может осуществляться, кроме прочего, «в арбитражной процессуальной форме» [1].

Широкого подхода к унификации цивилистического процесса, в свою очередь, придерживаются такие ученые как Т. В. Сахнова [13], А. А. Демичев [4], О. В. Исаенкова [7] а также многие другие. Сторонниками включения административного судопроизводства в единый цивилистический процесс подчеркивается общность процессуальных форм, которые применяются как при рассмотрении дел, возникающих из публичных правоотношений,

так и гражданских и арбитражных дел. С нашей точки зрения, стоит согласиться с аргументами Е. В. Постоваловой, которая она приводит в пользу отнесения административного судопроизводства к цивилистическому процессу.

Во-первых, по ее мнению, многие положения КАС РФ крайне схожи с положениями ГПК РФ, особенно в части терминологии — в частности, понятия «административный иск», «административный истец» калькированы с аналогичных гражданско-процессуальных категорий.

Во-вторых, процедура письменного (упрощенного) производства была закреплена в ГПК РФ и КАС РФ по аналогии с АПК РФ, а приказное производство, изначально известное лишь гражданскому процессу, со временем было имплементировано и в арбитражный процесс, и в административное судопроизводство.

В-третьих, общие судопроизводственные принципы, нормативно закрепленные в ГПК, АПК и КАС, в значительной степени перекликаются и имеют крайне схожую направленность [9].

Также необходимо отметить, что ключевое значение при разрешении концептуальной неопределенности, связанной с содержанием понятия «цивилистический процесс», должны иметь внутреннее содержание процессуальных институтов, а также схожая направленность соответствующего правового регулирования. На наш взгляд, подходы, предполагающие, к примеру, объединять в цивилистический процесс гражданское или арбитражное судопроизводство лишь в связи с объединением Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, либо же, наоборот, обособлять административное судопроизводство в связи с принятием одноименного кодекса, вряд ли можно считать состоятельными. Подобные явления сами по себе не влияют на общность механизмов правового регулирования и не определяют их.

В рамках настоящей статьи автор исходит из того, что цивилистический процесс складывается из трех «ветвей» — гражданского процесса, арбитражного процесса и административного судопроизводства. Данный подход, на наш взгляд, непротиворечив и максимально приближен к реалиям рассматриваемой сферы правового регулирования.

Представляется, что в настоящем исследовании следует также обратить внимание на содержание понятия «унифика-

ция» применительно к цивилистическому процессу, а также проследить его соотношение с другими категориями.

Как отмечает Н. А. Громошина, «...и дифференциация, и унификация в каждой отрасли права проявляются индивидуально. Проявление тенденции унификации в гражданском процессуальном праве и гражданском судопроизводстве не менее многогранно, многолико и многоуровнево, чем проявление дифференциации» [3. С. 24]. Кроме того, с точки зрения данного исследователя, унификация гражданского и арбитражного процессов, представляя собой уникальный пример унификации в праве, является противоположностью дифференциации и может рассматриваться, в том числе, на уровне норм и институтов права [3. С. 24–25].

Несколько отличается при этом подход М. К. Юкова и Е. Г. Потапенко, которые также относят унификацию к числу тенденций развития цивилистического судебного процесса, однако при этом считают ее парной категорией по отношению к специализации [10. С. 15].

Будучи разнонаправленными процессами, унификация и дифференциация отражают возможные концептуальные подходы к развитию гражданского и арбитражного процессуального права и законодательства. С методологической точки зрения рассмотрение феномена унификации гражданского и арбитражного процессов, на наш взгляд, целесообразно осуществлять по определенным критериям, которые к настоящему моменту были детально сформулированы, в том числе С. В. Потапенко. Не погружаясь в оценку истинности или же ложности выводов данного исследователя относительно конкретных унификационных механизмов, отметим, что, его подход именно к выделению правовых оснований для унификации представляется методологически верным. По его убеждению, к основаниям унификации цивилистического судебного процесса относятся:

1. Деление процессуальных кодексов на общую и особенную части;
2. Сходство целей и задач унифицируемых видов судопроизводства;
3. Общий императивно-диспозитивный метод правового регулирования;
4. Деление производства по делам на исковое и неисковое с превалярованием первого в судебной практике [11].

Подводя итоги изложенному, отметим, что сложившиеся на теоретическом уровне подходы свидетельствуют о формирова-

нии к настоящему моменту двух основных моделей унификации цивилистического процесса. Первая из них предполагает объединение гражданского и арбитражного процесса, а вторая подразумевает включение в единый цивилистический процесс, помимо указанного, и административное судопроизводство. По нашему мнению, именно «широкий» подход с большей

степенью объективности отражает сущность унифицируемых отраслей процессуального права и создает концептуальные предпосылки для разработки единого гражданского процессуального кодекса, что, вместе с тем, потребует приложения серьезных усилий к теоретическому осмыслению существующих институтов.

Литература

1. Абова Т. Е. Виды производств в арбитражном процессе // АПК и ГПК РФ 2002 г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2004. С. 77–89.
2. Блинные Л. А. Современный характер цивилистического процесса и его унификация // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. С. 327–332.
3. Громшина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Громшина. М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. С. 24–33.
4. Демичев А. А. Объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, разработка Концепции единого Гражданского процессуального кодекса... Что дальше? / А. А. Демичев // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 87–95.
5. Дмитриева Г. К. Унификация и гармонизация права: новые формы / Г. К. Дмитриева // Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей / отв. ред. И. О. Хлестова. М., 2013. 410 с.
6. Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции / Н. Г. Доронина // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 60–66.
7. Исаенкова О. В. Цивилистический процесс в России — основные тенденции / О. В. Исаенкова // Вестник Тамбовского университета. — Серия «Политические науки и право». 2016. № 1. С. 5–11.
8. Поляков И. Н. О цивилистическом процессе и реформе российской судебной системы (вопросы гармонизации) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8. С. 51–56.
9. Постовалова Е. В. О сущности цивилистического процесса в контексте его унификации // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 89–94.
10. Потапенко Е. Г. Унификация права: понятие, формы, методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. № 3. С. 344–351.
11. Потапенко С. В. От дифференциации к унификации судебного цивилистического процесса // Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика: сборник научных трудов. Краснодар, 2023. С. 5–13.
12. Рожкова М. А., Глазкова М. Е., Савина М. А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М. А. Рожковой. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. С. 19–21.
13. Сахнова Т. В. О концепте Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (заметки по поводу) // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 9–27.
14. Туранин В. Ю. Проблемы и перспективы унификации терминологии // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 46–48.
15. Юков М. К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: монография / отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Статут, 2019. 318 с.
16. Потапенко Е. Г. Пределы нормативной унификации цивилистического процессуального права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 93–103.

References

1. Abova T. E. Vidy proizvodstv v arbitrazhnom processe // APK i GPK RF 2002 g.: sravnitel'nyj analiz i aktual'nye problemy pravoprimeneniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2004. Pp. 77–89.
2. Blinnikov L. A. Sovremennyy harakter civilisticheskogo processa i ego unifikacija

- // Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo processa: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2017. S. 327–332.
3. Gromoshina N. A. Differenciacija i unifikacija v grazhdanskom sudoproizvodstve: diss. ... d-ra jurid. nauk / N. A. Gromoshina. M., MGJuA im. O. E. Kutafina, 2010. P. 24.
 4. Demichev A. A. Ob#edinenie Verhovnogo Suda RF i Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF, razrabotka Konceptii edinogo Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa... Chto dal'she? // Vestnik grazhdanskogo processa. 2015. № 5. Pp. 87–95.
 5. Dmitrieva G. K. Unifikacija i garmonizacija prava: novye formy / G. K. Dmitrieva // Unifikacija mezhdunarodnogo chastnogo prava v sovremennom mire: sbornik statej / otv. red. I. O. Hlestova. M., 2013. P. 14.
 6. Doronina N. G. Unifikacija i garmonizacija prava v uslovijah mezhdunarodnoj integracii // Zhurnal rossijskogo prava. 1998. № 6. P. 60.
 7. Isaenkova O. V. Civilisticheskij process v Rossii — osnovnye tendencii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija «Politicheskie nauki i pravo». 2016. № 1. Pp. 5–11.
 8. Poljakov I. N. O civilisticheskom processe i reforme rossijskoj sudebnoj sistemy (voprosy garmonizacii) // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2014. № 8. Pp. 51–56.
 9. Postovalova E. V. O sushhnosti civilisticheskogo processa v kontekste ego unifikacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. Pp. 89–94.
 10. Potapenko E. G. Unifikacija prava: ponjatie, formy, metody (v kontekste issledovanija unifikacii civilisticheskogo processual'nogo prava) // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2017. T. 17. № 3. Pp. 344–351.
 11. Potapenko S. V. Ot differenciacii k unifikacii sudebnogo civilisticheskogo processa // Aktual'nye voprosy grazhdanskogo, arbitrazhnogo, administrativnogo sudoproizvodstva: teorija, metodologija, praktika: sbornik nauchnyh trudov. Krasnodar, 2023. Pp. 5–13.
 12. Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Savina M. A. Aktual'nye problemy unifikacii grazhdanskogo processual'nogo i arbitrazhnogo processual'nogo zakonodatel'stva: monografija / pod obshh. red. M. A. Rozhkovoj. M., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2015. Pp. 19–21.
 13. Sahnova T. V. O koncepte Edinogo grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii (zametki po povodu) / T. V. Sahnova // Vestnik grazhdanskogo processa. 2015. № 1. Pp. 9–27.
 14. Turanin V. Ju. Problemy i perspektivy unifikacii terminologii / V. Ju. Turanin // Zhurnal rossijskogo prava. 2002. № 11. Pp. 46–48.
 15. Jukov M. K. Teoreticheskie problemy sistemy grazhdanskogo processual'nogo prava: monografija / otv. red. V. V. Zajcev. M.: Statut, 2019. 318 p.
 16. Potapenko E. G. Predely normativnoj unifikacii civilisticheskogo processual'nogo prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2021. № 4 (141). Pp. 93–103.

Сведения об авторе

Мидова Милана Аниуаровна — аспирант кафедры гражданского права и процесса ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Москва, Российская Федерация). Электронная почта: milana-midova@mail.ru

Information about the author

Midova Milana Aniuarovna — post-graduate student of the Department of Civil Law and Procedure at the Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: milana-midova@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 19.03.2025

Дата рецензирования / Received: 21.04.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 24.04.2025

Половникова Н. В.

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЭЛЕКТРОСАМОКАТОВ

Аннотация. Статья посвящена вопросам гражданско-правовой ответственности в сфере транспортной мобильности населения. Автор проводит анализ отдельных аспектов гражданско-правовой и административно-правовой ответственности пользователей электросамокатов и операторов средств индивидуальной мобильности (далее — операторы СИМ). Особое внимание уделяется правовому регулированию вопросов штрафных санкций, установленных договорами пользования электросамокатами и страхованию гражданской ответственности пользователей электросамокатов. Автор указывает на существование пробелов в законодательстве при определении правового статуса электросамокатов. В связи с этим, сделаны предложения по дополнению законодательства нормами о четком определении электросамокатов в качестве транспортного средства и объекта повышенной опасности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, транспортная мобильность населения, оператор СИМ, электросамокат, штрафные санкции, страхование.

Для цитирования: Половникова Н. В. К вопросу о гражданско-правовой ответственности пользователей электросамокатов // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 35–38.

Polovnikova N. V.

ON THE ISSUE OF CIVIL LIABILITY OF ELECTRIC SCOOTER USERS

Abstract. The article is devoted to the issues of civil liability in the field of public transport mobility. The author analyzes certain aspects of civil and administrative liability of electric scooter users and operators of personal mobility equipment. Special attention is paid to the legal regulation of the issues of penalties established by contracts for the use of electric scooters and insurance of civil liability of users of electric scooters. The author points out that there are gaps in determining the legal status of electric scooters. In this regard, proposals have been made to supplement the legislation with norms on the clear definition of electric scooters as a vehicle and an object of increased danger.

Keywords: civil liability, transport mobility of the population, SIM operator, electric scooter, penalties, insurance.

В связи с динамичным развитием городов — миллионников и агломераций средства индивидуальной мобильности (далее — электросамокаты) становятся неотъемлемым элементом транспортной системы регионов. При этом в настоящее время можно констатировать отсутствие развитой транспортной инфраструктуры, поскольку градостроительные нормы, на основании которых возводилась улично-до-

рожная сеть, были приняты десятилетия назад без учета реалий современной действительности. Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие специальных велосипедных и самокатных дорожек в мегаполисах и высокий уровень травматизма среди пешеходов, получающих травмы при столкновении с пользователями электросамокатов на узких тротуарах. Поэтому актуальным является вопрос о привлече-

нии пользователей электросамокатов к ответственности за причинение вреда третьим лицам (пешеходам). Автор считает необходимым провести анализ правовой природы тех отношений, которые возникают в рамках эксплуатации арендных электросамокатов.

Следует отметить, что в юридической научной литературе высказано мнение о том, что «в связи с отсутствием норм, относящихся электрические транспортные средства к источникам повышенной опасности, причинитель вреда не подлежит ответственности по статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации» [1. С. 27]. Автор настоящей статьи не разделяет данное убеждение и придерживается противоположной точки зрения, которая будет аргументирована далее.

Российское законодательство не содержит единого подхода в трактовании термина «транспортное средство» [2. С. 3–6]. Однако, судебная практика фактически признает электросамокаты источником повышенной опасности и относит к транспортным средствам. Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 22 декабря 2020 года по делу № 33–421750/2020, 2–1153/2020 суд признал пользователя электросамоката владельцем источника повышенной опасности.

В решении Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2022 года, по делу № АКПИ22-66 указано, что электросамокаты с двигателями мощнее 250 Вт несут «высокую степень опасности причинения вреда жизни и здоровью граждан». В тоже время, Правила дорожного движения закрепляют не все категории электросамокатов в качестве транспортного средства. Мощность двигателя электросамоката является основополагающим критерием. Учитывая степень общественной опасности, представляется правильным в законодательстве закрепить статус электросамокатов в качестве транспортного средства [4. С. 40–44].

В статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации обозначено, что использование транспортных средств представляет собой деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, а само транспортное средство признается источником повышенной опасности. В связи с этим операторы средств индивидуальной мобильности (далее — операторы СИМ) как владельцы источников повышенной опасности должны нести

ответственность за вред, который был причинен третьим лицам таким источником повышенной опасности (например, при столкновении транспортных средств и т. п.). На практике вопрос о возможности привлечения владельцев и пользователей электросамокатов, к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения и гражданско-правовой ответственности за причинения вреда здоровью и имуществу третьих лиц является весьма проблемным, поскольку при совершении дорожно-транспортного происшествия достаточно часто пользователи электросамокатов покидают место ДТП и идентифицировать их весьма сложно. Как правило, к ответственности привлекается лицо, которое управляло электросамокатом на момент совершения административного правонарушения. После наступления деликта пользователь электросамоката фактически может быть привлечен к следующим видам юридической ответственности за совершенное нарушение: во-первых, это административная ответственность за нарушение правил дорожного движения; во-вторых, гражданско-правовая ответственность, заключающаяся в:

- наложении оператором СИМ штрафных санкций, предусмотренных договором краткосрочной аренды электросамоката за нарушение как правил дорожного движения так и специальных условий допуска к управлению электросамокатом, установленных оператором СИМ (так, отдельные операторы СИМ предоставляют допуск к управлению электросамокатом только лицам, достигшим совершеннолетия);

- деликтная ответственность в рамках применения норм статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении вреда третьим лицам.

Кроме того, при наступлении последствий, повлекших вред для здоровья и имущества третьих лиц, могут быть применены правила о наступлении страхового случая, если ответственность пользователя электросамоката была застрахована.

Как обозначено выше, одной из проблем привлечения к гражданско-правовой ответственности является идентификация пользователя электросамоката, совершившего нарушение. По сложившейся правоприменительной практике, оператор СИМ должен предоставить уполномоченному органу государственной власти информацию о пользователе, управлявшем элект-

тросамокатом на основании договора краткосрочной аренды, во время совершения административного правонарушения. Автор разделяется позиция, высказанная в научной литературе о том, что если факт административного правонарушения будет установлен по окончании действия договора аренды, то с высокой степенью вероятности уполномоченный орган привлечет к административной ответственности собственника электросамоката [3. С. 40–44]. Полагаем, что на оператора СИМ может быть возложена солидарная ответственность за причинение вреда третьим лицам. Законодатель в статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо указывает на обязанность юридических лиц (в рассматриваемых правоотношениях операторов СИМ), «деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов)» по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности.

В связи с этим следует четко закрепить в действующем законодательстве положение о том, что пользователь электросамоката, заключивший договор краткосрочной аренды, в случае причинения вреда третьим лицам несет как административную, так и гражданско-правовую ответственность. При невозможности идентификации пользователя арендованного электросамоката (например, если пользователь покинул место происшествия) либо при наличии недостоверных сведений о нем (например, при регистрации пользователя электросамоката в приложении оператора СИМ с помощью «фейкового аккаунта»), гражданско-правовая ответственность в полном объеме должна возлагаться на оператора СИМ.

Российский законодатель при регулировании вопросов возмещения вреда в сфере транспортной мобильности населения исходил из того, что транспорт является источником повышенной опасности. Именно поэтому для отдельных видов предпринимательской деятельности, связанной с транспортной мобильностью (например, пассажирских перевозок автомобильным транспортом либо такси) предусмотрено обязательное страхование ответственности за причинение вреда третьим лицам. В настоящее время большинство операторов СИМ предусматривают добровольное страхование общегражданской ответственности как один из компонентов договора краткосрочной аренды

электросамоката. Автор полагает, что в действующем законодательстве следует закрепить обязанность оператора СИМ по страхованию гражданской ответственности.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос включения в договоры краткосрочной аренды операторами СИМ штрафных санкций за нарушение пользователями электросамокатов правил дорожного движения и причинение вреда третьим лицам. Статья 330 Гражданского кодекса Российской Федерации наделяет субъекта предпринимательской деятельности (оператора СИМ) правом установления в договоре штрафа в случае ненадлежащего исполнения обязательства пользователем электросамоката. Фактически пользователь электросамоката, совершивший административное правонарушение обязан понести как административную ответственность и уплатить штраф, предусмотренный Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях в пользу государства, так и договорную ответственность, заплатив штраф оператору СИМ.

По сути, с введением штрафных санкций за нарушение пользователями электросамокатов правил дорожного движения, оператор СИМ оказывая единожды услугу по передаче электросамоката в краткосрочное пользование может при наступлении деликта дважды извлечь прибыль: изначально при заключении договора и после наступления деликта путем безакцептного списания денежных средств с банковской карты пользователя-нарушителя. Следует отметить, что зачастую штрафы, предусмотренные договором краткосрочной аренды, в разы превышают размеры штрафов, установленных государством. Так, по информации (текстов договоров краткосрочной аренды электросамокатов), размещенной операторами СИМ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, штраф за управление электросамокатом лицами, не достигшими совершеннолетия, может составлять от 10 000 до 100 000 рублей и списываться с банковской карты пользователя электросамоката, как только зафиксировано нарушение.

Правовое регулирование эксплуатации и ответственности за использование электросамокатов носит комплексный характер: поскольку имеет место минимальное государственное регулирование деятельности операторов СИМ и связанное с этим фактором наличие пробелов в действующем законодательстве, деятельность

операторов СИМ базируется на локальном (внутрикорпоративном) и договорном регулировании. Автор полагает, что в законодательстве следует установить единый подход, закрепив повышенные требования к деятельности операторов СИМ как к ор-

ганизациям, предоставляющим во временное пользование объекты повышенной опасности и четко прописав ответственность как пользователей электросамокатов, так и операторов СИМ за вред, причиненный третьим лицам.

Литература

1. Антонов А. А. Некоторые аспекты ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности // Юрист. 2019. № 12. С. 27–33.
2. Бажина М. А., Голдаев В. В. Ответственность владельцев транспортных средств за вред, причиненный третьим лицам // Транспортное право. 2020. № 3. С. 3–6.
3. Бурова И. Л., Рудов М. В. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2. С. 84–93.
4. Половникова Н. В. Договорное регулирование отношений, связанных с транспортной мобильностью населения. // Проблемы права. 2025. № 1. С. 40–44.

Reference

1. Antonov A. A. Some aspects of liability for harm caused by a source of increased danger // Lawyer. 2019. № 12. Pp 27.
2. Bazhina M. A., Goldaev V. V. Liability of vehicle owners for harm caused to third parties // Transport law. 2020. № 3. Pp. 3–6.
3. Burova I. L., Rudov M. V. On some problems of legal regulation of new types of vehicles with an electric motor // Property relations in the Russian Federation. 2019. № 2. Pp. 84–93.
4. Polovnikova N. V. Contractual regulation of relations related to transport mobility of the population. // Legal issues. 2025. № 1. Pp.40–44.

Сведения об авторе

Половникова Наталья Владимировна — кандидат юридических наук, главный консультант аппарата Законодательного Собрания Свердловской области (г. Екатеринбург, Российская Федерация). Электронная почта: polovnikova@zssso.ru

Information about the author

Polovnikova Natalia Vladimirovna — Candidate of Law Sciences, Chief Consultant of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: polovnikova@zssso.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.03.2025

Дата рецензирования / Received: 25.03.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.03.2025

Рогожин С. В.

СРОКИ ОБРАЩЕНИЯ В СУД И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. В статье исследуется природа сроков обращения в суд. Выявляются отличия таких сроков от сроков исковой давности. Приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие основания и порядок применения судами сроков обращения в суд, а также последствия пропуска рассматриваемых сроков. Предлагаются критерии отнесения сроков к срокам обращения в суд.

Ключевые слова: сроки, осуществление гражданских прав, защита гражданских прав, сроки обращения в суд, сроки исковой давности.

Для цитирования: Рогожин С. В. Сроки обращения в суд и их влияние на осуществление субъективных гражданских прав // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 39–42.

Rogozhin S. V.

THE TERMS FOR APPLYING TO THE COURT AND THEIR IMPACT ON THE EXERCISE OF SUBJECTIVE CIVIL RIGHTS

Abstract. The article examines the nature of the time limits for applying to the court. The differences between such terms and the limitation periods are revealed. Examples from judicial practice are given, illustrating the grounds and procedure for applying the terms for applying to the court by courts, as well as the consequences of missing the time limits under consideration. Criteria for attributing deadlines to the deadlines for applying to the court are proposed.

Keywords: terms, exercise of civil rights, protection of civil rights, time limits for applying to the court, limitation periods.

Защита субъективного права связана со сроками — промежутками или моментами времени, истечение либо наступление которых влечет юридические последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

Законодатель разграничивает сроки исковой давности и сроки обращения в суд, что следует, в частности, из содержания части 1 статьи 152 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), согласно которой в предварительном судебном заседании исследуются факты пропуска сроков обращения в суд и сроков исковой давности. При этом действующее законодательство не приводит определение понятия срока обращения

в суд, не регламентирует перечень сроков, которые относятся к срокам обращения в суд, что, безусловно, затрудняет применение указанных сроков в правоприменительной практике.

Отсутствует единый подход к пониманию природы сроков обращения в суд и к критериям отнесения к ним сроков и в юридической доктрине.

Так, П. А. Ильичев отмечает, что, если срок исковой давности является материальным сроком, то сроки обращения в суд могут быть как материальными (например, срок обращения в суд, предусмотренный статьей 392 Трудового кодекса Российской Федерации, далее — ТК РФ), так и процессуальными (например, сроки обжалования

решения суда, сроки для обжалований решений органов государственной власти и органов местного самоуправления) [5].

Д. А. Грибков пишет, что некоторые сроки обращения в суд являются правовым аналогом сроков исковой давности, поскольку сроки обращения в суд имеют со сроками исковой давности: единство целей, состоящих в обеспечении стабильности гражданского оборота, и единством процессуальных функций, выражающихся в процессуальной защите по делу [3. С. 26].

А. К. Айбатулина считает, что срок обращения в суд — это процессуальный срок [1]. По мнению А. Закарлюка, срок обращения в суд является материальным сроком, а не процессуальным, поскольку «его течение начинается задолго до возбуждения дела в суде» [4, с. 1]. Такого же мнения придерживается Н. А. Бортникова [2].

В соответствии со статьей 392 ТК РФ работник имеет право обратиться в суд, в частности, в течение: трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права; одного месяца — по спорам, связанным с увольнением, и этот срок исчисляется со дня вручения копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления сведений о трудовой деятельности; одного года — за разрешением спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других причитающихся выплат, этот срок исчисляется со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе при увольнении.

При этом в части пятой указанной статьи ТК РФ устанавливается, что при пропуске приведенных выше сроков обращения в суд за разрешением индивидуальных трудовых споров они могут быть восстановлены судом.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что, во-первых, вопрос о пропуске срока может разрешаться только по заявлению ответчика (также как это регламентировано в отношении срока исковой давности), но не по инициативе суда; во-вторых, возражения (заявление) ответчика относительно пропуска срока обращения в суд может рассматриваться как в предварительном судебном заседании (если суд признает причины пропуска срока уважительными, он восстанавливает срок, а если устанавливает, что срок пропущен без уважительных причин, отказывает только по этому основанию, без ис-

следования иных обстоятельств дела), так и в ходе судебного разбирательства¹.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что под уважительными причинами пропуска срока обращения в суд понимаются обстоятельства, препятствовавшие своевременному обращению в суд (например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольным членом семьи)².

Соответственно, исходя из приведенных разъяснений, можно сделать следующие выводы. При пропуске срока обращения в суд исковое заявление принимается к производству суда, так же как и при пропуске срока исковой давности. Как и срок исковой давности, срок обращения за разрешением индивидуального трудового спора применяется по заявлению ответчика, а не судом по собственной инициативе, и пропуск этого срока является самостоятельным основанием для отказа в защите субъективного права. При этом срок исковой давности, в соответствии со статьей 205 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) восстанавливается в исключительных случаях по обстоятельствам, связанным с личностью истца, и обстоятельства эти должны иметь место в определенный временной промежуток: в последние шесть месяцев срока исковой давности; пропущенный срок обращения в суд, предусмотренный статьей 392 ТК РФ, восстанавливается по более широкому кругу оснований, которые хотя и связаны с личностью работника, но не носят исключительный характер, и для уважительных причин не установлены временные промежутки, в пределах которых они должны существовать, в отличие от уважительных причин, являющихся основаниями для восстановления срока исковой давности.

Кроме того, в трудовых правоотношениях пропущенный срок обращения в суд

¹ Абзацы второй — четвертый пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6 (дата обращения: 20.04.2025 г.).

² Абзац пятый пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

может быть восстановлен по соответствующим требованиям и работодателю, имеющему статус юридического лица и индивидуального предпринимателя, в то время как срок исковой давности юридическому лицу и индивидуальному предпринимателю не восстанавливается¹.

Отличием сроков обращения в суд от сроков исковой давности является отсутствие оснований перерыва или приостановления срока обращения в суд.

Гражданин Ш. обратился в суд к индивидуальному предпринимателю Л. о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск за период с 15.02.2012 г. по 01.09.2021 г. Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано², поскольку суд пришел к выводу о пропуске срока обращения в суд, установленного частью 2 статьи 392 ТК РФ. Как установлено судом, Ш. был уволен с работы 01.09.2021 г., т. е. 01.09. 2021 г. он имел право получить компенсацию за неиспользованные им отпуска. Соответственно, право на взыскание такой компенсации в судебном порядке у истца было в период с 01.09.2021 г. по 01.09. 2022 г. Однако с иском Ш. обратился в суд 19.04.2023 г., то есть с пропуском установленного статьей 392 ТК РФ срока.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда вышеуказанное решение суда отменено, по делу принято новое решение о взыскании с ответчика в пользу истца компенсации за неиспользованный отпуск³. Суд апелляционной инстанции исходил из того, что поскольку имевшиеся между сторонами отношения приобрели статус трудовых только после установления их таковыми в судебном порядке, а именно решением Фрунзенского районного суда г. Владимира от 23.12.2022 г., вступившим в законную силу 21.03.2023 г., то срок обращения в суд за защитой нарушенного права должен ис-

числяться с даты вступления решения суда в законную силу, то есть с 21.03.2023 г., а в суд Ш. обратился 19.04.2023 г. — в пределах установленного статьей 392 ТК РФ срока.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции⁴ указанное апелляционное определение отменено в части удовлетворения исковых требований о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск, оставлено в данной части в силе решение Фрунзенского районного суда г. Владимира. Суд кассационной инстанции указал, что уволенный работник имеет право обратиться в суд с иском о взыскании начисленной, но не выплаченной в срок заработной платы, а также причитающихся ему при увольнении сумм, в том числе компенсации за неиспользованный отпуск в течение 1 года после увольнения. Течение трехмесячного срока для обращения в суд по спорам об установлении факта трудовых отношений и производным от них требованиям начинается, по общему правилу, со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. При определении дня, с которым связывается начало срока, в течение которого работник вправе обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора, необходимо исходить не только из даты фактического допуска работника к работе, но и с учетом конкретных обстоятельств дела устанавливать момент, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих трудовых прав. Из материалов дела следует, что обращаясь ранее 19.11.2021 г. в суд с иском об установлении факта трудовых отношений, истец ссылался на то, что работал у индивидуального предпринимателя Л. в период с 15.02.2012 г. по 01.09.2021 г., считал датой своего увольнения 01.09.2021 г. и указывал на то, что 02.09.2021 он узнал о своем увольнении. То есть о нарушении трудовых прав невыплатой компенсации при увольнении истцу было известно, начиная с даты увольнения — 01.09.2021 г., поэтому датой начала исчисления годового срока обращения в суд следовало считать 02.09.2020 г., а не исходить из даты при-

¹ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12.

² Решение Фрунзенского районного суда г. Владимира от 06.07.2023 по делу № 2–1329/2023 // Архив Фрунзенского районного суда г. Владимира.

³ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 08.11.2023 г. по делу № 33–4361/2023 // Архив Владимирского областного суда (дата обращения: 22.04.2025 г.).

⁴ Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2024 г. по делу № 88–1820/2024 // Архив Второго кассационного суда общей юрисдикции (дата обращения: 25.04.2025 г.).

знания судом отношений между сторонами трудовыми.

Между тем, позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу иная: нормы трудового законодательства, устанавливающие сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, применяются к таким отношениям лишь после признания их судом трудовыми¹.

Таким образом, сроки обращения в суд являются материальными, а не процессу-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2024 г. № 16-КГ24-4-К9 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.03.2025 г.).

альными сроками. Несмотря на то, что они связаны с правом на обращение в суд и с процессуальным действием — подачей иска (заявления), их истечение или наступление при определенных обстоятельствах влечет отказ в защите *материального* права.

При этом законодательство устанавливает различные основания и порядок восстановления сроков обращения в суд и сроков исковой давности. Отличием сроков обращения в суд от сроков исковой давности является также отсутствие оснований перерыва или приостановления сроков обращения в суд.

Литература

1. Айбатулина А. К. К вопросу о сроках обращения в суд по жилищным спорам государственных служащих и членов их семей // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 224–231.
2. Бортникова Н. А. Исковая давность // Справочная правовая система «Консультант плюс». 2019. 300 с.
3. Грибков Д. А. Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009.
4. Закарлюка А. Пропущенный срок // ЭЖ-Юрист. 2010. № 17. Тематическое приложение. С. 1–5.
5. Ильичев П. А. О соотношении сроков исковой давности и сроков обращения в суд // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 142–145.

References

1. Ajbatulina A. K. K voprosu o srokah obrashcheniya v sud po zhilishchnym sporam gosudarstvennyh sluzhashchih i chlenov ih semej // Vestnik grazhdanskogo processa. 2020. № 6. Pp. 224–231.
2. Bortnikova N. A. Iskovaya davnost' // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant plyus». 2019. 300 p.
3. Gribkov D. A. Iskovaya davnost' i sroki obrashcheniya v sud v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. M., 2009.
4. Zakarlyuka A. Propushchennyj srok // EZh-Yurist. 2010. № 17. Tematiceskoe prilozhenie.
5. Il'ichev P. A. O sootnoshenii srokov iskovoj davnosti i srokov obrashcheniya v sud // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2011. № 4. P. 142.

Сведения об авторе

Рогожин Станислав Валерьевич — заместитель председателя Владимирского областного суда (г. Владимир, Российская Федерация). Электронная почта: oblsud.wld@sudrf.ru.

Information about the author

Rogozhin Stanislav Valerievich — Deputy Chairman of the Vladimir Regional Court (Vladimir, Russian Federation). E-mail: oblsud.wld@sudrf.ru.

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.04.2025

Дата рецензирования / Received: 25.04.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.04.2025

Самарцева М. В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируются существующие концепции искусственного интеллекта, исследуется понятие искусственного интеллекта (ИИ), рассматриваются вопросы его правового регулирования в контексте современных российских и международных подходов. Кроме того дан анализ ключевых аспектов развития искусственного интеллекта, включая его классификацию на «слабый» и «сильный» искусственный интеллект, а также правовые и технические различия между этими явлениями.

Автор акцентирует внимание на необходимости четкого разграничения понятий «ИИ» и «робот», подчеркивая, что искусственный интеллект представляет собой программный комплекс, тогда как робот может быть киберфизической системой, интегрирующей искусственный интеллект. Кроме того, в статье автор предлагает квалифицировать программно-аппаратный комплекс в качестве разновидности программного комплекса, допускающей как авторско-правовую, так и патентно-правовую охрану, а также, в целях уточнения содержания понятия «слабый ИИ», которое следует рассматривать в качестве синонима понятия «технологии ИИ», предлагает определение понятия «слабый искусственный интеллект» и его включение в текст подпункта (б) пункта 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Искусственный интеллект (ИИ); Понятие искусственного интеллекта; Юридическая сущность искусственного интеллекта; Слабый искусственный интеллект; Сильный искусственный интеллект; Программно-аппаратный комплекс; Аппаратно-программный комплекс; Технологии искусственного интеллекта; Киберфизические системы (CPS); Юридическая правосубъектность искусственного интеллекта; Узкий искусственный интеллект; Общий искусственный интеллект.

Для цитирования: Самарцева Н. В. Определение понятия искусственного интеллекта на современном этапе развития технологии // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 43–57.

Samartseva M. V.

DEFINITION OF THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE PRESENT STAGE OF TECHNOLOGY DEVELOPMENT

Abstract. The article analyses the existing concepts of artificial intelligence, investigates the concept of artificial intelligence (AI), considers the issues of its legal regulation in the context of modern Russian and international approaches. In addition, the article analyses the key aspects of artificial intelligence development, including its classification into 'weak' and 'strong' artificial intelligence, as well as legal and technical differences between these phenomena.

The author focuses on the need for a clear distinction between the concepts of 'AI' and 'robot', emphasising that artificial intelligence is a software complex, whereas a robot can be a cyber-physical system integrating artificial intelligence. In addition, in the article the author proposes to qualify a hardware-software complex as a kind of software complex, allowing both copyright and patent legal protection, and, in order to clarify the content of the concept of

'weak AI', which should be considered as a synonym of the concept of 'AI technologies', proposes a definition of the concept of 'weak artificial intelligence' and its inclusion in the text of subparagraph (b) of paragraph 5 of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence.

Keywords: Artificial Intelligence (AI); Concept of Artificial Intelligence; Legal essence of Artificial Intelligence; Weak Artificial Intelligence; Strong Artificial Intelligence; Hardware and Software Complex; Hardware and Software Complex; Artificial Intelligence Technologies; Cyber-Physical Systems (CPS); Legal personality of Artificial Intelligence; Narrow Artificial Intelligence; General Artificial Intelligence.

Пронзительное и стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в общественные отношения, взрывное расширения сфер использования ИИ и его внедрение практически по все сферы жизнедеятельности общества по всему миру подводят к потребности в исследовании феномена ИИ в правовом контексте. Во многом текущие представления об ИИ формируются громкими заголовками новостей, которые чаще всего отличаются от реального положения вещей в сторону преувеличения или просто искажают реальные факты.

Так, для начала хотелось бы разобраться, что такое ИИ с точки зрения как технологий, так и с правовой.

В России, как и во многих других государствах, проявилась значительная востребованность и интерес к ИИ в обществе, а возникающие в связи с этим вопросы повлекли разработку ряда стратегических документов, определяющих направление правового регулирования, основное место среди которых занимают:

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹ (далее — «Национальная стратегия развития ИИ»);

2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта² (от 26 октября 2021 г.) — система рекомендательных принципов и правил, предназначенных для создания среды доверенного развития технологий искусственного интеллекта в России, к которому

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. N 490 (ред. от 15.02.2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ». 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.). URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 31.03.2025 г.).

присоединились и выразили свою приверженность принципам этики ИИ более 900 организаций на дату 6 апреля 2025 года, включая таких ИТ-гигантов России, как Сбер, Яндекс, VK, МТС, Ростелеком и других крупных организаций в самых различных областях (далее — «Кодекс этики ИИ»);

3. Акты, устанавливающие экспериментальные режимы, в числе которых, в частности, Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»³ (далее — «Закон о проведении эксперимента для внедрения ИИ»).

Более того, в настоящее время разрабатывается проект федерального закона об ИИ, что актуализирует потребность в анализе юридической сущности ИИ и необходимость выработки соответствующего правового режима.

Анализ отечественных и зарубежных юридических публикаций показал, что ранее имела место тенденция к приданию ИИ статуса самостоятельного субъекта права с наделением его (специальной) правосубъектностью. Начиная с 80 гг. прошлого века [33] и до настоящего времени сформировалось множество различного рода правовых концепций, существенно различающихся между собой. Одной из первых работ в этом направлении признается ра-

³ Федеральный закон от 24.04.2020 г. 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ». 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

бота: Marshall, W.S. «Artificial intelligence: Some legal approaches and implications» 1983 г., посвященная проблеме определения статуса «лица» для интеллектуальных машин, этических и социополитических последствий развития ИИ.

Так, в рамках одной из концепций обосновывается допустимость признания за ИИ статуса юридического лица, причем подчеркивается, что ИИ представляет собой «юридическую фикцию, схожую с фикцией юридического лица, в которой искусственный интеллект является постоянно действующим органом» [20, 2]. Другой подход к обоснованию возможности надления ИИ правоспособностью состоит в признании его квазисубъектом права: «Сущность данной концепции состоит в том, что «робота можно определить как «движимое имущество», наделенное ограниченной правосубъектностью» [4. С. 165]. Согласно еще одной позиции для целей признания специальной правосубъектности робота вполне годятся нормы римского права о рабах (неполноценных субъектах): «В ситуации правовой неопределенности из-за появления новых акторов общественных отношений (роботов и роботизированных людей) полезно вновь обратиться к римскому праву, которое предлагает механизмы регулирования отношений с неполноправными субъектами» [20, 23]. Высказывается и прямо противоположное мнение, весьма радикальное, обосновывающее недопустимость применения рабских законов к роботам и взаимодействие с ними только на паритетных началах, что предполагает надление роботов правоспособностью, тождественной или аналогичной физическому лицу [7].

Не углубляясь в исследование обоснования упомянутых выше концептуальных позиций, хочется обратить внимание на очевидный терминологический нюанс — практическое отождествление понятий ИИ и робота.

Разграничение понятий «искусственный интеллект» и «робот»

Анализ юридической литературы показал, что в ранее выходивших публикациях чаще употреблялось слово «робот», который и выступал основным объектом исследования в то время, как в современных публикациях чаще встречается именно термин «искусственный интеллект».

Указанные понятия, очевидно, не идентичны и представляется необходимым их разграничение между собой. Забегая впе-

ред, надо подчеркнуть, что термин «ИИ» употребляется тогда, когда речь идет о программном комплексе — комплексе взаимосвязанных компьютерных программ, объединенных единством задач и функций, который способен автоматически находить способы достижения целей, о чем подробнее будет говориться далее.

В отличие от ИИ, который не требует физической формы, роботы могут быть представлены в формах различного дизайна [31]. То есть термин «робот» применим в тех случаях, когда ИИ получает соответствующую его функциональному предназначению специальную физическую оболочку, становясь киберфизической системой [32] (англ. cyber-physical systems (CPS)), то есть происходит интеграция ИИ как программного комплекса в соответствующую физическую сущность.

Но не всякий робот может уравниваться с ИИ. В связи с чем, в частности, М. А. Рожкова пишет: «Под роботами традиционно понимаются автоматические устройства (создаваемые обычно по принципу живого организма), которые предназначены для осуществления определенных операций, действуют по заложенной программе и получают информацию от датчиков. Но такое определение годится, скорее для первых двух поколений роботов» [18. С. 21]. Автор отмечает, что к первому поколению относятся программные роботы, то есть роботы с программным управлением, которые выполняют четко определенные операции в последовательности, жестко заложенной программой (это прежде всего промышленные роботы, осуществляющие транспортировку, сварку, штамповку, простейшие сборочные операции и т. д.). К роботам второго поколения относят так называемых оживленных роботов, которые также выполняют операции в соответствии с заложенной программой, но в отличие от первых нуждаются в получении информации извне, что и обусловило надление их искусственными «органами чувств»: тактильными, зрительными, звуковыми, кинестетическими и другими сенсорными датчиками. М. А. Рожкова подчеркивает: «Работа роботов второго поколения предполагает использование алгоритмического и программного обеспечения, что позволяет роботам ориентироваться в существующих условиях и автоматически приспособляться (адаптироваться) в случае изменения этих условий (что и объясняет их второе название — адаптивные

роботы), а также обучаться в процессе функционирования» [19].

Особого внимания в целях настоящей работы заслуживают роботы третьего поколения, которых в литературе нередко именуют «интеллектуальными роботами» и предназначение которых состоит не только в осуществлении физических и двигательных функций, но и прежде всего в решении интеллектуальных задач: это роботы-андроиды, космические, игровые, морские, медицинские, бытовые, военные роботы, беспилотные летательные аппараты и автомобили, экзоскелеты и проч. Действия интеллектуальных роботов «определяются и выполняются на основе технологий искусственного интеллекта» [20].

Резюмируя, можно утверждать следующее. Если термин «робот» используется в широком смысле, как например, это имело место в проекте Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, в которой этим термином охватывались «все категории роботов в самом широком их понимании независимо от их назначения, степени опасности, мобильности или автономности, а также киберфизические системы с искусственным интеллектом в любой форме... роботизированные механизмы...»¹, то отождествлять робота с ИИ нет никаких оснований. В тех же случаях, когда роботом третьего поколения управляет информационно-вычислительная система, основанная на сложном программном комплексе ИИ, представляется допустимым использовать понятия «ИИ» и «робот» в качестве взаимозаменяемых аналогов.

Таким образом, далее в настоящем исследовании под термином «робот» будет пониматься по меньшей мере робот третьего поколения, причем в этом смысле данный термин будет употребляться в качестве синонимичного понятию ИИ.

Движение к отождествлению понятий роботов и ИИ довольно четко прослеживалось в инициативе Европейского парламента (2017), который, отметив возрастающую значимость «все более совершенных роботов, ботов андроидов и других проявлений искусственного интеллекта

¹ См. ст. 2 проекта Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте (Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта), разработанной Исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. 2017. (авторы — Андрей Незнамов, Виктор Наумов). С. 4.

(ИИ)», обозначил потребность в создании общепринятого определения робота и ИИ (которое было бы гибким и не препятствовало инновациям), предложил начать разработку нормативных актов, призванных урегулировать создание и использование сложных роботов, а кроме того, выступил с идеей введении нового субъекта права — «электронной личности» (англ. *electronic persons*). Эта инициатива, получив обоснование в докладе Комитета по правовым вопросам с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права о робототехнике (2015/2103(INL)) [27], в итоге нашла воплощение в Резолюции Европейского Парламента от 16.02.2017 относительно норм гражданского права о робототехнике (англ. *Civil Law Rules on Robotics*) [28] (далее — Резолюция о робототехнике).

Важно заметить, что Резолюция о робототехнике не была нацелена на срочное разрешение обозначенных в ней вопросов — она только намечала те направления, которые требуют проработки в долгосрочной перспективе в ключе ожидания того, что ИИ рано или поздно превзойдет человека. Иными словами, в Резолюции о робототехнике было предложено начать разработку нормативных правовых актов, которые могут быть приняты, когда ИИ станет действительно сопоставим с человеческим разумом и сможет рассматриваться в качестве самостоятельной личности.

В Резолюции о робототехнике признавалась вероятность того, что в долгосрочной перспективе ИИ сможет превзойти интеллектуальные способности человека (пункт (P)). При этом в одном из пунктов, посвященном вопросам юридической ответственности, было подтверждено, что современные роботы уже способны выполнять такие действия, которые раньше были типичны и свойственны исключительно человеку (пункт (Z)). Здесь же подчеркивалось, что развитие определенных автономных и когнитивных способностей (как, например, способности учиться на опыте и принимать квазинезависимые решения) сделало роботов более похожими на агентов, которые взаимодействуют со своей средой и способны ее значительно изменить.

Резолюция о робототехнике содержала предложение при оценке воздействия будущего европейского законодательства изучить, проанализировать и рассмотреть последствия наделения самых «продвинутых» интеллектуальных автономных робо-

тов особым правовым статусом — статусом «электронной личности», что сделает их ответственными за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, а также ответственным в тех случаях, когда робот принимал автономное решение или иным образом самостоятельно взаимодействовал с третьими лицами (пункт 59 (f)).

Надо признать, что заложенная в Резолюции о робототехнике идея признания за ИИ статуса субъекта права (статуса «электронной личности») сразу после обнародования документа не получила широкой поддержки. Хотя, как отмечает С. А. Сеницын, еще до принятия названной Резолюции на фоне ожидаемых сверхспособностей роботов, опережающих человеческие, в частности, в германском праве уже звучала идея «пересмотреть привычную для современных правовых систем картину антропоцентризма» [21]. Более того, после обнародования Резолюции имел место случай признания за роботом, управляемым ИИ, правосубъектности: человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии [26]. Однако само это понятие сохранило свое значение и сегодня находит применение при решении юридических вопросов в сфере применения ИИ.

Более того, имевшее место обсуждение свойств и характеристик «электронной личности» явно способствовало проведению четкого разграничения между ИИ будущего (который, как ожидается, будет превосходить интеллектуальные способности человека, но пока не создан) и ИИ настоящего (который, будучи признаваемым передовой технологией, представляет собой программный комплекс, создаваемый для решения конкретных прикладных задач).

Сущностные отличия «слабого ИИ» и «сильного ИИ»

Обозначенное разграничение нашло прямое отражение и в российском праве. Так, в пункте 9 Национальной стратегии развития ИИ закреплено, что ИИ, способный решать узкоспециализированные задачи представляет собой «слабый ИИ». В то же время ИИ, который будет способен, «подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям» поименован в Стратегии как «универсальный (сильный) ИИ» (пункт 9). Примечательно, что в подпункте (х) пункта 5 Националь-

ной стратегии развития ИИ в новой редакции (в редакции Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124) «сильный ИИ» раскрывается несколько по-иному: «тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям».

В юридической литературе также предпринимались попытки выявить сущностные различия между «слабым ИИ», который иногда называют «узким ИИ» (англ. weak, narrow Artificial Intelligence), и «сильным ИИ», который именуют также и как «общий ИИ» (англ. strong, general Artificial Intelligence). В частности, В. Б. Наумов и Е. В. Тытюк в своей работе подчеркивают следующее: «Слабый искусственный интеллект — это различные механизмы и математические алгоритмы, способные выполнять ограниченный перечень задач, не имитируя мыслительный процесс человека. «Сильный»... — это механизм, процесс работы которого полностью имитирует процесс работы человеческого мозга. Создание сильного искусственного интеллекта на данный момент невозможно, поскольку пока у человечества нет полноценного понимания того, как устроен человеческий мозг и как он работает» [12].

В развитие изложенного важно заметить, что в подпункте (а) пункта 5 Национальной стратегии развития ИИ содержится определение ИИ, устанавливающее, что ИИ представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (в редакции Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124).

Аналогичное определение закреплено в статье 2 Закона о проведении эксперимента для внедрения ИИ: «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая

самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Семантический анализ процитированных легальных дефиниций данного понятия ИИ позволяет утверждать, что обе эти дефиниции предназначены скорее для термина «сильный ИИ». В них соотносятся способности ИИ и человека, причем предполагается возможным для ИИ осуществлять мыслительную деятельность, свойственную человеку, — «поиск решений без заранее заданного алгоритма».

Надо заметить, что больший регуляторный интерес именно к «сильному ИИ» и ранее был характерен, причем не только для российского права. Например, в законопроекте Джона С. Маккейна «National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019» указывалось, что понятие ИИ включает в себя следующие определения:

«— любая искусственная система, которая выполняет задачи при различных и непредсказуемых обстоятельствах без значительного надзора со стороны человека, или которая может научиться на опыте и улучшить эффективность за счет анализа данных;

— искусственная система, разработанная в компьютерном программном обеспечении, физическом оборудовании или другом контексте, которая решает задачи, требующие восприятия, познания, планирования, обучения, общения или физических действий свойственных человеку;

— искусственная система, призванная мыслить или действовать как человек, включая когнитивные архитектуры и нейронные сети.

— набор методов, в том числе и машинное обучение, разработанный для приближения к познавательной задаче;

— искусственная система, предназначенная для рационального действия, в частности интеллектуальный программ-

ный агент или воплощенный робот, который достигает целей, используя восприятие, планирование, рассуждения, обучение, общение, принятие решений и действие» [30].

Тенденция при определении исследуемого понятия опираться на сравнение человека с роботом, на способность к мышлению (сегодня не достижимую для ИИ), прослеживается в большинстве доктринальных дефиниций исследуемого понятия. Применительно к последним Г. Г. Камалова и В. Б. Наумов отмечают: «со времени введения в научный оборот и по сегодняшний день определение базового понятия «искусственный интеллект» строится на дихотомии понятий «естественный интеллект» («интеллект») / «искусственный интеллект» [12].

Подобная направленность сохраняется и сегодня — в условиях выработки серьезно различающихся концептуальных подходов к интерпретации ИИ. Например, Павлов С. Н. считает, что для целей права важны не собственно внутренние процессы работы ИИ, а их внешнее выражение и соответствие результатов деятельности функциональности мозга человека (концепция «черного ящика») [14]. В. А. Лаптев, пишет о том, что определяющим отличием ИИ от обычного робота является мышление, причем мышление субъекта (оператора) [7]. А, например, С. М. Акбаров предлагает определять ИИ как «совокупность методов, способов, технологий и средств, в том числе, аппаратных, и компьютерных программ, реализующих одну, несколько или все когнитивные функции, эквивалентные когнитивным функциям человека» [1]. Весьма примечательно толкование ИИ, предложенное Л. С. Болотовой, которая определяет его как «совокупность метапроцедур — представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, логического вывода, пополнения знаний, их корректировки и т. д. — то есть процедур, имитирующих мыслительную деятельность человека» [5], при том, что для понятия «система ИИ» она предлагает другое определение: «аппаратный и информационно-программный комплекс, действие которого аналогично действию механизмов мышления человека и неотлично от решений, которые принимались бы человеком-экспертом, то есть профессионалом в данной предметной области» [5. С. 86].

Многообразие подходов к определению ИИ, тем не менее, ничуть не колеблет выдвигаемый в философии тезис о серьезных отличиях в понимании «сильного искусственного интеллекта как искусственной системы, обретающей способность мыслить и осознавать себя, и слабого искусственного интеллекта, который такой возможностью не обладает» [11. С. 86]. Это дает все основания поддерживать заключение, согласно которому «сильный и слабый искусственный интеллект должны получить различающиеся правовые дефиниции и режимы» [11. С. 86].

Определение термина «слабого ИИ»

Признавая, что формирование понятийного аппарата есть одна из важнейших задач для правового регулирования всякой новой сферы (что, разумеется, распространяется и на сферу применения ИИ), надо согласиться с тем, что в условиях обширного внедрения практически во все области жизнеобеспечения именно «слабого ИИ», который нет серьезных причин сопоставлять с возможностями человека, необходимо четкое определение его сущности и введения соответствующего определения в действующее законодательство. Иными словами, налицо потребность в выработке легальной дефиниции понятия «слабого ИИ», который, как указывалось, уже сегодня остро востребован и находит крупномасштабное применение на практике в отличие от «сильного ИИ», появление которого только ожидается в будущем. Конструирование легального определения требуется в целях разработки эффективного правового регулирования сферы отношений, связанных с использованием технологий ИИ, и формирования правильного и единообразного правоприменения в обозначенной предметной области.

В связи со сказанным обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в Национальной стратегии развития ИИ, и в Законе о проведении эксперимента для внедрения ИИ в числе основных понятий названы «технологии ИИ». В Законе под ними предлагается понимать «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта)». В Стратегии содержится ана-

логичное определение, однако говорится уже не о технологиях, а об их совокупности¹.

Давая оценку регуляторной значимости подобным нормативным положениям, надо признать, что в них не раскрывается существо технологий, а, по сути, лишь перечисляются примеры практического применения ИИ. Такой подход способен только отчасти закрыть лакуну отсутствия легальной дефиниции «слабого ИИ».

В свою очередь предпринимаемые в литературе попытки конструирования легального определения ИИ нацелены на создание большей определенности в этой сфере. Примером этого может выступить предложение А. В. Минбалева понимать ИИ как «совокупность технологий, интегрированных в единый механизм, подчиненный определенным целям и задачам, которые определены заказчиком и разработчиком» [8]. Или другое определение, в котором ИИ раскрывается как «технологии с возможностью выполнять задачи, которые в противном случае требуют человеческого интеллекта, такие как визуальное восприятие, распознавание речи и перевод языка».

Несмотря на то, что предлагаемые дефиниции, на первый взгляд, кажутся довольно ясными, представляется неверным давать определение понятию «слабый ИИ» через понятие «технологии», «совокупность технологий», «технологическое решение». Это связано с тем, термин «технология» при кажущейся простоте и понятности является крайне многоаспектным, допускающим множество толкований и нуждающимся в раскрытии в соответствующем контексте. Причем для целей настоящего исследования особую важность приобретает тот факт, что действующее российское законодательство не предусматривает возможность правовой охраны собственно технологий в отличие от, например, программ для ЭВМ и программных комплексов, охраняемых в качестве объектов интеллектуальных прав. В связи с этим в литературе подчеркивается, что технология может получить правовую охрану в качестве объекта интел-

¹ См. пункт 5 (б) Национальной стратегии развития ИИ, предусматривающий: технологии искусственного интеллекта — совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта (в редакции Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124).

лектуальных прав «при условии, что она подпадает под одну из категорий интеллектуальной собственности и отвечает предъявляемым законом требованиям охраноспособности соответствующих объектов. То есть возможность установления правовой охраны технологии находится в прямой зависимости от существования самой технологии» [18].

В обозначенных условиях надо признать, что понятие «слабого ИИ» будет идентично понятию «технологии ИИ», что позволяет сделать вывод о том, что эти термины могут использоваться как синонимичные, взаимозаменяемые. Вследствие этого можно заключить, что нуждается в разработке дефиниция понятия «слабый ИИ (технологии ИИ)».

Вырабатывание определения понятия ИИ не позволяет игнорировать то обстоятельство, что сегодня оно разрабатывается в двух основных направлениях — как области науки¹ и как сложного программного комплекса.

Очевидно, что в целях настоящего исследования анализ должен производиться в русле второго направления, которое, как уже отмечалось, характеризуется многообразием существующих дефиниций. Это разнообразие вызвано в первую очередь тем, что исследование феномена ИИ занят целый ряд научных отраслей, причем каждая из них концентрирует внимание на важных для нее признаках и свойствах ИИ: биологи и психологи трактуют ИИ, анализируя возможности воспроизводства процессов высшей нервной системы человека, специалисты в сфере информационных технологий исследуют ИИ в контексте решения неформализованных информационных задач, философы увязывают с творческими процессами интеллектуальных систем [12]. И очень емко в этом отношении звучит замечание Райана Кало,

¹ В частности, в литературе встречаются указания на то, что ИИ — «это научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного и программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными, то есть требуют определенных умственных усилий» (Хамитов Н. В., Киселица С. В., Деркач О. Л. Проблема телесности субъекта искусственного интеллекта в контексте теории эволюции естественного и искусственного интеллекта // Проблемы социальной работы: философия, психология, социология. 2017. № 2 (10). С. 95–102). Либо ИИ раскрывают как «сферу исследований, нацеленную на понимание, проектирование и построение когнитивных систем» (Goel A., Davies J. Artificial Intelligence. The Cambridge handbook of intelligence (3rd Edition). 2011. P. 468–484).

подчеркивающего, что ИИ — «это зонтичный термин, состоящий из множества различных методик».

В качестве затрудняющего выработку эффективного определения понятия «слабого ИИ» (технологий ИИ) следует рассмотреть и то обстоятельство, что такого рода технологии являются очень динамичным явлением, которое находится в непрерывном развитии, что препятствует выявлению общего в крайне разнородных технических решениях. Этим отчасти, вероятно, объясняется и уклонение от формулирования в Национальной стратегии развития ИИ легального определения понятия «технологии ИИ», что вылилось, по сути, только в перечисление примеров применения этой технологии.

Дополнительные трудности выработки понятия ИИ связаны еще и с существованием сложностей с единообразным пониманием англоязычного «Artificial Intelligence» — выражением, которое не является однозначным и ясным, в связи с чем А. П. Новиков обоснованно подмечает, что в английском языке «слово «intelligence» означает «умение рассуждать разумно, умственные способности», а вовсе не «интеллект», для которого существует английский аналог «intellect» [13]. На это обстоятельство обращала внимание и экспертная группа по ИИ, созданная Европейской Комиссией, которая также отмечает, что основой искусственного интеллекта является не соответствие естественному интеллекту, а рациональность его действий [25].

Указанные замечания справедливы. Словосочетание «Artificial Intelligence», предложенное Дж. Маккарти еще в 1956 г. на конференции в Ганновере, не связывалось с пониманием интеллекта у человека — под «intelligence» понималась «вычислительная составляющая способности достигать целей в мире» [34], разные виды которой встречаются не только у людей, но и у животных. Сложные программные комплексы, которые сегодня принято называть ИИ, по своей сути не имеют интеллекта — в основе их работы лежат шаблоны данных и правила их обработки (алгоритмы), заданные человеком [35]. Том Эверитт справедливо отмечает, что такие системы, в отличие от человека, обычно направлены на решение лишь определенного конкретного набора задач в заданных условиях [29].

С учетом сказанного следует признать, что перевод выражения «Artificial Intelligence» на русский язык как «искус-

ственный интеллект» не является правильным — гораздо более точным было бы перевести обозначенное выражение как «искусственный разум», «искусственный мозг», что более четко отражало бы сущность исследуемого понятия. Однако, учитывая, что термин «искусственный интеллект» уже прочно вошел в российское правовое поле и используется в целом ряде нормативных правовых актов, в настоящей работе не предлагается его заменить.

Подводя промежуточные итоги следует подчеркнуть, что при определении легального понятия «слабый ИИ (технология ИИ)» для целей правоведения, целесообразно учесть изложенные выше нюансы. Это предполагает прежде всего необходимость вовсе отойти от сопоставления ИИ с человеком, акцентировав внимание на том, что для «слабого ИИ» ключевую роль имеют компьютерные программы (в терминологии Гражданского кодекса РФ — «программа для ЭВМ»; далее понятие «компьютерная программа» и «программа для ЭВМ» будут употребляться как взаимозаменяемые).

При этом надо отметить малоэффективность как чрезмерно абстрактных, отвлеченных дефиниций, так и определений, формулируя которые их авторы стремятся обозначить (перечислить) всевозможные свойства и признаки, присущие ИИ. Так, П. М. Морхат считает, что ИИ есть «полностью или частично автономная самоорганизующаяся (и самоорганизующая) компьютерно-аппаратно-программно виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе и биокиберфизическая (bio-cybernetic) система (юнит), неживая в биологическом смысле данного понятия, с соответствующим математиком обеспечением, наделена / обладающая программно-синтезированными (эмулируемый) способностями и возможностями» [10], сопровождая это понятие целым перечнем признаков. Схожая дефиниция понятия ИИ сформулирована для целей права в работе И. В. Понкина и А. И. Редькина [15], полное авторское определение которой занимает почти целую журнальную страницу.

Не акцентируя внимания на значительной громоздкости процитированного определения, нельзя не признавать, что оно ничуть не упрощает уяснение юридической сущности ИИ. Такого рода определения являются слишком широкими, неконкретными и, бесспорно,

не подходят для законодательного закрепления.

При формулировании легального определения понятия «слабый ИИ (технология ИИ)» надо исходить из того, что в основе любой такой технологии лежит компьютерная программа. Однако одна компьютерная программа не может обеспечить полноценное функционирование «слабого ИИ» — для этого необходим соответствующий набор различных компьютерных программ, который в совокупности образует программный комплекс.

В этих условиях представляется важным обратить внимание на то, что по смыслу ст. 1261 Гражданского кодекса РФ всякая компьютерная программа предназначена для выполнения конкретной функции или функций, которые ориентированы на достижение определенного результата. Отметившая это М. А. Рожкова подчеркивает, что в рамках ГОСТ 19.101-77 «Виды программ и программных документов»¹ произведено подразделение программ для ЭВМ на два вида: во-первых, компонент (под которым подразумевается компьютерная программа, рассматриваемая как единое целое, выполняющая законченную функцию и применяемая самостоятельно или в составе комплекса); и, во-вторых, комплекс (под которым предлагается понимать компьютерную программу, состоящую из двух или более компонентов и (или) комплексов, выполняющих взаимосвязанные функции, и применяемая самостоятельно или в составе другого комплекса) [16]. По мнению М. А. Рожковой, системное прочтение положений ст. 1261 Гражданского кодекса РФ и названного выше национального стандарта позволяет заключить, что «компьютерные программы образуют комплекс (т. е. программный комплекс) только при условии, что они нацелены на выполнение взаимосвязанных функций, приводящих к достижению искомого результата» [16].

Понятие «программный комплекс» в Гражданском кодексе РФ не раскрывается, для него не установлен специальный правовой режим. Вместе с тем в первом предложении ст. 1261 Гражданского кодек-

¹ Межгосударственный стандарт ГОСТ 19.101-77 «Единая система программной документации. Виды программ и программных продуктов». Введен постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 20 мая 1977 г. № 1268 (документ не действует). Заменен на ГОСТ 19.101-2024 «Единая система программной документации. Виды программ и программных документов», введен в действие 30.01.2025 г.

са РФ, определяющей понятие программы для ЭВМ, программные комплексы (наряду с операционными системами) обозначены в качестве разновидностей компьютерных программ. И хотя с технической точки зрения с таким подходом, вероятно, можно не согласиться, в правовом ключе такое толкование позволяет сделать однозначный вывод о том, что законодательные положения о программах для ЭВМ в полной мере распространяются и на программные комплексы. Причем программный комплекс по смыслу ст. 1261 Гражданского кодекса РФ признается единым объектом интеллектуальной собственности (будучи приравнен к единичной программе для ЭВМ).

Учитывая изложенное, надо признать целесообразным дать нормативное определение «слабого ИИ» через легальный термин «программный комплекс», что позволит избежать дополнительных разъяснений (такое разъяснение требуется в отношении указаний, например, на «технологическое решение», встречающееся в некоторых доктринальных определениях).

Здесь же следует заметить, что некоторые исследователи определяют ИИ, как совокупность аппаратных и программных средств, то есть рассматривают его как программно-аппаратный (или аппаратно-программный) комплекс. Такой подход во многом обоснован практическими целями и заслуживает внимания.

Программный комплекс в свой состав включает программное обеспечение (англ. software), под которым принято понимать сами компьютерные программы с программными документами, необходимыми для эксплуатации этих программ¹. В свою очередь программно-аппаратный / аппаратно-программный комплекс, как это следует из самого его наименования, включает не только программное обеспечение (software), но и аппаратные средства — электронные и механические части устройств (англ. hardware), то есть представляет собой совокупность аппаратных и программных средств, объединяемых для выполнения определенных задач. При-

¹ См., например, 4. Государственный стандарт СССР ГОСТ 19781-90 «Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения» (утв. и введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по управлению качеством продукции и стандартам от 27 августа 1990 г. N 2467) // URL: <https://base.garant.ru/5904576/> (дата обращения: 13.03.2025 г.).

мечательно, что в современных публикациях «нередко именно аппаратная составляющая рассматривается в этой совокупности как определяющая, вследствие чего понятие программно-аппаратного комплекса раскрывается как «оборудование с установленными на нем компьютерными программами» [17].

В этих условиях нельзя не признавать, что программно-аппаратный комплекс, допускающий установление в отношении него патентно-правовой охраны (при патентовании его в качестве изобретения или полезной модели), более предпочтителен для разработчиков, нежели программный комплекс, которому может быть предложена только авторско-правовая охрана (характеризуемая как более «слабая», нежели патентно-правовая, подтверждаемая патентом).

Вариантом разрешения обозначенной проблемы будет квалификация программно-аппаратного комплекса (аппаратно-программного комплекса) в качестве разновидности программного комплекса, допускающей как авторско-правовую, так и патентно-правовую охрану.

Изложенное выше позволяет акцентировать внимание на том, что программный комплекс может быть создан только при условии, что составляющие его компьютерные программы выполняют взаимосвязанные функции и нацелены на достижение определенного результата в конкретной предметной области. Это заставляет при формулировании определения понятия «слабый ИИ» учесть особенности его функционала.

Однако неверным было бы давать определение ИИ исключительно через перечень его технических возможностей, методик работы, поскольку для целей правоведения, как уже отмечалось выше, важны не внутренние процессы работы ИИ, а их внешнее выражение. Игнорирование данного обстоятельства в условиях динамичного развития технологий ИИ может привести к ситуации, когда неохваченные дефиницией технологии будут выпадать из под правового регулирования, предназначенного для «слабого ИИ».

Обратившись к исследованию признаков ИИ, можно обнаружить, что в юридической литературе им уделяется значительное внимание. Так, в одной из публикаций указывается, что к признакам ИИ могут относиться: «способность компьютерной программы автоматически находить способы достижения целей» [29] или

«способность решать сложные задачи, сохранять большие объемы информации и работать с ними; наличие собственной модели внешнего мира (эта модель обеспечивает индивидуальность, относительную самостоятельность системы в оценке ситуации, способность семантической и прагматичной интерпретации запросов к системе; способность пополнения уже имеющихся знаний; способность к дедуктивному выводу, то есть к генерации информации, которая в явном виде не содержится в системе; способность оперировать в ситуациях, связанных с различными аспектами нечеткости, применяя «понимание» естественного языка; способность к диалоговому взаимодействию с человеком; способность к адаптации» [3].

Очевидно, что включение такого множества признаков в легальное определение «слабого ИИ» было бы излишним — это в первую очередь технические признаки, которые не представляют значимости для целей права. Вместе с тем в условиях, когда во всем мире наблюдается тенденции при определении ИИ использовать собирательный термин¹, указывая определяющие черты нового явления, представляется правильным на основании проведенных исследований следующим образом определить исследуемое понятие.

«Слабый ИИ (технологии ИИ) — программный комплекс или иная совокупность компьютерных программ, которые интегрированы в соответствующую целям их создания информационную систему и направлены на решение определенного конкретного набора задач в заданных условиях, например, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, вождении беспилотного транспорта, интеллектуальную поддержку принятия решений».

В целях уточнения содержания понятия «слабый ИИ», которое следует рассматривать в качестве синонима понятия «технологии ИИ» предлагается изложить под-

¹ См. об этом, например, Соломатин Е. О. Понятие и классификация искусственного интеллекта по праву Европейского Союза и России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 224–229.

пункт (б) пункта 5 Национальной стратегии развития ИИ в предложенной выше редакции (вместо определения понятия «технологии ИИ»).

Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов.

1. Заложенная в Резолюции Европейского парламента о робототехнике идея о введении нового субъекта права — «электронной личности», под которой подразумевается «сильный ИИ», не получила широкой поддержки. Вместе с тем это понятие находит применение при решении юридических вопросов в сфере применения ИИ.

2. Перевод англоязычного выражения «Artificial Intelligence» на русский язык как «искусственный интеллект» не является корректным — гораздо более точным было бы перевести его как «искусственный разум», «искусственный мозг», что более четко отражало бы сущность исследуемого понятия. Вместе с тем, учитывая, что термин «искусственный интеллект» уже прочно вошел в российское правовое поле и используется в целом ряде нормативных правовых актов, в настоящей работе не предлагается его заменить.

3. Предложено квалифицировать программно-аппаратный комплекс (равно как аппаратно-программный комплекс) в качестве разновидности программного комплекса, допускающей как авторско-правовую, так и патентно-правовую охрану.

4. В целях уточнения содержания понятия «слабый ИИ», которое следует рассматривать в качестве синонима понятия «технологии ИИ» предложено изложить подпункт (б) пункта 5 Национальной стратегии развития ИИ в следующей редакции: «Слабый искусственный интеллект (технологии искусственного интеллекта) — программный комплекс или иная совокупность компьютерных программ, которые интегрированы в соответствующую целям их создания информационную систему и направлены на решение определенного конкретного набора задач в заданных условиях, например, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, вождении беспилотного транспорта, интеллектуальную поддержку принятия решений».

Литература

1. Акбаров С. М. Искусственный интеллект как альтернатива человеческому РАЗУМУ // Сборник материалов VIII Всероссийской, научно-практической

- конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая». Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева / отв. ред. О. В. Тайлаков. М., 2016. С. 745.
2. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 167.
 3. Березовская И. П. Проблема искусственного интеллекта: что думает о себе Chat GPT? // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100. № 5. С. 14.
 4. Богустов А. А. К дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта // Право цифровой экономики — 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 165.
 5. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: Учебник. М., 2012. С. 86.
 6. Крысанова Н. В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право. 2021. № 1. С. 2526.
 7. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102.
 8. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2022. Т. 32, вып. 6. С. 1094–1099.
 9. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте (Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта), разработанная Исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. 2017. (авторы — Андрей Незнамов, Виктор Наумов).
 10. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 400 с.
 11. Наумов В. Б., Камалова Г. Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93.
 12. Наумов В. Б., Тютюк Е. В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540.
 13. Новиков А. П. Естественно-научные позиции в научном направлении «искусственный интеллект» // Ученые записки ИСГЗ. 2016. Т. 14. № 2–1. С. 50–56.
 14. Павлов С. Н. Системы искусственного интеллекта: учеб. пособие. В 2-х частях // С. Н. Павлов. Томск: Эль Контент, 2011. Ч. 1. 176 с.
 15. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 94–95.
 16. Рожкова М. А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы — что это такое или кто это такие? // Закон.ру. 2019. 23 ноября.
 17. Рожкова М. А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве (подробный комментарий к статье 1261 Гражданского кодекса) // Право цифровой экономики — 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 10–61
 18. Рожкова М. А., Исаева О. В. Понятие «технология» в контексте российского права // Хозяйство и право. 2021. № 3. С. 21–29.
 19. Рожкова М. А. Программные комплексы и пакет программ: характеристика юридического содержания // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. Гродно: ГрГУ, 2016. С. 272–277.
 20. Сафаргалеев Л. И. Проблемы правового регулирования робототехники // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д. ю.н. М. А. Рожкова. Москва: Статут, 2019. С. 393–414.
 21. Синицын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 330 с.
 22. Соломатин Е. О. Понятие и классификация искусственного интеллекта по праву Европейского Союза и России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 224–229.
 23. Шмарко И. Римское право для роботов // Закон.ру. 2020. 15 апреля.
 24. Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 73–81.
 25. A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines: High-Level Expert Group // URL: <https://ec.europa.eu/digitalsingle-market/en/>

- news/definition-artificial-intelligence-main-capabilities-andscientific-disciplines (дата обращения: 12.03.2025 г.).
26. Cuthbert Olivia. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Arabnews. 26.10.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia> (дата обращения: 12.03.2025).
27. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
28. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 13.03.2025).
29. Everitt T. Towards Safe Artificial General Intelligence: thesis ... Ph D. Australian National University, 2018. 235 p. URL: <https://www.tomeveritt.se/papers/2018-thesis.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
30. John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019, Pub. L. 115–232, § 238, 132 Stat. 1658 (2018). 788 p. URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5515/BILLS-115hr5515enr.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
31. Larson D. Artificial Intelligence: Robots, Avatars, and the Demise of the Human Mediator. The Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2010. Vol. 25:1. P. 105–164.
32. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 179–185.
33. Marshall, W. S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine. 1983. Vol. 4. № 2. Pp. 5–16. URL: <https://ojs.aaai.org/index.php/aimagazine/article/view/392> (дата обращения: 02.03.2025).
34. McCarthy, J. What is Artificial Intelligence? URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 06.03.2025).
35. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview. Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35, Is. 4. P. 1305–1337.

References

1. Akbarov S. M. Artificial Intelligence as an alternative to human RAZUM // Collection of materials of VIII All-Russian, scientific and practical conference of young scientists with international participation 'Young Russia'. Kuzbass State Technical University. T. F. Gorbachev / ed. by O. V. Tailakov. M., 2016. С. 745.
2. Arkhipov V. V., Naumov V. B. On some issues of theoretical foundations of the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality // Law. 2017. № 5. С. 167.
3. Berezovskaya I. P. The problem of artificial intelligence: what does Chat GPT think about itself? // Humanities and Social Sciences. 2023. Т. 100. № 5. С. 14.
4. Bogustov A. A. To the discussion on the legal personality of artificial intelligence // The Law of Digital Economy — 2022 (18): Yearbook-anthology / Ruk. and scientific ed. M. A. Rozhkova. Moscow: Statute, 2022. С. 165.
5. Bolotova L. S. Artificial intelligence systems: models and technologies based on knowledge: Textbook. M., 2012. С. 86.
6. Krysanova N. V. To the question of legal personality and legal development of artificial intelligence // Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. 2021. № 1. С. 2526.
7. Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. № 2. 2019. С. 79–102.
8. Minbaleev A. V. The concept of 'artificial intelligence' in law // Vestnik of Udmurt University. Economics and Law. 2022. Т. 32, vol. 6. P. 1094–1099.
9. Model Convention on Robotics and Artificial Intelligence (Rules for the Creation and Use of Robots and Artificial Intelligence), developed by the Research Centre for Robotics and Artificial Intelligence Regulatory Challenges. 2017. (authors — Andrey Neznamov, Viktor Naumov).
10. Morhat P. M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil-law problems: thesis. ... doctor of juridical sciences. M., 2018. 400 с.
11. Naumov V. B., Kamalova G. G. Issues of building legal definitions in the field of artificial intelligence // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93.
12. Naumov V. B., Tytyuk E. V. To the question of the legal status of the 'creativity' of artificial intelligence // Jurisprudence. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540.
13. Novikov A. P. Natural-scientific positions in the scientific direction 'artificial intelligence' // Scientific Notes of ISGZ. 2016. Т. 14. № 2–1. С. 50–56.
14. Pavlov S. N. Artificial intelligence systems: textbook. In 2 parts // S. N. Pavlov. Tomsk: El Content, 2011. Ч. 1. 176 с.

15. Ponkin I. V., Redkina A. I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Legal Sciences. 2018. T. 22. № 1. С. 94–95.
16. Rozhkova M. A. Artificial intelligence and intelligent robots — what is it or who are they? // Law.ru. 2019. 23 November.
17. Rozhkova M. A. The concept of 'computer programme' (computer program) in Russian law (detailed commentary on Article 1261 of the Civil Code) // Digital Economy Law — 2022 (18): Yearbook-anthology / Ruk. and scientific ed. M. A. Rozhkova. Moscow: Statute, 2022. С. 10–61
18. Rozhkova M. A., Isaeva O. V. The concept of 'technology' in the context of Russian law // Khozyaistvo i pravo. 2021. № 3. С. 21–29.
19. Rozhkova M. A. Software complexes and software package: characteristic of the legal content // Problems of civil law and process: a collection of scientific articles / Grodno State University named after Ya. Я. Kupala. Grodno: GrSU, 2016. С. 272–277.
20. Safargaleev L. I. Problems of legal regulation of robotics // E-commerce and interrelated areas (legal regulation): a collection of articles / edited by Dr. M. A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2019. С. 393–414.
21. Sinityn S. A. Russian and foreign civil law in the conditions of robotisation and digitalisation. Experience of interdisciplinary and sectoral research: a monograph. Moscow: Infotropic Media, 2021. 330 с.
22. Solomatin E. O. The concept and classification of artificial intelligence under the law of the European Union and Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 4 (159). С. 224–229.
23. Shmarko I. Roman law for robots // Zakon.ru. 2020. 15 April.
24. Shcherbakov M. G. Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: statement of the problem // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Jurisprudence. 2019. T. 5 (71). № 3. С. 73–81.
25. A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines: High-Level Expert Group // URL: <https://ec.europa.eu/digitalsingle-market/en/news/definition-artificial-intelligence-main-capabilities-and-scientific-disciplines> (дата обращения: 12.03.2025 г.).
26. Cuthbert Olivia. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Arabnews. 26.10.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia> (дата обращения: 12.03.2025).
27. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
28. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 13.03.2025).
29. Everitt T. Towards Safe Artificial General Intelligence: thesis ... Ph D. Australian National University, 2018. 235 p. URL: <https://www.tomeveritt.se/papers/2018-thesis.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
30. John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019, Pub. L. 115–232, § 238, 132 Stat. 1658 (2018). 788 p. URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5515/BILLS-115hr5515enr.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
31. Larson D. Artificial Intelligence: Robots, Avatars, and the Demise of the Human Mediator. The Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2010. Vol. 25:1. P. 105–164.
32. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 179–185.
33. Marshall, W. S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine. 1983. Vol. 4. № 2. Pp. 5–16. URL: <https://ojs.aaai.org/index.php/aimagazine/article/view/392> (дата обращения: 02.03.2025).
34. McCarthy, J. What is Artificial Intelligence? URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 06.03.2025).
35. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview. Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35, Is. 4. P. 1305–1337.

Сведения об авторе

Самарцева Мария Викторовна — соискатель, Российская государственная академия интеллектуальной собственности. Советник, руководитель Практики интеллектуальной собственности и технологий (юридическая фирма «Дякин, Горцунян и Партнеры»), Член Комиссии по интеллектуальной собственности Международной торговой палаты (г. Самара, Российская Федерация). Электронная почта: MSamartseva@dgppartners.legal

Information about the author

Samartseva Maria Victorovna — coresearcher, Russian State Academy of Intellectual Property. Counsellor, Head of Intellectual Property and Technology Practice (Dyakin, Gortsunyan & Partners), Member of the Intellectual Property Commission of the International Chamber of Commerce (Samara, Russian Federation). E-mail: MSamartseva@dg-partners.legal

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 04.06.2025

Дата рецензирования / Received: 06.06.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 06.06.2025

Томилов А. Ю.

ЗАЩИТА ПРАВ СТОРОН В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассматриваются процессуально-правовые вопросы реализации охранительной функции в обязательственных отношениях при оказании медицинских услуг. Рассмотрение охранительной функции в указанных отношениях осуществляется через выявление правовых характеристик, определяющих понятие «медицинская услуга», в рамках действующего законодательства. Автор анализирует нормативно-правовые конструкции, определяющие особенности реализации обязательственных отношений при осуществлении действий связанных с порядком оказания медицинских услуг. Осуществление поставленной задачи производится через выявление особенностей субъектного состава, специфики объекта и предмета отношений в обязательственных правоотношениях в процессе оказания медицинских услуг. При этом основной акцент в статье сделан на выявление особенностей процессуально-правового порядка и характеристики деликтных отношений в случае причинения вреда пациенту, а также особенностей включения доказательственных фактов в предмет доказывания с учетом требований по их относимости и допустимости по гражданско-правовому спору, которые основаны на действиях, осуществляемых в процессе оказания медицинской услуги физическому лицу.

Ключевые слова: обязательственные отношения, медицинская услуга, медицинская помощь, защита прав.

Для цитирования: Томилов А. Ю. Защита прав сторон в обязательственных отношениях при оказании медицинских услуг // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 58–63.

Tomilov A. Y.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE PARTIES IN MANDATORY RELATIONS IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES

Abstract. The article discusses the procedural and legal issues of the implementation of the protective function in compulsory relations in the provision of medical services. Consideration of the protective function in these respects is carried out by identifying the legal characteristics that determine the concept of “medical service” within the framework of the current legislation. The author analyzes the regulatory structures that determine the features of the implementation of obligations in the implementation of actions related to the procedure for the provision of medical services. The implementation of the task is carried out by identifying the features of the subject, the specifics of the object and subject of relations in binding legal relations in the process of providing medical services. At the same time, the main emphasis in the article is placed on identifying the peculiarities of the procedural and legal order and the characteristics of tort relations in the event of harm to the patient, as well as the peculiarities of including evidence in the subject of evidence.

Keywords: obligation relations, medical service, medical care, protection of rights.

Обязательственные отношения играют существенную роль в жизни общества и человека, среди них особое место относится к действиям по оказанию услуг. В рамках существующего правопорядка достаточно большое внимание уделяется вопросам регулирования отношений по оказанию различного вида услуг, однако сложносоставной характер отношений по их оказанию заставляет вновь и вновь обращать на них внимание, в том числе это связано с проблемами защиты прав участников обязательственных отношений при оказании медицинской услуги. В различных правопорядках имеются особенности по рассмотрению данных споров. Так, правовая практика ряда стран допускает возможность пострадавшему лицу требовать в судебном порядке возмещение вреда в тех случаях, когда отсутствует возможность обосновать его причинение при исполнении или ненадлежащем исполнении обязательств со стороны должника. Данный правовой порядок получил наименование доктрина «потерянного шанса» [2. С. 2]. В рамках российского правопорядка законодатель пошёл по пути формирования специальных норм, допускающих исключение из общего порядка доказывания. Так, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), при судебной защите прав каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается. Однако при обязательственных отношениях применяются альтернативные положения, которые предусмотрены в данной норме, а именно то, что иной порядок может быть предусмотрен федеральным законом. В рамках действующих законоположений подобный альтернативный порядок для обязательственных отношений зафиксирован в п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), который определяет, что отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Тем самым правовая конструкция ст. 56 ГПК РФ в отношении обязательственных отношений содержит отсылочные правовые положения, которые необходимо учитывать в рамках гражданского судебного разбирательства. Вместе с тем не все участники обязательственных отношений это учитывают как в рамках совершения тех или иных действий, так и при рассмотрении спора в суде.

В современных условиях это особенно актуально для отношений по оказанию ме-

дицинских услуг. Именно данная сфера общественных отношений в последние годы претерпевает значительные изменения и трансформации, что следует учитывать участникам соответствующих отношений. Они должны принимать во внимание, что в случае нарушения прав одной из сторон между ними возможен судебный спор, на это обращают внимание ученые юристы [1. С. 133].

При реализации функций защиты нарушенного права при оказании медицинских услуг в первую очередь следует обратить внимание на особенности подсудности данной категории гражданско-правовых споров. Так по общему правилу действует обще территориальная подсудность спора, что предусматривает подачу иска по месту жительства или по месту нахождения ответчика. Однако с учетом того факта, что спор в рамках оказания медицинских услуг затрагивает вопросы компенсации морального вреда и вреда, причиненного здоровью или смертью кормильца, то подсудность может быть определена истцом как по общему правилу, так и в рамках альтернативной подсудности. Это допускает подачу иска месту жительства истца или по месту причинения вреда (статья 28 и часть 5 статьи 29 ГПК РФ). Данная позиция была подтверждена также и в п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

Правом на обращение в суд по спору об оказании медицинских услуг обладают управомоченные на это субъекты. Так, в случае возникновения спора между сторонами-участниками соответствующих обязательственных отношений лицо, которое считает, что его права и законные интересы нарушены, вправе обратиться в суд. Следует обратить внимание на то, что участие прокурора в формате подачи иска по данной категории дел не предусматривается, так как ч. 1 ст. 45 ГПК РФ допускает это только в случае защиты прав граждан при оказании им медицинской помощи, но она к категории обязательственных отношений не относится. Однако существует возможность вступления прокурора в рассматриваемый гражданский процесс для дачи заключения по делу о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью.

По гражданскому спору о ненадлежащем оказании медицинских услуг принципиально важно точное определение объ-

екта спора в рамках избранного способа защиты права (ст. 12 ГК РФ).

Процессуально-правовой механизм судебной защиты предусматривает, что в исковом заявлении истец должен указать, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав или законных интересов истца и те требования, которые он предъявляет ответчику (п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ).

Указывая факт нарушения определенных прав, связанных с жизнью или здоровьем гражданина, истец уже изначально определяет виновность лица, а конкретизация вины осуществляется через определение обстоятельств, свидетельствующих об этом, что также должно быть отражено в исковом заявлении (п. 5 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ). Следовательно, в рамках искового производства при подаче искового заявления априори уже предусматривается распределение обязанностей по доказыванию между участниками гражданского процесса.

Однако процессуальное законодательство основано на принципах равенства и равноправия, что дает возможность всем участникам судебного разбирательства полноценно использовать процессуальный механизм защиты за исключением тех изъятий, что прямо предусмотрены законом. Стороны по гражданскому делу могут использовать правомочия, предусмотренные ст. 35 ГПК РФ в которой закреплены процессуальные права, дающие возможность полноценно реализовать право на защиту. В связи с этим существенным является точное определение обстоятельств по делу, так как именно с момента их выявления формируется предмет доказывания по предъявленному иску, который включает доказательственные факты, обосновывающие обстоятельства по рассматриваемому спору. В формате обязательственных отношений по оказанию медицинских услуг это будут факты прав и факты нарушения прав заказчика при оказании соответствующей услуги.

Вместе с тем спектр медицинских услуг, а также оказывающих медицинские услуги субъектов весьма большой. И здесь принципиально важно в первую очередь выделить понятия *медицинская помощь* и *медицинская услуга*. Ранее нами было обращено внимание на различие данных понятий, но это нуждается в более подробном освещении.

Первая особенность, на которую следует обратить внимание — в рамках системного толкования вопросов оказания

услуг Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 15.07.2019 г. № 44-КГ19-7 указал, что следует различать *медицинскую помощь*, под этим понятием подразумеваются мероприятия по поддержанию и (или) восстановлению здоровья, которые включающих в себя при определенных условиях в том числе и *медицинские услуги* (пункт 3 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). А медицинская услуга это вмешательство, имеющее самостоятельное значение (пункт 4 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Оценка норм действующих законоположений дало возможность суду прийти к выводу, что оказание бесплатной медицинской помощи не подпадает под действие Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» и соответственно под медицинской услугой следует понимать услугу, оказываемую специализированной медицинской организацией на платной основе.

Таким образом, допустимость применения указанного закона «О защите прав потребителей» возможна только в отношении платных медицинских услуг (часть 8 статьи 84 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Основываясь на указанных правовых основаниях, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что вред, причиненный жизни и (или) здоровью граждан, подлежит возмещению с применением различных законодательных норм в зависимости от того, в результате каких действий он был причинен. Тем самым правомерно говорить о разных обстоятельствах, которые определяют и позиционируют соответствующие правоотношения, а также указывают на нарушение прав лиц в них участвующих.

Так, при оказании бесплатной медицинской помощи применяются положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Это устанавливается положениями части 3 статьи 98 соответствующего закона. При наличии платности соответствующих услуг действуют положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», так как эти отношения подлежат квалифицировать как медицинскую услугу.

Верховный Суд РФ указал критерий, разграничивающий медицинскую помощь

и медицинскую услугу при действиях, определяемых как медицинское вмешательство. Именно это дает возможность определения надлежащего нормативно-правового порядка, регулирующего правоотношения между участниками соответствующих отношений. Таковым критерием является наличие договора об оказании платных медицинских услуг.

Соответственно, юридический факт наличия договора об оказании платных медицинских услуг является обстоятельством права, указывающим на то, что правоотношения являются действиями по оказанию медицинской услуги. Обстоятельством нарушения прав лица (получателя, заказчика) медицинской услуги будет факт оказания ненадлежащей услуги или наличия деликта (причинения вреда при оказании медицинской услуги).

Следовательно, в случае подачи искового заявления вышеуказанные обстоятельства права и обстоятельства нарушения права должны быть отражены.

Правильное определение обстоятельств по делу является центральным положением при порядке защиты прав лиц при оказании медицинских услуг. В рамках гражданского спора основной акцент при его оценке спорных правоотношений будет делаться именно на указанные обстоятельства по делу, что суд и стороны гражданского дела осуществляют через анализ соответствующих договорных отношений.

Анализ обстоятельств как права, так и нарушения права конкретного лица при оказании медицинских услуг это сложносоставная процессуальная деятельность, включающая в первую очередь анализ норм регулятивного права, что позволяет выделить особенности защиты прав при оказании медицинских услуг.

Так, диспозиция нормы статьи 401 ГК РФ указывает, что лицо, не исполнившее обязательства, либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности.

Данная норма направлена на регулирование отношений об ответственности за нарушение обязательства, но не порядка его исполнения и применяется только при наличии требований об ответственности по результату их получения.

Следовательно, можно констатировать, что определение вины лица (оказывающего медицинскую услугу) основывается

на наличии факта правонарушения (умысла или неосторожности), а это в свою очередь влечет определение оснований для обращения в суд с конкретными требованиями об определении меры ответственности лица, оказавшего соответствующую медицинскую услугу.

Определение как меры, так и оснований для ответственности следует принимать во внимание в связи с тем, что в рамках оказания медицинских услуг стороной по спору, как правило, выступает медицинская организация, осуществляющая оказание соответствующих услуг, а она в свою очередь является субъектом предпринимательских отношений.

В случае выявления предпринимательских отношений гражданский закон предусмотрел большую меру ответственности лица при осуществлении обязательственных отношений, к которым относится медицинская услуга. Так, ответственность возлагается на организацию (субъекта предпринимательских отношений) во всех случаях при установлении факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Освобождение лица (осуществляющего предпринимательскую деятельность) от ответственности при оказании медицинских услуг возможно только в случае, если будет выявлен (установлен) факт наличия непреодолимой силы или наличия чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств при исполнении им определенного обязательства (п. 3 ст. 401 ГК РФ). При установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, свидетельствующих о нарушении прав пациента, следует иметь в виду, что при формировании договорных отношений между сторонами соответствующего обязательства недопустимо включение в них положений об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение соответствующего обязательства. При выявлении таких договорных условий по конкретному обязательству в рамках спорных отношений они считаются ничтожными (п. 4 ст. 401 ГК РФ).

Существенным процессуальным условием при рассмотрении спора является формирование предмета доказывания после установления всех обстоятельств по делу. В рамках состязательного процесса сторона по делу вправе обосновывать правомерность своих действий, если докажет, что осуществляла все мероприятия по оказанию медицинских услуг при должной степени заботливости и осмотри-

тельности, с учетом характера необходимого медицинского вмешательства и приняло все меры для его исполнения (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Исходя из этого, каждый из участников обязательственных отношений при оказании медицинских услуг должен обосновывать добросовестность своих действий.

Вопросы защиты права касаются не только прав получателя медицинских услуг, но и медицинской организации, врачей, которые непосредственно оказывали медицинские услуги. Так, авторы, исследующие данные вопросы, отмечают, что юристы и медики пытаются определить эффективный правовой механизм, который бы смог обеспечить пациенту возможность получения компенсации в случае причинения ему вреда и одновременно с этим снизил риски для непосредственного исполнителя медицинских услуг [2. С. 2].

В ситуации оказания медицинских услуг, на наш взгляд, следует обратить внимание на положения п. 3 ст. 307 ГК РФ, которые могут быть использованы исполнителем медицинских услуг. В данной норме определено, что при осуществлении соответствующего обязательства его участники должны учитывать права и законные интересы друг друга, а также оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства и предоставлять друг другу необходимую информацию. Относительно медицинских услуг это полнота информации о предыдущих медицинских вмешательствах и их результатах, а также сведения о состоянии здоровья пациента. Данная информация играет существенную роль, так как позволяет врачам определить возможные и допустимые процедуры при осуществлении медицинских услуг. Правовой оценке должно быть подвергнуто поведение сторон обязательства при оказании медицинских услуг, а также порядок исполнения или неисполнения медицинских предписаний. Все это должно учитываться при оценке судом обстоятельств по делу с точки зрения их причинно-следственной связи с причинением вреда здоровью и жизни пациента.

Другим важным элементом в рамках позиционирования прав и обязанности сторон при разрешении спора в суде является факт наличия противоправных действий врачей и лечебных учреждений, а также установление причинно-следственной связи между действиями врачей и причиненным ущербом. Вина лечащего врача может

быть установлена вследствие постановки неверного диагноза и назначения ошибочного или неверного лечения. Именно данный подход является основой для формирования выводов суда по конкретному делу. Так, в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2022 г. № 88-32533/2022 по делу № 2-174/2020 указано, что в судебном заседании не нашел подтверждения факт ненадлежащего оказания медицинских услуг истцу, что исключает основания для возложения на ответчика какой-либо ответственности.

В другом случае, в рамках обжалования судебного решения Второй кассационный суд общей юрисдикции своим Определением от 18.04.2023 г. по делу № 88-9481/2023 (УИД 77RS0018-01-2020-002368-74) установил, что в ходе судебного разбирательства была назначена комплексная комиссионная амбулаторная судебно-медицинская экспертиза. Согласно заключению экспертов, определено, что клинический диагноз был установлен не в полном объеме, была ошибка со стороны лечебной организации, что и послужило основанием для вынесения обжалуемого судебного постановления, которое в итоге было признано правомерным.

Анализ судебных постановлений по применению законоположений, регламентирующих вопросы оказания медицинских услуг, даёт основание для констатации очевидного факта, что в основе доказательств по гражданскому делу, на основании которых суд приходит к выводам о наличии или отсутствии нарушений прав одной из сторон обязательственных отношений, являются юридические факты. Именно они содержат в себе информацию о порядке диагностики и лечения, которые должны быть основаны на стандартах оказания медицинской помощи и клинических рекомендациях по порядку лечения пациента. Соответствующая информация должна предоставляться медицинской организацией, а при наличии сомнений в её правомерности судом может быть назначена экспертиза.

Таким образом, организация, оказывающая медицинские услуги, должна не только осуществлять деятельность в соответствии с предписаниями законодательства, но и надлежащим образом протоколировать все действия по лечению, а также организовывать внутренний аудит порядка оказания медицинских услуг. В свою очередь пациент должен фиксиро-

вать факты оплаты за соответствующие услуги и получать в надлежащей форме рекомендации по порядку лечения и результаты диагностики. Соблюдение соот-

ветствующего порядка дает возможность для разрешения конфликта во внесудебном порядке и избежания неблагоприятных судебных решений.

Литература

1. Данилов Е. О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 123–138. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.123-138.
2. Кратенко М. В., Луйк О. Ю. Возмещение вреда, причиненного вследствие ненадлежащего медицинского вмешательства: сравнительный анализ опыта РФ и Эстонии // Закон. 2020. № 7. С. 68–83.
3. Шмелев И. А., Демидович К. В., Рыжкова Е. А. Постановка неверного диагноза как основание для взыскания убытков // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 12. С. 25–29. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-12-25-29.

References

1. Danilov E. O. Legal qualification of defects in medical care // Actual problems of Russian law. 2021. N 5. P. 123–138. Doi: 10.17803/1994–1471.2021.126.5.123–138.
2. Kratenko M. V., Luyk O. Yu. Compensation for harm caused as a result of improper medical intervention: a comparative analysis of the experience of the Russian Federation and Estonia // Law. 2020. N 7. Pp. 68–83.
3. Shmelev I. A., Demidovich K. V., Ryzhkova E. A. Making a wrong diagnosis as the basis for the recovery of losses // Arbitration and civil process. 2022. N 12. P. 25–29. DOI: 10.18572/1812-383x-2022-12-25-29.

Сведения об авторе

Томилов Александр Юрьевич — доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского филиала РГБОУВО «Российский университет правосудия» (г. Челябинск, Российская Федерация). Электронная почта: 79043059405@yandex.ru

Information about the author

Tomilov Alexander Yurievich — Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Ural branch of the Russian University of Justice (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: 79043059405@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.04.2025

Дата рецензирования / Received: 25.04.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.04.2025

63

Частно-правовые
(цивилистические) науки

DOI: 10.24412/2075-7913-2025-2(98)-64-67

УДК 343.9:343.71:343.72:343.3/.7

Бегишев И. Р.

ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОБСТВЕННОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ОТВЕТ КРАЖАМ И МОШЕННИЧЕСТВАМ, СОВЕРШАЕМЫМ БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ

Аннотация. Статья представляет собой отзыв об автореферате диссертации Рязановой Екатерины Николаевны на тему: «Криминологическое противодействие кражам и мошенничествам, совершаемым бесконтактным способом», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Работа представляет комплексный анализ современного состояния данного вида преступности, которая составляет более трети всех зарегистрированных преступлений в Российской Федерации и приобрела характер угрозы национальной безопасности. Разработана оригинальная концепция бесконтактного способа совершения хищений как специально выбираемого преступниками алгоритма, предложена типовая схема распределения ролей участников преступных групп с выделением «прозрачной» и «латентной» зон. Введена в научный оборот категория «латентных субъектов» бесконтактных хищений. Создана система статистической оценки прямых последствий таких преступлений, позволяющая проводить сравнительный анализ между регионами.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая безопасность, цифровая гигиена, кража, мошенничество, криминология, виктимология, латентные субъекты, криминологическое противодействие, виктимологическое предупреждение, социальная инженерия, экономическая безопасность.

Для цитирования: Бегишев И. Р. Цифровые угрозы безопасности собственности: криминологический ответ кражам и мошенничествам, совершаемым бесконтактным способом // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 64–67.

64

Begishev I. R.

DIGITAL THREATS TO PROPERTY SECURITY: CRIMINOLOGICAL RESPONSE THEFT AND FRAUD, PERFORMED IN A CONTACTLESS MANNER

Abstract. The article is a review of the abstract of the thesis of Ekaterina Nikolaevna Ryazanova on the topic: "Criminological counteraction to theft and fraud committed by contactless method", submitted for the degree of Candidate of Law in the scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences. The work presents a comprehensive analysis of the current state of this type of crime, which accounts for more than a third of all registered crimes in the Russian Fed-

eration and has acquired the character of a threat to national security. The applicant developed an original concept of a contactless method of committing theft as an algorithm specially chosen by criminals, and proposed a typical scheme for distributing the roles of participants in criminal groups with the allocation of “transparent” and “latent” zones. The category of “latent subjects” of contactless theft has been introduced into scientific circulation. A system of statistical assessment of the direct consequences of such crimes has been created, allowing for comparative analysis between regions.

Keywords: *cybercrime, digital security, digital hygiene, theft, fraud, criminology, victimology, latent actors, criminological counteraction, victimological prevention, social engineering, economic security.*

Представленное диссертационное исследование [1] посвящено одной из наиболее острых проблем современной криминологической науки — противодействию преступлениям имущественного характера, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Актуальность избранной темы не вызывает сомнений и обусловлена рядом объективных факторов.

Прежде всего, следует отметить исключительную общественную значимость рассматриваемой проблематики. Как справедливо отмечает автор, в 2024 году более трети всего массива преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации, приходилось на деяния с использованием информационно-коммуникационных технологий, среди которых основным видом являются бесконтактные хищения [2]. Масштабы данного явления приобрели характер, угрожающий национальной безопасности государства, что находит отражение в высших политических решениях, включая неоднократные заявления Президента Российской Федерации.

Особую актуальность исследованию придает геополитический контекст современных реалий. Диссертант убедительно демонстрирует, что бесконтактные хищения в отношении граждан России стали инструментом гибридной войны, ведущейся с территории Украины, где такая деятельность «возведена в ранг государственной политики». Данное обстоятельство выводит проблему за рамки традиционной криминологии и придает ей характер вопроса государственной безопасности.

Научная актуальность темы определяется недостаточной разработанностью теоретических основ противодействия бесконтактным хищениям, что обусловлено относительной новизной данного вида преступности. Как отмечается в работе, институты противодействия таким престу-

плениям «возникли совсем недавно», что требует формирования новых научных подходов и методологических решений.

Структура диссертационного исследования представляется логически обоснованной и соответствующей поставленным целям и задачам. Работа состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка литературы и шести приложений, что свидетельствует о системном подходе к изучению проблемы.

Первая глава «Криминологическая характеристика краж и мошенничеств, совершаемых бесконтактным способом» создает необходимую теоретическую базу исследования, раскрывая сущность изучаемого явления, его место в структуре преступности и характеристики субъектов преступной деятельности. Особую ценность представляет авторское определение бесконтактного способа совершения хищений как «специально выбираемого злоумышленниками алгоритма», что демонстрирует глубокое понимание природы исследуемого феномена.

Вторая глава, посвященная социальной обусловленности и последствиям бесконтактных краж и мошенничеств, отличается высоким уровнем теоретического обобщения. Автор представляет комплексную систему детерминант, классифицированную по пяти основным направлениям, что позволяет получить целостное представление о причинном комплексе изучаемых преступлений.

Третья глава, раскрывающая систему криминологического противодействия, демонстрирует практическую направленность исследования и содержит конкретные предложения по совершенствованию правоохранительной деятельности.

Научная новизна проведенного исследования выражается в нескольких принципиально важных аспектах. Прежде всего, следует выделить авторскую концепцию

бесконтактного способа совершения хищений, которая представляет собой качественно новый подход к пониманию данного явления. Предложенное определение, акцентирующее внимание на алгоритмическом характере преступной деятельности и специфике распределения ролей, вносит существенный вклад в развитие криминологической теории.

Значительную новизну представляет выявленная автором типовая схема распределения ролей участников преступных групп с выделением «прозрачной» и «латентной» зон. Данный подход позволяет по-новому взглянуть на структуру организованной преступности в сфере информационных технологий и разработать более эффективные меры противодействия.

Особого внимания заслуживает введение в научный оборот категории «латентных субъектов бесконтактных хищений», что представляется важным теоретическим достижением, способствующим систематизации знаний о субъектах данного вида преступности.

Принципиально новым является разработанная автором «Система статистической оценки прямых последствий бесконтактных хищений», которая позволяет не только количественно оценить ущерб от данного вида преступности, но и проводить сравнительный анализ между различными субъектами Российской Федерации.

Практическую новизну представляет апробация виктимологического предупреждения через создание специализированного ресурса в мессенджере «Телеграм», что демонстрирует инновационный подход к профилактической работе.

Достоверность результатов исследования подтверждается солидной эмпирической базой, включающей результаты анкетирования 158 сотрудников правоохранительных органов, изучение 128 материалов судебной практики, 87 материалов уголовных дел, а также обширного статистического материала за период с 2014 по 2024 годы. Такой объем эмпирических данных обеспечивает высокую степень репрезентативности полученных выводов.

Методологическая обоснованность исследования обеспечивается применением комплекса общенаучных, эмпирических и частнонаучных методов познания. Особо следует отметить использование экспериментального метода для подтверждения доступности персональных данных граждан в виртуальном пространстве, что при-

дает дополнительную убедительность выводам автора.

Теоретические положения диссертации базируются на фундаментальных трудах ведущих отечественных криминологов, что обеспечивает их научную обоснованность. Вместе с тем автор демонстрирует критический подход к существующим теоретическим конструкциям, предлагая собственные решения выявленных проблем.

Достоверность практических рекомендаций подтверждается их внедрением в деятельность территориальных органов МВД России нескольких регионов, а также в образовательный процесс ведущих вузов страны.

При общей высокой оценке качества проведенного исследования следует отметить ряд вопросов, требующих дополнительного обсуждения.

Во-первых, представляется дискуссионным вопрос о критериях отнесения конкретных преступлений к категории «бесконтактных». Автором предложено достаточно широкое определение, однако границы применения данного понятия могут потребовать дополнительной конкретизации, особенно в свете постоянного развития информационных и цифровых технологий.

Во-вторых, заслуживает обсуждения предложение о введении запрета на занятие определенной деятельностью для лиц, ранее совершавших административные правонарушения. Данная мера может оказаться чрезмерно репрессивной и потребует тщательного правового обоснования с учетом принципа пропорциональности.

В-третьих, некоторые предложения по совершенствованию законодательства, касающиеся расширения полномочий МВД России по блокировке интернет-ресурсов, могут вступить в противоречие с принципами свободы информации и потребуют детальной проработки с точки зрения соблюдения конституционных прав граждан.

Наконец, представляется целесообразным более подробно рассмотреть международно-правовые аспекты противодействия бесконтактным хищениям, учитывая трансграничный характер данного вида преступности.

Указанные замечания носят дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования Е. Н. Рязановой.

Проведенное диссертационное исследование Рязановой Екатерины Николаевны

представляет собой завершённую научную работу, в которой на основе комплексного криминологического анализа решена важная научная задача разработки системы противодействия кражам и мошенничествам, совершаемым бесконтактным способом.

Работа отличается высоким теоретическим уровнем, содержит существенные элементы научной новизны и имеет важное практическое значение для совершенствования правоохранительной деятельности. Автором сформулированы теоретически обоснованные и практически значимые предложения по совершенствованию системы криминологического противодействия исследуемому виду преступности.

Диссертация выполнена на высоком научном уровне с соблюдением всех требований, предъявляемых к кандидатским диссертациям. Результаты исследования опубликованы в достаточном количестве

научных работ, включая 12 статей в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, что свидетельствует об их научной значимости. Работа написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора в юридическую науку.

Диссертационное исследование Е. Н. Рязановой соответствует требованиям пунктов 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Литература

1. Рязанова Е. Н. Криминологическое противодействие кражам и мошенничествам, совершаемым бесконтактным способом: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. СПб., 2025. 267 с.
2. Рязанова Е. Н. Криминологическое противодействие кражам и мошенничествам, совершаемым бесконтактным способом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. 22 с.

References

1. Ryazanova E. N. Criminological counteraction to theft and fraud committed by contactless method: dissertation of the cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2025. 267 p.
2. Ryazanova E. N. Criminological counteraction to theft and fraud committed by contactless method: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences. St. Petersburg, 2025. 22 p.

Информация об авторе

Бегишев Ильдар Рустамович — доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация). Электронная почта: begishev@mail.ru

Information about the author

Begishev Ildar Rustamovich — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of the Institute of Digital Technologies and Law, Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia). E-mail: begishev@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.05.2025

Дата рецензирования / Received: 25.05.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.05.2025

Евлоев Т. Я.

ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ И КИБЕРДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КИБЕРУГРОЗ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового определения понятий цифровой информации, цифровых систем и кибердеятельности. Основным направлением исследования является попытка систематизировать и обобщить текущие правовые определения перечисленных понятий, выделить основные проблемы, освещаемые в литературе. В процессе анализа выявляется неточность и отсутствие единого подхода к цифровой информации и кибердеятельности и системности в правовом поле, российское законодательство и правоприменение при этом характеризуется фрагментарностью и непоследовательностью, но, вместе с тем, и положительным стремлением к уточнению и адаптации к современным технологическим вызовам. Отдельное внимание уделяется анализу правовой регламентации кибердеятельности в контексте киберугроз. В этом ключе российское право демонстрирует большую последовательность и адаптивность, однако выявляются дисбаланс в регуляции технических и социально-психологических кибердействий, фрагментарное и неэффективное правоприменение.

Ключевые слова: киберугрозы, цифровое право, концептуальный анализ, цифровые активы, цифровизация, кибердеятельность

Для цитирования: Евлоев Т. Я. Правовое определение и регулирование цифровой информации, цифровых систем и кибердеятельности в контексте киберугроз // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 68–73.

Yevloev T. Ya.

LEGAL DEFINITION AND REGULATION OF DIGITAL INFORMATION, DIGITAL SYSTEMS AND CYBER ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF CYBER THREATS

Abstract. In the article are considered the problems of legal definition of the concepts of digital information, digital systems and cyber activities. The main focus of the study is an attempt to systematize and summarize the current legal definitions of the listed concepts, to highlight the main problems covered in the literature. The analysis reveals the imprecision and lack of a unified approach to digital information and cyber activities and systematicity in the legal field, Russian legislation and law enforcement is characterized by fragmentation and inconsistency, but, at the same time, a positive desire for clarification and adaptation to modern technological challenges. Special attention is paid to analyzing the legal regulation of cyber activities in the context of cyber threats. In this regard, Russian law demonstrates greater consistency and adaptability, but it reveals an imbalance in the regulation of technical and socio-psychological cyber activities, fragmented and ineffective law enforcement.

Keywords: cyber threats, digital law, conceptual analysis, digital assets, digitalization, cyber activities.

Правовой ландшафт, связанный с цифровой информацией и системами в Российской Федерации, претерпевает значительные изменения, обусловленные стремительным развитием цифровых технологий и необходимостью соответствующей адаптации правовой базы. Во-первых, правовой статус цифровой информации и систем в России характеризуется динамичным взаимодействием между существующими правовыми нормами и возникающими реалиями цифровой эпохи. Однако, в то же время, на настоящий момент единое правовое определение цифровой информации и цифровых систем с учетом всех доступных в настоящий момент технических возможностей до конца не выработано. Так, Сидоренко [1] в нескольких своих работах, посвященных адаптивности права, подчеркивает структурную инертность российских правовых механизмов перед лицом цифровой трансформации. Она обращает внимание на двойную проблему концептуальных инноваций и системной гибкости, указывая, что хотя правовая система формально интегрирует цифровые понятия, она часто не отражает их реальную сложность и динамику. Эту точку зрения поддерживает Кузьмин [2], который рассматривает социологические последствия дигитализации права, отмечая, что право остается нормативно жестким, в то время как цифровые практики по своей природе изменчивы. Рузанова [3] развивает этот аргумент и приходит к выводу, что в российском законодательстве отсутствует интегрированная структура, в которой цифровые нормы могли бы систематически присутствовать. Она предполагает, что этот структурный недостаток препятствует как согласованности законодательства, так и эффективности правоприменения.

Цельность правового подхода и его интегрированность в существующее правовое поле, на наш взгляд, является наиболее серьезным вопросом. Так, например, в ряде работ в этом ключе утверждается, что цифровая информация должна рассматриваться не просто как производная от традиционных имущественных или информационных категорий, а как объект *sui generis*, обладающий особыми свойствами, требующими особого правового режима [4]. Подчеркивается, что в существующей в России правовой базе отсутствует единое операциональное определение цифровых прав, что подрывает как возможность их реализации, так и доктри-

нальную ясность. Так, одним из основополагающих законодательных актов в данной области является Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данный закон устанавливает общие принципы регулирования отношений в сфере информации и информационных технологий, а также определяет права и обязанности участников информационного пространства. Однако, широкие и порой расплывчатые формулировки закона затрудняют его толкование. Так, статья 2 определяет информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления», что не позволяет точно определить понятие информации в контексте быстро развивающихся цифровых технологий. Кроме того, статья 12 описывает государственное регулирование в сфере информационных технологий, но не содержит подробных механизмов его реализации, что приводит к неопределенности в правоприменительной практике.

В целях решения проблемы растущего значения цифровых активов 18 марта 2019 года Федеральным законом № 34-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены поправки. Этот закон ввел статью 141.1, определяющую цифровые права как обязательства и другие права, предусмотренные законом, содержание и условия которых определяются правилами информационной системы, отвечающей критериям, установленным законом. Хотя это представляет собой позитивный шаг на пути к признанию цифровых прав в рамках гражданского права, использование правил информационной системы для определения содержания этих прав вызывает обеспокоенность в отношении правовой определенности и возможности произвольного толкования. Закон не проводит четкого разграничения между цифровыми и традиционными правами собственности, что приводит к неопределенности в юридических сделках с цифровыми активами. Кроме того, в сфере гражданского и коммерческого права выявляются несоответствия между теоретической квалификацией и практическим применением, особенно в области обмена цифровыми активами, формирования договоров и цифровых доказательств [5]. В работах [6] и [7] подчеркивается, что правовая инфраструктура цифровой экономики остается недостаточно развитой, а правовой статус цифровых платформ, баз данных

и алгоритмов до сих пор является предметом дискуссий. Примечательно, что российское гражданское и коммерческое право также начало признавать цифровые угрозы в качестве правовых явлений, влияющих на договорные отношения, распределение ответственности и процедуры доказывания. Лаптев отмечает, что цифровая информация, которая исторически рассматривалась как второстепенный объект гражданского оборота, сегодня выступает в качестве основного вектора риска в коммерческих сделках и должна быть юридически определена в терминах, отражающих ее уязвимость к киберугрозам. Это касается не только потери данных и манипуляций с ними, но и неправильного толкования алгоритмов, кампаний по дезинформации и зависящих от платформы асимметрий, которые подрывают справедливость договора или целостность рынка, усугубляют риск монополизации в определенных областях.

В то же время, вместо системности, существующий законодательный подход часто прибегает к фрагментарным отраслевым нормам, которые либо дублируют друг друга, либо оставляют юридически неопределенными существенные аспекты кибердеятельности. Более того, Пинкевич (2019)[8] выявляет несоответствие между способностью уголовного законодательства реагировать на цифровые правонарушения и реальной практикой поведения киберпреступников, подчеркивая, что латентность, интернационализация и анонимность цифровых преступлений требуют нового поколения правовых определений и процессуальных инструментов. Неоднозначность правового статуса цифровых технологий распространяется и на сферу государственного управления. Бондарев [9] исследует, как цифровые системы интегрируются в государственное управление и публично-правовые процессы, и показывает, что, хотя эти системы функционально необходимы, их правовая основа остается непоследовательной, особенно в части административной ответственности и цифрового суверенитета. Романовская [10] утверждает, что концептуальные категории права, информационного общества и цифрового суверенитета пересекаются таким образом, что еще не получили адекватного теоретического осмысления в российской правовой доктрине, что приводит к нормативной фрагментации и стратегической неопределенности.

Основным законом, который регулирует вопросы кибербезопасности в России, является Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критически важной информационной инфраструктуры Российской Федерации». Этот закон устанавливает правовые и организационные основы защиты критически важной информационной инфраструктуры (КИИ). Согласно данному закону, организации, эксплуатирующие КИИ, обязаны применять меры безопасности, сообщать о любых инцидентах и сотрудничать с государственными органами. Однако в сфере правоприменения остаются некоторые неясности, особенно в определении понятия «критически важная информационная инфраструктура» и конкретных обязательств, которые накладываются на операторов. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет основные принципы обеспечения информационной безопасности. Киберугрозы характеризуются как незаконное проникновение или угроза проникновения внутренних или внешних субъектов в описанную выше инфраструктуру для достижения политических, социальных или иных целей. Несмотря на то, что этот закон служит основой для регулирования в данной сфере, он не содержит конкретных положений, касающихся новых технологий и киберугроз, что может затруднить его практическое применение.

В Уголовном кодексе Российской Федерации киберпреступления рассматриваются в главе 28, которая включает статьи 272–274.1. Статья 272 устанавливает уголовную ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации. Статья 273 определяет наказание за создание и распространение вредоносного программного обеспечения. А статья 274 регулирует вопросы нарушения правил эксплуатации информационных систем. Важно в этом контексте отметить, что ключевым аспектом концептуализации киберугроз в российской правовой мысли является понятие адаптивного регулирования. Сидоренко [1] полагает, что цифровая трансформация заставила российское право стать более рефлексивным и контекстно-чувствительным, признавая, что киберугрозы не статичны, а развиваются вместе с технологическим прогрессом. Это особенно заметно в попытках формализовать адаптивные правовые модели, которые опираются на гибкие право-

вые категории, упреждающее регулирование и итеративную обратную связь с технологическими системами. В настоящее время такие модели оказывают все большее влияние на разработку нормативных актов, особенно в таких областях, как безопасность данных, облачная инфраструктура и системы цифровой идентификации [2, 8]. Тем не менее, финальная реализация этих идей и тенденций на настоящий момент часто оказывается все так же не системна. Например, статья 274.1, введенная Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 194-ФЗ, направлена на защиту критически важных информационных инфраструктур от незаконного вмешательства. Несмотря на наличие соответствующих положений в законодательстве, практика их применения остаётся неоднозначной. Количество обвинительных приговоров по делам о киберпреступлениях остаётся небольшим, что вызывает сомнения в эффективности правовых норм в этой сфере. Кроме того, этот закон опирается на понятие «критически важных инфраструктур», размытость которого для правоприменения уже обсуждалась выше.

Таким образом, как мы видим, системная классификация и интеграция киберугроз в правовую доктрину остаются актуальной проблемой. Как отмечает Полякова [11], систематизация российского права под влиянием цифровых технологий осложняется отсутствием четкой метаправовой архитектуры. Нормы кибербезопасности, кроме обсужденных выше, разбросаны по федеральным законам, указам президента, отраслевым нормативным актам и неформальным руководствам, что создает фрагментарный правовой ландшафт и дополнительные сложности для правоприменения. Такая разрозненность препятствует последовательной правовой оценке, особенно в случаях, связанных с анонимными кибератаками или инцидентами, а также с теми инцидентами, которые происходят на пересечении территориальной, ведомственной и иных юрисдикций. В этом ключе Беликова [12], обсуждая проект Цифрового кодекса России, говорит как о перспективах, так и об ограничениях кодификации цифровых норм в единый правовой акт.

Важно также обратить внимание, что в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации также сформулирован взгляд государства на киберугрозы, которые подразделяются на информационно-психологические и инфор-

мационно-технические. Особое внимание в доктрине уделяется защите информационной инфраструктуры, под которой понимается совокупность информационных систем, веб-сайтов и сетей связи, расположенных на территории России или используемых в соответствии с международными договорами. Таким образом, на текущий момент с концептуальной точки зрения российское право более регламентировано в сфере технической безопасности информации, должным образом не учитывая информационно-психологические угрозы. Тем временем, с развитием продвинутого мошенничества, распространения фейковой информации эта сфера кажется не менее, если в каком-то смысле не более важной для четкого и эффективного регулирования. В этом ключе при анализе трансформации юридической науки в России, рядом авторов отмечается, что юридическое образование и теория еще не полностью интегрировали эпистемологические последствия цифровизации [11, 13].

Одной из наиболее актуальных проблем, выявленных в литературе, является сложность разработки компетентной и учитывающей контекст правовой оценки цифровых правонарушений. Поскольку цифровое поведение часто связано с новыми формами агентов и субъектов, децентрализацией и трансграничным взаимодействием, традиционные категории вины, причинно-следственной связи и ответственности становятся проблематичными. Это особенно очевидно при правовом регулировании автоматизированных систем и искусственного интеллекта, где остается неясным, как возлагать ответственность в случае причинения вреда или неисправности. В свою очередь, Гиреев [14], исследуя нормативно-правовое обеспечение цифровизации, утверждает, что институциональный аппарат регулирования цифровой трансформации характеризуется диффузностью регулирования, дублированием юрисдикций и нечеткостью мандатов. Отсутствие нормативных критериев оценки преднамеренности действий, совершенных в цифровой среде, приводит к доктринальной неопределенности и судебной непоследовательности [15, 16]. Во всех областях цифрового права в России — гражданской, административной, уголовной и публичной — общим является необходимость более глубокой интеграции технических знаний в правовые процессы [17]. Таким образом, на текущий момент

можно выявить следующие основные особенности и проблемы правового определения и регулирования цифровой информации и цифровых систем в контексте киберугроз:

1. Российское право активно предпринимает попытки адаптироваться к развитию технологий и способов обработки и использования информации;

2. При защите от киберугроз закон в большей степени регламентирует техническую, а не информационно-психологическую и социальную сторону вопроса. С одной стороны, это делает правоприменение более быстрым и эффективным в вопросах защиты критической инфраструктуры, суверенитета, технической части телекоммуникационной сети, но, с другой стороны, существующих законов и постановлений часто оказывается недостаточно, чтобы дать полную правовую оценку новым видам мошенничества, распространения ложной информации, использованию авторских и иных прав;

3. Недостаток точности в определениях цифровой информации, критической инфраструктуры, кибердеятельности усложняет правовую оценку действий любых субъектов в цифровом информационном

пространстве. К этому прибавляется отсутствие отдельных определений для простых и сложных нейросетевых алгоритмов, оценки деятельности с помощью нейросетей и принципов распределения ответственности при использовании таких сложных систем;

4. Недостаток цельности и системности делает правоприменение неэффективным, во многих случаях остается не до конца ясным механизм взаимодействия между государственными структурами для предотвращения и пресечения киберугроз.

Все эти особенности и проблемы определения и регулирования цифровой информации и кибердеятельности обуславливают необходимость в рамках российского права рассматривать цифровую сферу и кибердеятельность как отдельную область права, человеческой деятельности и культуры, вплоть до пересмотра и дополнения в этой области определений как «информации», так и способов ее обработки, видов субъектов и т. д. Однако в то же время важно не терять связь с основополагающими правовыми принципами, традициями и ценностями, интегрируя эту новую область права в общую правовую и судебную систему.

Литература

1. Sidorenko E. Transformation of law in the context of digitalization: defining the correct priorities // *Digital Law Journal*. 2020
2. Kuzmin A. Digital technologies in the legal sphere // *The Sociology of Law*; 2022
3. Рузанова В. Природа нормативного массива в сфере информационных технологий и его место в системах российского права и законодательства (в аспекте процесса «цифровизации» права) // *Studia Socii Uniwersytetów Pogranicza*; 2021
4. Talapina E. Digital law and digital rights in Russia: polemical notes // *Legal Issues in the digital Age*. 2021. № 1.
5. Laptev V. Digital information as an object of civil and commercial turnover at the present stage. // *Государство и право*. 2022.
6. Gavrilova Y. Legal Problems of Digital Technology Development in the Russian Federation // *Legal Concept*, 2022.
7. Kolontaevskaya I. Organizational and Legal Enforcement of Digital Economy in the Russian Federation at the Present Stage. 2021.
8. Pinkevich T. Security of digital technologies in the criminal legislation of the Russian Federation. // *Vestnik of Kostroma State University*. 2019
9. Bondarev A. V. The legal nature of digital technologies in public administration. // *The rule-of-law state: theory and practice*. 2023.
10. Романовская О. В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет // *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2024. № 2.
11. Polyakova T. A. Transformation of the science of Information Law and information legislation: a new stage in the conditions of scientific and technological development of Russia. // *Государство и право*. 2024.
12. Belikova K. M. The digital code of Russia: current state and prospects. // *Economic problems and legal practice*, 2024.
13. Polyakova T. Conceptual approaches to the legal regulation of information security in the conditions of digitalization and transformation of law. // *Journal of the Ural Federal district Information security*. 2019.
14. Гиреев. Д. Т. Теория государства и права. 2021.
15. Khasimova L. N. Digital Rights in Russia: Legal Regulation and Development Prospects. // *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth"*, 2020.

16. Sidorenko, E. & Arzumanova, L. & Amvrosova, O. Adaptability and Flexibility of Law in the Context of Digitalization. 2021. 10.1007/978-3-030-53277-2_62.;
17. Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 2 (102).

References

1. Sidorenko E. Transformation of law in the context of digitalization: defining the correct priorities. // Digital Law Journal. 2020.
2. Kuzmin A. Digital technologies in the legal sphere. // The Sociology of Law; 2022.
3. Ruzanova V. Priroda normativnogo massiva v sfere informacionnyh tehnologij i ego mesto v sistemah rossijskogo prava i zakonodatel'stva (v aspekte processa «cifrovizacii» prava). // Studia Sieci Uniwersytetów Pogranicza; 2021.
4. Talapina E. Digital law and digital rights in Russia: polemical notes // Legal Issues in the digital Age. 2021. № 1.
5. Laptev V. Digital information as an object of civil and commercial turnover at the present stage. // Государство и право. 2022.
6. Gavrilova Y. Legal Problems of Digital Technology Development in the Russian Federation. // Legal Concept, 2022.
7. Kolontaevskaya I. Organizational and Legal Enforcement of Digital Economy in the Russian Federation at the Present Stage. 2021.
8. Pinkevich T. Security of digital technologies in the criminal legislation of the Russian Federation. // Vestnik of Kostroma State University. 2019
9. Bondarev A. V. The legal nature of digital technologies in public administration. // The rule-of-law state: theory and practice. 2023.
10. Romanovskaja O. V. Pravo, informacionnoe obshhestvo, cifrovoj suverenitet // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2024. № 2.
11. Polyakova T. A. Transformation of the science of Information Law and information legislation: a new stage in the conditions of scientific and technological development of Russia. // Государство и право. 2024.
12. Belikova K. M. The digital code of Russia: current state and prospects. // Economic problems and legal practice, 2024.
13. Polyakova T. Conceptual approaches to the legal regulation of information security in the conditions of digitalization and transformation of law. // Journal of the Ural Federal district Information security. 2019.
14. Gireev. D. T. Teorija gosudarstva i prava. 2021.
15. Khasimova L. N. Digital Rights in Russia: Legal Regulation and Development Prospects. // Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth”, 2020.
16. Sidorenko, E. & Arzumanova, L. & Amvrosova, O. Adaptability and Flexibility of Law in the Context of Digitalization. 2021. 10.1007/978-3-030-53277-2_62.
17. Poljakova T. A., Trojan N. A. Aktual'nye problemy sistemacizacii zakonodatel'stva Rossii pod vlijaniem cifrovyh tehnologij v period cifrovoj transformacii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2023. № 2 (102).

Сведения об авторе

Евлоев Тамерлан Якубович — аспирант кафедры Организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА им. О. Е. Кутафина (г. Москва, Российская Федерация). Электронная почта: vasil.andreev.97@internet.ru

Information about the author

Yevloyev Tamerlan Yakubovich — postgraduate student of the Department of Organisation of Judicial and Prosecutor-Investigative Activities of the Kutafin Moscow State Law Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasil.andreev.97@internet.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.05.2025

Дата рецензирования / Received: 22.05.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.05.2025

73

Уголовно-правовые
науки

Исакова Ю. И., Миллеров Е. В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В данной статье анализируются проблемные стороны освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Авторами приводятся примеры прекращения уголовных дел, мнения других правоведов, исследовавших эти вопросы, высказывается собственное мнение, базирующееся на современной политике усиления защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, предлагаются изменения в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации по данному поводу, в частности внесение изменений в примечание к статье 134 данного Кодекса.

Ключевые слова: несовершеннолетние, половая неприкосновенность, защита, духовно-нравственные ценности, проблемы, преступления, уголовная ответственность, освобождение, прекращение, особенности, совершенствование.

Для цитирования: Исакова Ю. И., Миллеров Е. В. О некоторых аспектах освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 74–79.

Isakova Yu. I., Millerov E. V.

SOME ASPECTS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH RECONCILIATION WITH THE VICTIM OF PERSONS WHO HAVE COMMITTED CRIMES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS

Abstract. This article analyzes the problematic aspects of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim of persons who have committed crimes against the sexual integrity of minors. The authors provide examples of the termination of criminal cases, the opinions of other legal scholars who have studied these issues, express their own opinion based on the modern policy of strengthening the protection of traditional Russian spiritual and moral values, propose amendments to the current Criminal Code of the Russian Federation in this regard, in particular, the addition of a note to Article 134 of this Code.

Keywords: minors, sexual integrity, protection, spiritual and moral values, problems, crimes, criminal liability, release, termination, features, improvement.

К преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность несовершеннолетних, а точнее несовершеннолетних лиц, которые еще не достигли 16-летнего возраста, в уголовно-правовой доктрине, как известно, принято относить составы, предусмотренные ст. 134 и ст. 135 УК РФ, которые расположены в главе 18 УК РФ вместе с составами, предусматривающими уголовную ответственность за посягательство на половую свободу (ст.ст. 131–133 УК РФ).

Сразу надо сказать, что в определении группы преступлений против «половой неприкосновенности» в современной уголовно-правовой доктрине нет единого мнения. Одни авторы в своих научных трудах считают половую свободу и половую неприкосновенность единым видовым объектом уголовно-правовой охраны, вторые же стоят на твердом мнении о том, что глава 18 УК РФ содержит два самостоятельных объекта охраны: половую свободу (на нее непосредственно посягают составы, предусмотренные ст.ст. 131, 132 и 133 УК РФ) и половую неприкосновенность (ст. ст. 134 и 135 УК РФ). Не включаясь в полемику по данному вопросу, лишь скажем, что являемся сторонниками второго подхода.

Содержательная и структурная стороны ст. 134 и ст. 135 УК РФ, всем кто хоть каким-либо образом знаком с уголовным правом известны, поэтому перейдем сразу к анализу интересующей нас проблемы. Итак, санкции ч. 1 ст. 134 УК РФ и ч. 1 ст. 135 УК РФ говорят о том, что указанные преступления являются уголовно наказуемыми деяниями средней категории тяжести, а это, как известно, позволяет прекращать такие уголовные дела в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ). Все критерии освобождения от уголовной ответственности по данному основанию прописаны в ст. 76 УК РФ, а процессуальный порядок прекращения в ст. 25 УПК РФ.

В некоторых научных трудах, верно подчеркивается, что исходя из содержания ст. 76 УК РФ в результате достижения примирения между потерпевшим и лицом, совершившим в отношении него преступление, такое лицо может быть освобождено от уголовной ответственности (т. е. нет указания на обязательность этого освобождения), равно как и в ст. 25 УПК РФ, предусматривающей процессуальный порядок прекращения уголовных дел по вышеуказанному основанию, говорится о том, что

суд, а также перечисленные в данной норме должностные лица, наделенные правом уголовного преследования «вправе» (т. е. не обязаны) прекратить уголовное дело в связи с примирением подозреваемого или обвиняемого с потерпевшим. В этой связи в некоторых научных трудах абсолютно справедливо ставится вопрос, о том, чем руководствоваться суду и перечисленным в ст. 25 УПК РФ должностным лицам (какими конкретно критериями) при решении вопроса о прекращении таких уголовных дел [1. С. 15].

Анализируя данный вопрос, согласимся с теми авторами, которые подчеркивают, что решение вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением зависит от многих (в том числе не всегда прямо названных в законе) обстоятельств [2. С. 113]. Это видно и из разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ, по вопросам освобождения от уголовной ответственности, в том числе и по основаниям, предусмотренным ст. 76 УК РФ¹.

Полностью согласны с учеными-правоведами, считающими, что оценка возможности освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ с прекращением уголовного дела согласно правилам ст. 25 УПК РФ, должна происходить с учетом значимых обстоятельств конкретного уголовно-правового конфликта, сведений о личности обвиняемого, защиты публичных и частных интересов, а также целесообразности [3. С. 167].

Касаемо освобождения от уголовной ответственности по данному основанию, нельзя не отметить наличие сторонников перехода от сегодняшнего права на прекращение уголовного дела судом и перечисленными в ст. 25 УПК РФ должностными лицами к обязанности такого прекращения по настоянию потерпевшего [4. С. 339; 5. С. 91]. Сложно поддержать инициативу, нацеленную фактически на полную передачу решения вопроса о прекращении уголовного дела исключительно потерпевшему. Не разделяя такое мнение, поддерживаем позицию других авторов по данному вопросу, считающих, что «...согласие потерпевшего нельзя безоговорочно принимать, его необходимо тщательно оценивать, так

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.04.2025 г.).

как впоследствии потерпевший может от него отказаться» [6. С. 41].

Особая специфика преступных деяний, предусмотренных ст. 134 и ст. 135 УК РФ, требует пристального внимания со стороны суда и должностных лиц, уполномоченных ст. 25 УПК РФ на прекращение таких уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим. Однако изучение судебной практики показывает, что прекращение таких дел в связи с примирением с потерпевшим не является редкостью. Причем ознакомление с постановлениями о прекращении этих дел, порой заставляет задуматься о надлежащем подходе судей к рассмотрению ходатайств о таком прекращении. Так, например, в постановлении о прекращении уголовного дела одного из судов, вынесенного в отношении лица, действия которого квалифицировались по ч. 1 ст. 134 УК РФ, в качестве основания для прекращения указано, что потерпевшая и ее законный представитель ходатайствуют о прекращении уголовного дела за примирением сторон, т. к. потерпевшая примирилась с подсудимым, он полностью загладил причиненный ей вред (в чем конкретно это выразилось судом не указано, только отмечено «извинился за содеянное»), она его простила и не имеет никаких претензий. В свою очередь государственный обвинитель возражал против прекращения дела, заявив, что это не будет способствовать целям воспитания лица, совершившего вышеуказанное преступное деяние и предупреждения совершения им новых преступлений. Не смотря на возражения прокурора, суд прекратил данное уголовное дело¹.

Прекращая другое уголовное дело в связи с примирением сторон, по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, суд, также не смотря на возражения государственного обвинителя (мотивировка возражения судом не приводится), указал, что потерпевшая и ее законный представитель заявили данное ходатайство, т. к. подсудимый загладил причиненный вред в полном объеме (в чем это выразилось, судом не указано), претензий к нему (к подсудимому) они не имеют². В другом постанов-

¹ Постановление Дубовского районного суда Волгоградской области от 07.10.2020 о прекращении уголовного дела № 1–97/2020 (ст. 134 УК РФ) // «Судебные и нормативные акты РФ» — <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.05.2025 г.).

² Постановление Михайловского районного суда Волгоградской области от 23.04.2019 о прекращении уголовного дела № 1–151/2019 (ст. 134

УК РФ) // «Судебные и нормативные акты РФ» — <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.05.2025 г.).

Уголовного дела по обвинению лица в совершении развратных действий (ч. 1 ст. 135 УК РФ) в связи с примирением сторон, вообще очень скудно с информативностью относительно обстоятельств, приведших суд к такому решению, а мнение законного представителя потерпевшего и государственного обвинителя по этому вопросу не указаны вовсе³.

В настоящее время, как известно, нашим государством взят прочный курс на защиту и укрепление российских традиционных духовно-нравственных ценностей⁴, который в том числе, касается и защиты несовершеннолетних от разврата и сексуального растления. В этой связи, безусловно, органам предварительного расследования и судам, наделенным правом прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) следует тщательно подходить к вопросам прекращения дел по обвинению лиц в совершении преступлений, направленных против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Анализируя проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ) за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ нельзя не упомянуть, что в данной уголовно-правовой норме в примечании предусмотрены условия освобождения лица от наказания: совершение преступного деяния впервые; вступление в брак с потерпевшей (потерпевшим).

В этой связи, сразу возникает целый ряд вопросов. Во-первых, если такое специальное правило освобождения от уголовного наказания предусмотрено в отношении преступного деяния, охватываемого ч. 1 ст. 134 УК РФ, то, наверное, было бы правильным, что бы аналогичное освобождение от наказания предусматривалось и в отношении лиц, совершивших развратные действия, предусмотренные

УК РФ) // «Судебные и нормативные акты РФ» — <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.05.2025 г.).

³ Постановление Раменского городского суда Московской области от 20.06.2020 о прекращении уголовного дела № 1–416/2020 (ст. 135 УК РФ) // «Судебные и нормативные акты РФ» — <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.05.2025 г.).

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2025 г.).

ч. 1 ст. 135 УК РФ. Во-вторых, сами условия освобождения от уголовного наказания, предусмотренные в примечании к ст. 134 УК РФ (вступление в официально зарегистрированный брак), говорят о серьезном подходе законодателя к защите половой неприкосновенности несовершеннолетних, который включил примечание такого содержания в указанную норму, что как-то не соотносится с массовостью прекращения судами таких уголовных дел в связи с примирением сторон. Получается, что для того, что бы лицо, совершившее преступное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ суд мог освободить от наказания, данное лицо должно заключить официальный брак с потерпевшей (потерпевшим), а для прекращения уголовного дела за примирением, как мы видим из судебной практики, порой достаточно просто «попросить прощения». В этой связи, некоторые правоведы, исследуя проблемы применения на практике ст. 134 УК РФ, ввиду того, что указанное примечание никак не влияет на практику прекращения вышеуказанных дел, вообще пришли к выводу о нецелесообразности наличия данного основания освобождения от наказания в примечании к указанной норме, предлагая его исключить [7. С. 109].

Подобные выводы коллег вполне можно понять в сложившейся ситуации с практикой прекращения дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 134 УК РФ в связи с примирением сторон. Однако согласиться с данной ситуацией, значит пойти по наиболее простому, но не совсем верному, на наш взгляд, пути. Во-первых, по таким преступлениям не совсем понятно сама суть «примирения». В чем оно??! Ведь это преступное деяние не является насильственным, более того, не имеет вообще природы конфликтности, все по обоюдному согласию, а то и вовсе по обоюдному желанию. Во-вторых, повторимся, наличие в примечании к ст. 134 УК РФ вышеуказанных условий освобождения от наказания должно заставлять суд и должностных лиц органов предварительного

расследования, уполномоченных прекращать такие дела за примирением (ст. 25 УПК РФ) серьезнейшим образом подойти к оценке всех обстоятельств, влияющих на данное прекращение. В-третьих, справедливости ради нельзя не отметить, что многие судьи все-таки придерживаются правила не освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, путем прекращения в отношении него дела в связи с примирением сторон, а освобождения его от наказания, при наличии обстоятельств, предусмотренных примечанием к ст. 134 УК РФ. Одним из таких примеров может служить уголовное дело, рассмотренное Шамильским районным судом Республики Дагестан¹.

Таким образом, в целях минимизации освещенных нами выше проблем представляется целесообразным:

1. В отношении лиц, действия которых подпадают под квалификацию ч. 1 ст. 135 УК РФ предусмотреть условия освобождения от наказания, аналогичные тем, которые указаны в примечании ст. 134 УК РФ применительно к ч. 1 ст. 134 УК РФ. Представляется, что оптимально это сделать путем дополнения вышеуказанного примечания к ст. 134 УК РФ указанием в ней ч. 1 ст. 135 УК РФ («Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи или частью первой статьи 135 настоящего Кодекса, ...»).

2. При решении вопроса об освобождении лиц от уголовной ответственности в связи с примирением (ст. 76 УК РФ), судам и должностным лицам органов предварительного расследования (ст. 25 УПК РФ), наделенных полномочиями прекращения таких дел, тщательным образом подходить к оценке всех обстоятельств совершения преступления и его последствий.

¹ Приговор Шамильского районного суда Республики Дагестан от 30.07.2024 г. по уголовному делу № 1-29/2024 (ст. 134 УК РФ) // «Судебные и нормативные акты РФ». <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.05.2025 г.).

Литература

1. Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 13–17.
2. Борзов В. М. Не всякое примирение освобождает от уголовной ответственности // Уголовное право. 2012. № 3. С. 110–114.
3. Качалова О. В., Каминский Э. С. О критериях возможности прекращения уголовного преследования // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 163–168.

4. Мартыненко Н. Э. Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 335–340.
5. Арсентьева С. С., Савченко А. Н. Прекращение уголовного дела за примирением сторон: критический анализ судебной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 87–91.
6. Насонов А. А. Категория «согласие» в контексте проблемы прекращения уголовного дела за примирением сторон // Общество и право. 2023. № 2 (84). С. 39–42.
7. Пантюхина И. В. Анализ специального освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 101–110.

References

1. Burmagin S. V. Maintaining a balance of private and public interests when exonerating from criminal liability in connection with reconciliation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1 (37). Pp.13–17.
2. Borzov V. M. Not every reconciliation absolves from criminal liability // Criminal law. 2012. No. 3. Pp.110–114.
3. Kachalova O. V., Kaminsky E. S. On the criteria for the possibility of termination of criminal prosecution // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 2. Pp. 163–168.
4. Martynenko N. E. Problems of applying the norm on reconciliation with the victim (Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2012. No. 4 (1). Pp. 335–340.
5. Arsentieva S. S., Savchenko A. N. Termination of a criminal case after reconciliation of the parties: a critical analysis of judicial practice // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University of Law. 2022. Vol. 8 (74). No. 1. Pp. 87–91.
6. Nasonov A. A. Category “consent” in the context of the problem of termination of criminal proceedings for reconciliation of the parties // Society and law. 2023. No. 2 (84). pp.39–42.
8. Resolution of the Dubovsky District Court of the Volgograd region dated 07.10.2020 on the termination of criminal case No.1–97/2020 (art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation) // “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation” — <https://sudact.ru/>
7. Pantyukhina I. V. Analysis of special exemption from punishment for committing a crime under Part 1 of Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Science. 2016. No. 1. pp.101–110.

Сведения об авторах

Исакова Юлия Игоревна — доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», заведующий кафедрой «Уголовное право и публично правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация). Электронная почта: evgenijj-millerov@rambler.ru

Миллеров Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры «Уголовное право и публично правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация). Электронная почта: evgenijj-millerov@rambler.ru

Information about the authors

Isakova Yulia Igorevna — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: evgenijj-millerov@rambler.ru

Millerov Evgeny Vladimirovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law of the South-Russian Institute of Management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Ad-

ministration under the President of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: evgenijj-millerov@rambler.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.05.2025

Дата рецензирования / Received: 22.05.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.05.2025

Дмитриева А. А., Петров П. К.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация. *Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков обусловлена их способностью дестабилизировать ключевые институты общества. Произведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что преступления в данной сфере общественно-опасны как для конкретной личности, страдающей наркозависимостью, так и для общества и государства, в целом. Развитие интернета и крипто-технологий позволило преступным группам создавать глобальные сети сбыта, минимизируя риски обнаружения. Анонимные площадки даркнета, зашифрованная коммуникация и криптовалютные расчеты делают нарко-рынок более доступным, особенно для молодежи, а традиционные методы правоохранительной деятельности — менее эффективными.*

В определении объективных признаков преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков остаются проблемы в определении совершения способа совершения уголовно-наказуемого деяния, а также предмета преступления. В качестве проблемы определения предмета преступления, необходимо отметить появление аналогов наркотических средств, которые не указаны в Перечне. Объективно квалификация данного деяния по УК РФ будет невозможна в виду того, что такие новые наркотические средства не определяются в качестве предмета преступлений. Это связывается с проблемой существования пробелов в виде появления новых наркотиков и их аналогов.

Ключевые слова: *наркотические средства, психотропные вещества, оборот наркотиков, профилактика наркопреступности, способ совершения преступления.*

Для цитирования: Дмитриева А. А., Петров П. К. Проблемы квалификации смежных составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 80–86.

Dmitrieva A. A., Petrov P. K.

80

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF RELATED OFFENCES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS

Abstract. *Public danger of crimes in the sphere of illegal drug trafficking is conditioned by their ability to destabilise key institutions of society. The analysis makes it possible to conclude that crimes in this sphere are socially dangerous both for a particular person suffering from drug addiction and for society and the state as a whole. The development of the Internet and crypto-technologies has allowed criminal groups to create global distribution networks, minimising the risks of detection. Anonymous darknet sites, encrypted communication and cryptocurrency payments make the drug market more accessible, especially to young people, and traditional law enforcement methods less effective.*

In determining the objective characteristics of crimes related to drug trafficking, there are still problems in determining the commission of a criminal offence, as well as the object of the offence. As a problem of defining the subject

of the crime, it is necessary to note the appearance of analogues of narcotic drugs, which are not specified in the List. Objectively qualification of this act under the Criminal Code of the Russian Federation will be impossible due to the fact that such new narcotic drugs are not defined as the subject of the offence. It is connected with the problem of existence of gaps in the form of appearance of new drugs and their analogues.

Keywords: *narcotic drugs, psychotropic substances, drug trafficking, drug crime prevention, method of committing an offence.*

Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств представляет некоторые трудности, связанные с тем, что сформулированные нормы права законодателем представляют собой в большинстве своем перечисление деяний лица, которые могут быть расценены, как смежные составы. Кроме того, внешняя сторона совершения уголовно-наказуемого деяния зачастую в данных преступлениях схожа, либо совпадает, что создает трудности в отграничении, например, ст. 228 УК РФ от ст. 228.1 УК РФ.

При обжаловании судебных решений государственные обвинители и адвокаты опираются на неверную квалификацию деяния в связи с тем, что по мнению сторон судом первой инстанции не учитываются те или иные обстоятельства, характеризующие умысел виновного. Именно умысел позволяет отграничить одно деяние виновного от другого, а именно смежные составы, предусмотренные ст. 228, 228.1 УК РФ. Определение умысла в данной ситуации происходит посредством различных средств и методов. Правоприменителям необходимо установить совершало ли лицо действия, направленные на расфасовку имеющегося у него наркотического средства в удобную упаковку, имеется ли наркотическая зависимость у лица. При этом, как отмечается в п. 5 Обзора судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: «То обстоятельство, что лицо является наркозависимым, не исключает возможности возникновения у него умысла на незаконный сбыт наркотических средств»¹.

Названные обстоятельства были подтверждены в кассационном определении

Второго кассационного суда общей юрисдикции № 77-3086/2022, а также в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-УДП22-68-К2.

В названных судебных решениях ключевым аспектом является разграничение смежных составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: покушения на сбыт (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) и приобретения/хранения без цели сбыта (ч. 2 ст. 228 УК РФ). Первоначальная квалификация действий Л. и К. как покушения на сбыт была изменена второй кассационной инстанцией на более мягкий состав, что позже было оспорено Верховным Судом РФ.

Особенность разграничения этих составов заключается в установлении направленности умысла. Для квалификации по ст. 228.1 УК РФ необходимо доказать, что действия виновных были направлены именно на сбыт, а не на личное потребление. В данном случае суд первой инстанции обосновал умысел на сбыт, опираясь на результаты оперативно-розыскных мероприятий: переговоры Л. с неустановленными лицами, согласование условий получения и реализации наркотиков, а также крупный размер изъятого вещества, расфасованного в полимерные свертки. Эти обстоятельства соответствуют разъяснениям Пленума ВС РФ (постановление от 15.06.2006 № 14), согласно которым умысел на сбыт может подтверждаться количеством наркотика, способом фасовки, наличием договоренностей о передаче и иными действиями, предшествующими сбыту.

Вторая кассационная инстанция первоначально проигнорировала эти доказательства, сославшись на наркозависимость осужденных и отсутствие прямых свидетельств сбыта. Однако Верховный Суд указал на ошибочность такого подхода, подчеркнув, что наркозависимость сама по себе не исключает умысла на сбыт, особенно при наличии данных

¹ Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2024. август. № 8.

о преступном сговоре и подготовке к реализации наркотиков¹.

Таким образом, ключевая особенность разграничения составов заключается в комплексной оценке доказательств, подтверждающих или опровергающих цель действий обвиняемых. Суды должны учитывать не только субъективные утверждения подсудимых, но и объективные обстоятельства: характер переговоров, способы хранения и транспортировки наркотиков, их количество и расфасовку. В данном деле Верховный Суд восстановил правильную квалификацию, указав на необходимость полного и всестороннего анализа всех доказательств, а не только отдельных их частей.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 11-УДП21-67-К6 включает в себя описание особенностей рассмотрения дела в отношении Г., действия которого были квалифицированы по ч. 3 ст. 228 УК РФ. Примечательным данное дело является тем, что ВС РФ был установлен факт того, что совокупность обстоятельств, подтверждающих перевозку крупного количества (объема) наркотиков и отсутствия факта их употребления, свидетельствует о том, что у лица может указывать на наличие умысла лица на сбыт наркотических средств.

В названном судебном решении Верховный Суд РФ рассматривает вопрос разграничения смежных составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: покушения на сбыт (ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ) и незаконной перевозки без цели сбыта (ч. 3 ст. 228 УК РФ). Ключевая проблема заключается в установлении направленности умысла виновного — имел ли он намерение сбыть наркотик или лишь транспортировал его для личного употребления.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Г. по ч. 3 ст. 228 УК РФ, посчитав, что умысел на сбыт не доказан. Однако Верховный Суд указал на недостаточную оценку совокупности доказательств, что привело к ошибочной квалификации. В частности, суд не учел размер изъятого

наркотика (975,9 г мефедрона), который явно превышал возможный объем для личного потребления. Этот фактор, согласно разъяснениям Пленума ВС РФ (п. 13 Постановления от 15.06.2006 № 14), является одним из ключевых индикаторов умысла на сбыт.

Кроме того, суд проигнорировал косвенные доказательства, указывающие на преступную деятельность Г.:

- отсутствие у него наркозависимости (не состоял на учете у нарколога, отрицал употребление);
- наличие в телефоне фотографий, характерных для организации закладок;
- его предыдущее обвинение в аналогичном преступлении (покушение на сбыт), что свидетельствует о возможной систематической деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков.

Верховный Суд подчеркнул, что суд первой инстанции не выполнил требования ч. 1 ст. 88 УПК РФ, обязывающей оценивать каждое доказательство на предмет относимости, допустимости и достоверности, а их совокупность — на достаточность для вывода о виновности. В данном случае доказательства, указывающие на умысел Г. именно на сбыт, были проигнорированы, что привело к необоснованному смягчению квалификации².

Таким образом, особенность разграничения данных составов заключается в необходимости комплексной оценки всех обстоятельств дела, включая не только непосредственные действия обвиняемого, но и косвенные признаки, свидетельствующие о цели его деятельности. Суды должны учитывать как объективные факторы (объем наркотика, способ фасовки), так и субъективные (наличие зависимости, причастность к аналогичным преступлениям ранее). В противном случае возможны ошибки в квалификации, ведущие к необоснованному смягчению ответственности.

Важным вопросом является каким образом отграничиваются ст. 228 УК РФ от ст. 228.2 УК РФ. Ранее было отмечено, что наркотические средства подлежат контролю в Российской Федерации, а их оборот строго регламентирован нормативно-

¹ Определение суда кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2022 № 5-УДП22-68-К2 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-suda-kassatsionnoi-instantsii-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09082022-n-5-udp22-68-k2/> (дата обращения: 19.02.2025 г.).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2022 № 11-УДП21-67-К6 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08022022-n-11-udp21-67-k6/> (дата обращения: 20.02.2025 г.).

правовыми актами. Случаями, в которых допускается использование наркотических средств, являются преследование научных (лицензированных), медицинских, ветеринарных, экспертных целей. Осуществляются перечисленные действия в соответствии с правилами оборота наркотических средств, нарушение которых влечет привлечение к уголовной ответственности по ст. 228.2 УК РФ.

Объективная сторона данного состава преступления выражается в том, что лицо или группа лиц нарушает правила законного оборота наркотиков, правила культивирования растений, используемых для производства наркотиков, а также правила хранения, учета, реализации, продажи, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения растений (или их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. В отличие от ст. 228 УК РФ данный состав преступления предполагает наступление общественно-опасных последствий и нанесение вреда общественным отношениям посредством утраты наркотических средств или психотропных веществ и иных предметов, перечисленных в диспозиции нормы права. Следовательно, при установлении факта совершения преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ у правоприменителя возникает проблема, характерная для любых материальных составов преступления, а именно: установление обстоятельств, подтверждающих наличие причинно-следственной связи между общественно-опасным действием и последствиями от него.

О. С. Гудченков утверждает: «Если же сравнивать объект посягательства данных преступлений, то в ст. 228 УК РФ и в ст. 228.2 УК РФ объектом посягательства будут общественные отношения по охране здоровья населения, а также в качестве объекта можно рассматривать установленный законодательством порядок законного оборота наркотических средств и веществ» [2. С. 376]. Таким образом, при установлении обстоятельств совершения преступления и квалификации данного деяния, необходимо опираться на отличие объективных признаков составов. В одной из своих работ И. В. Бушушев и И. В. Иванченко указывают на то, что в данном преступлении неуместно рассматривать в качестве объекта посягательства здоровье населения, в силу того, что в момент нарушения правил оборота никакого

вреда здоровью людей не наносится [1. С. 143].

При определении признаков преступления, необходимо верно указать объект посягательства, а также точно определить причинно-следственную связь совершенного деяния с наступившими общественно-опасными последствиями. В ином случае, если деяние лица не будет содержать обязательных признаков для одного из составов, то его действия не будут уголовно наказуемыми либо данные обстоятельства повлекут ошибку правоприменения.

Отличаются и признаки субъекта, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 228.2 УК РФ необходимо установить то, что лицо обязано выполнять специальные функции по осуществлению действий, связанных с оборотом наркотиков. Именно наделение субъекта такими функциями и влечет возможность посягательства на объект преступления, а также возможность воздействия на предмет, определенный диспозицией ст. 228.2 УК РФ. При этом субъектом данного преступления может быть также лицо, в обязанности которого входит контроль за соблюдением правил оборота наркотических средств и веществ. Нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ может быть совершено как с умыслом, так и по неосторожности.

Переходя к рассмотрению составов ст. 228.3 УК РФ и 228.4 УК РФ отметим, что в целом данные составы очень схожи с ст. 228 УК РФ и 228.1 УК РФ соответственно. При этом, существенным различием данных составов друг от друга будет то, что в данном случае предметом выступают не наркотические средства или психотропные вещества или их аналоги, а прекурсоры. Таким образом, нами было проведено сравнение смежных со ст. 228 УК РФ составов, выделены основные признаки отграничения данных составов.

Подводя итоги, следует отметить, что проблемы квалификации смежных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, связаны с тем, что отличия некоторых субъективных и объективных признаков в преступлениях неярко выражены. Верная квалификация деяния требуется не только в определении применяемой нормы, но и в выдвижении обоснованного обвинения, поэтому при квалификации деяния лица, необходимо учитывать обстоятельства и признаки, разъясненные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной

практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В данном случае содержание, например, ст. 228 УК РФ не может дать понимания общеобязательных признаков хранения и перевозки и особенностей их ограничения.

Помимо этого, трудности квалификации наблюдаются при отграничении деяний с целью сбыта и без цели сбыта. Разъяснения Верховного Суда указывают на верной общей оценке составляющих объективной стороны, поскольку они в совокупности могут дать представление о направленности умысла лица при его уголовно-наказуемом поведении.

При квалификации ст. 228.2 УК РФ необходимо обратить внимание на то, что данный состав является материальным. Следовательно, установление причинно-следственных связей деяния и наступивших общественно-опасных последствий в данном случае будет обязательным.

Подводя итоги, следует отметить, что незаконный оборот наркотиков — это совокупность действий по разработке, производству, изготовлению, переработке, хранению, перевозке, пересылке, распределению, приобретению, использованию, контрабанде наркотических средств в обход установленных законодательством РФ рамок и контроля государственных органов. Уголовная наказуемость данных деяний обусловлена их общественной опасностью, позволяющей считать виновное уголовно-наказуемое деяние преступлением.

Следует обратить внимание на то, что в большинстве рассматриваемых преступлений субъектом является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Исключениями являются ст. 229 УК РФ, предусматривающей за совершение уголовно-наказуемого деяния уголовную ответственность с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Квалифицирующим признаком также являются специальные субъекты, которые совершают преступление посредством использования своего служебного положения.

Об умысле виновного могут говорить некоторые признаки объективной стороны преступления, например, при сбыте наркотиков направленность действий лица могут показать расфасованные наркотики, а также переписки с приобретателями, переводы денежных средств без указания на легальность происхождения дохода.

Большинство названных деяний совершается с прямым умыслом, за исключением преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, в котором вина может иметь форму умысла, так и неосторожности.

Актуальна реализация предложений по снижению возраста уголовной ответственности, в связи с чем предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ таким образом, чтобы предусмотреть уголовную ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, 228.4 УК РФ, с 14 лет, поскольку лицо к достижению 14 лет способно осознавать общественную опасность совершаемых действий, предусмотренных данными нормами права.

В доктрине отмечается следующее:

1. Не учитывается специфика провокации преступления. Подбрасывание наркотиков лицу, не имеющему умысла на их хранение или сбыт, фактически создает искусственную ситуацию, при которой человек незаконно привлекается к уголовной ответственности. Это соответствует логике провокации, поскольку преступный результат (обнаружение наркотиков) инициирован самим подбрасывающим, а не волей потерпевшего.

2. Не охватывается объективная сторона состава преступления. Квалификация по ст. 306 УК РФ (ложный донос) предполагает сообщение ложных сведений правоохранительным органам, но не учитывает самостоятельные активные действия по подбрасыванию наркотиков, которые могут совершаться и без последующего доноса (например, с целью шантажа). Аналогично, ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств) чаще применяется к участникам процесса (следователям, адвокатам), а не к третьим лицам, подбрасывающим наркотики.

3. Игнорируется роль должностных лиц. Если подбрасывание осуществляется сотрудниками правоохранительных органов, это должно квалифицироваться не только по ст. 285–286 УК РФ (злоупотребление полномочиями), но и как превышение должностных полномочий с искусственным созданием состава преступления. Однако в практике такие действия часто остаются безнаказанными из-за пробелов в квалификации.

4. Не учитывается общественная опасность. Подбрасывание наркотиков — это не просто ложный донос или фальсификация, а действие, ставящее под угрозу свободу, репутацию и жизнь человека. УК РФ

нуждается в более точном составе, охватывающем провокацию обвинения как отдельное преступление.

На практике возникает множество трудностей при квалификации перевозки по статье 228 УК РФ, в том числе по отграничению данного преступления от хранения наркотических средств и психотропных веществ.

Наблюдается острая необходимость внесения в современное законодательство по вопросу определения размера «смесей» в сфере незаконного оборота психотропных и наркотических веществ уточнения о выяснении степени их влияния на человеческий организм и других обстоятельств. Это поможет исключить проблемы, касающиеся определения квалификации действий тех лиц, которые переступили закон и совершили преступление в области оборота психотропных веществ, наркотических средств, а именно «смесь» должна трактоваться как все смеси, содержащие минимум одно психотропное вещество либо наркотическое средство, перечисленное в первом списке Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации.

Существует проблема квалификации незаконного приобретения наркотического средства для другого лица. Постановление Верховного Суда РФ № 14 содержит в себе толкование, согласно которому содействие посредника совершается в интересах сбытчика. Из этого следует, что дей-

ствия посредника квалифицируются как сбыт наркотических средств согласно позиции Верховного Суда РФ. Проблема заключается в квалификации преступлений из-за отсутствия толкования действий посредника в интересах приобретателя. Противоречие связано с определением лица соучастником преступления или виновным в осуществлении сбыта наркотических средств по ч. 3 ст. 228.1 УК РФ или незаконного приобретения и хранения наркотического средства по ч. 1 ст. 228 УК РФ. Из этого следует вопрос: как квалифицировать преступление посредника?

Налицо игнорирование законодательного понятия соучастия в форме пособничества и отсутствие анализа субъективного критерия такого деяния (направленность умысла виновного). Разъяснения Верховного Суда РФ не должны противоречить содержанию УК РФ, в связи с этим надлежит изменить п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ таким образом, чтобы действия лица, действующего по просьбе (поручению) другого лица квалифицировались в качестве пособничества в незаконном сбыте наркотического средства.

Таким образом, наука уголовного права сталкивается с рядом актуальных проблем, требующих дальнейшего изучения, исследования, что впоследствии должно привести к совершенствованию позиции Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации преступлений, связанных с оборотом наркотических средств.

Литература

1. Бушуев И. В., Иванченко Е. В. Предмет и объект преступления, предусмотренного статьей 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2022. № 3. С. 143.
2. Гудченков О. С. Отграничение преступления, предусмотренного ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации от смежных составов // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции, Москва, 11 июля 2022 года М.: Общество с ограниченной ответственностью «ИРОК», ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022. С. 376.

References

1. Bushuyev I. V., Ivanchenko E. V. Subject and object of the offence under Article 228.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Law. 2022. № 3. С. 143.
2. Gudchenkov O. S. Delimitation of the crime provided by Art. 228 of the Criminal Code of the Russian Federation from related compositions // Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges: Collection of materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Moscow, 11 July 2022, Moscow: Limited Liability Company 'IROK', IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Typography Alef), 2022. С. 376.

Сведения об авторах

Дмитриева Анна Александровна — доктор юридических наук, заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, доцент, НИУ «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск, Российская Федерация). Электронная почта: dmitrievaana@susu.ru

Петров Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, доцент, НИУ «Южно-Уральский государственный университет». Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска» (г. Челябинск, Российская Федерация). Электронная почта: kollegiapetrov@mail.ru

Information about the authors

Dmitrieva Anna Aleksandrovna — Doctor of Law, Head of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Associate Professor, NRU “South Ural State University” (Chelyabinsk, Russian Federation). Pavel Konstantinovich Petrov is a Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Associate Professor at the South Ural State University. Chairman of the Bar Association of the Chelyabinsk Bar Association (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: dmitrievaana@susu.ru

Petrov Pavel Konstantinovich — Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the National Research University ‘South Ural State University’, Associate Professor. Chairman of the Bar Association ‘Chelyabinsk Bar Association’ (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.05.2025

Дата рецензирования / Received: 24.05.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.05.2025

Петров П. К.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 258 УК РФ, – НЕЗАКОННАЯ ОХОТА

Аннотация. Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации уделяет значительное внимание охране окружающей среды, в том числе защите животного мира от незаконного истребления. Одним из ключевых инструментов в этой сфере является ст. 258 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконную охоту. Однако правоприменительная практика сталкивается с существенными сложностями при квалификации данного преступления, обусловленными как неоднозначностью законодательных формулировок, так и практическими аспектами правоприменения. В связи с этим анализ проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, приобретает особую актуальность, поскольку от точности и единообразия толкования данной статьи зависит результативность противодействия незаконной добыче животных и обеспечение экологического баланса.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, незаконная охота, незаконная добыча животных, экологические преступления

Для цитирования: Петров П. К. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, — незаконная охота // Проблемы права. 2025. № 2(98). С. 87–92.

Petrov P. K.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE OFFENCE STIPULATED BY ART. 258 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION – ILLEGAL HUNTING

Abstract. Modern criminal-legal policy of the Russian Federation pays considerable attention to environmental protection, including the protection of fauna from illegal extermination. One of the key instruments in this sphere is Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for illegal hunting. However, law enforcement practice faces significant difficulties in the qualification of this offence due to both ambiguity of legislative formulations and practical aspects of law enforcement. In this connection, the analysis of problems of qualification of the offence provided by article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation acquires special urgency, since the effectiveness of counteraction to illegal extraction of animals and provision of ecological balance depends on the accuracy and uniformity of interpretation of this article.

Keywords: environmental protection, illegal hunting, illegal extraction of animals, environmental offences.

На сегодняшний день существует правовая неопределенность в квалификации деяний, связанных с незаконной добычей животных. Правоприменительная практика свидетельствует о системном смещении

уголовно-правовых и административных деликтов в сфере охоты, порождающем две взаимоисключающие крайности: с одной стороны — неоправданное ужесточение ответственности за малозначительные

нарушения, с другой — необоснованное смягчение наказания за деяния, представляющие существенную общественную опасность. При этом проблема усложняется при квалификации действий, связанных с добычей краснокнижных видов животных.

Особую актуальность исследованию придает необходимость поиска баланса между охраной природы и традиционными формами природопользования коренных малочисленных народов, что требует особого внимания к дифференциации уголовной ответственности. Кроме того, транснациональный характер современного браконьерства, связанный с организованной преступностью и незаконным оборотом редких биологических ресурсов, ставит новые вызовы перед уголовным законодательством.

Первая проблема связана с тем, что в современной правоприменительной практике отсутствует единый подход к определению соотношения состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК РФ (в части использования служебного положения), с иными составами преступлений, в частности, предусмотренными ст. ст. 285 и 286 УК РФ.

Действующая судебная практика исходит из того, что квалифицированный вид незаконной охоты (ч. 2 ст. 258 УК РФ), связанный с использованием служебного положения, не образует совокупности с другими составами преступлений [3. С. 145]. Этот подход является универсальным и применяется ко всем формам соучастия — независимо от того, выступало ли лицо в качестве исполнителя, организатора, пособника или подстрекателя, использовавшего свои должностные возможности для совершения преступления.

Использование служебного положения возможно на любом этапе совершения деяния, содержащего признаки незаконной охоты. В процессе квалификации таких преступных действий правоприменитель обязан конкретизировать, какие именно служебные полномочия были задействованы для реализации преступного умысла [3. С. 145].

В юридической науке существует альтернативный подход, сторонники которого обосновывают необходимость квалификации незаконной охоты по совокупности со ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Данный подход аргументируется тем, что при конкуренции уголовно-правовых норм приоритет дол-

жен отдаваться норме с более строгой санкцией, что отражает законодательную оценку степени общественной опасности деяния. Как отмечают сторонники этой точки зрения, санкция ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает более суровое наказание по сравнению с ч. 2 ст. 258 УК РФ, что свидетельствует о большей тяжести первого из указанных преступлений [6. С. 28].

Примечательно, что данный принцип не применяется к ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями), что создает противоречивую ситуацию. В результате аналогичные по своей природе деяния, совершенные разными категориями служащих, получают различную уголовно-правовую оценку. Кандидаты юридических наук Е. В. Герасимова и И. А. Петрова по данному поводу отмечали следующее: «Думается, что вряд ли незаконная охота, совершенная должностным лицом, всегда более общественно опасна, чем незаконная охота, совершенная лицом с использованием служебных полномочий» [1. С. 78].

Вторая проблема — сложность разграничения форм соучастия при незаконной охоте (ст. 258 УК РФ).

В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, несколькими лицами необходимо установить не только факт совместности их действий, но и осознание каждым соучастником того, что его индивидуальные деяния непосредственно способствуют наступлению последствий в виде крупного ущерба.

Незаконная охота признается совершенной организованной группой, если она осуществлена устойчивым объединением лиц, заранее созданным для совершения одного или ряда преступлений. Ключевым критерием, отличающим данную форму соучастия от группы лиц по предварительному сговору, выступает устойчивость. При этом уголовное законодательство не содержит четкого определения данного признака, что порождает дискуссии в доктрине уголовного права

При установлении признака устойчивости организованной группы, занимающейся незаконной охотой, следует учитывать следующие обстоятельства:

1. Постоянство состава группы — сохранение основных участников на протяжении длительного периода времени;
2. Функциональное распределение ролей с учётом индивидуальных характеристик охотников (возрастных особенностей, профессиональных умений, оснащённости

специфическим оружием, степени ориентирования на местности и других параметров).

3. Отработанная методика преступной деятельности, включающая: слаженность действий участников при охоте; наличие сложившихся правил поведения (например, закрепление трофея за непосредственным добытчиком при случайном распределении долей между остальными участниками).

4. Социальные связи между участниками, проявляющиеся в: сохранении прав на долю для временно отсутствующих членов группы; предшествующей сплоченности (совместная работа, проживание в одном населенном пункте); наличии отношений, выходящих за рамки преступной деятельности [4. С. 281].

Данные признаки в своей совокупности свидетельствуют о наличии устойчивых связей между участниками организованной группы, что является ключевым критерием для квалификации их действий.

Незаконная охота может быть квалифицирована как совершенная организованной группой даже при единичном случае ее совершения, если преступление отличается сложностью исполнения и требует значительной организационной подготовки, что характерно для продолжительных охотничьих мероприятий.

При квалификации необходимо разграничивать соучастников незаконной охоты по видам, следует иметь в виду, что в соответствии с уголовным законодательством исполнителем считается физическое лицо, которое лично, либо в соучастии с другими исполнителями полностью или частично реализовало действия, составляющие объективную сторону незаконной охоты. Пособник, напротив, не реализует действия, составляющие объективную сторону незаконной охоты, а создаёт условия для ее совершения, которые выражаются, например: в даче рекомендаций или указаний; в снабжении орудиями охоты; в предоставлении транспортных средств; участие в сбыте, хранении или приобретении добытых незаконным путем трофеев по предварительной договоренности. Такие действия квалифицируются как пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ) при обязательном условии осведомленности указанных лиц о противоправном характере охоты.

Стоит отметить, уголовная ответственность за незаконную охоту исключается, если лицо не знало о нарушениях со стороны соучастников и не соглашалось

на них. Так, обучение стрельбе не является соучастием (ст. 33 УК РФ), если у обучающего не было умысла содействовать преступлению.

Существенную третью проблему представляет квалификация незаконной охоты в случаях, когда преступление осталось незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от преступника.

Уголовная ответственность за приготовление к незаконной охоте не наступает, так как это деяние не относится к тяжким или особо тяжким преступлениям. Однако если в процессе подготовки к незаконной охоте лицо приобретает, изготавливает или приспосабливает средства или орудия для совершения преступления, эти действия могут квалифицироваться по другим статьям Уголовного кодекса РФ.

Поскольку составы преступлений, указанные в пунктах «б» — «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, сформулированы как формально-материальные, покушение невозможно, поскольку преступление признается оконченным с момента начала совершения действий, непосредственно направленных на поиск, выслеживание, преследование в целях добычи охотничьих ресурсов, а также на их добычу, первичную переработку, транспортировку. Для квалификации не требуется ни фактической добычи, ни наступления вредных последствий.

Между тем, п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ в качестве обязательного признака состава преступления предусматривает общественно опасные последствия, данный состав является материальным. Следовательно, преступление считается оконченным только при наступлении указанных последствий. Если деяние не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам, оно должно квалифицироваться как покушение. Однако анализ судебной практики показывает, что случаи привлечения к уголовной ответственности за покушение на незаконную охоту по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ встречаются крайне редко. В подобных ситуациях действия обычно квалифицируются по ст. 8.37 КоАП РФ как административное правонарушение. При этом правоохранительные органы в большинстве случаев не проводят тщательного анализа субъективной стороны деяния, в частности, направленности умысла виновного лица [2. С. 118]. Малочисленность соответствующих судебных precedентов объясняется проблемами процессуального характера, возникающими при фиксации и квалифи-

кации приготовительных действий к незаконной охоте.

Умысел на причинение крупного ущерба может быть подтвержден следующими обстоятельствами:

- наличие большого количества лиц, совершающего такое деяние в соучастии;
- использование специализированного оружия с боеприпасами повышенной убойной силы, характерного именно для добычи ценных видов животных;
- сам факт целенаправленного отстрела животных, относящихся к категории особо охраняемых или представляющих значительную материальную ценность.

Четвертая проблема охватывает вопросы дифференциации составов правонарушений в сфере охоты, а именно: административных проступков по ст. 8.37 КоАП РФ (нарушение правил охоты); уголовных преступлений по ст. 258 УК РФ (незаконная охота).

Основная трудность при квалификации заключается в выработке единообразных подходов к оценке объективных и субъективных признаков деяния для их правильного правового разграничения.

Субъективный критерий выступает значимым элементом при дифференциации административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний. В частности, осознание лицом общественной опасности своих действий должно охватывать понимание криминообразующего признака, позволяющего отграничить преступление от смежного административного деликта. Таким образом, если в момент совершения противоправного деяния лицо не осознавало его общественно опасного характера, это исключает субъективную сторону состава преступления, а следовательно, и уголовную ответственность по ст. 258 УК РФ. В таком случае деяние подлежит квалификации как административное правонарушение в соответствии со ст. 8.37 КоАП РФ.

Разграничение незаконной охоты и смежных административных правонарушений осуществляется на основании следующих объективных критериев:

- характер и степень общественной опасности, определяемые, в первую очередь, размером причиненного ущерба;
- применяемые способы, орудия и средства совершения противоправного деяния;
- специфика предмета посягательства (объекта правонарушения);

– обстановка совершения деяния, включая его территориальную локализацию.

Административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 8.37 КоАП РФ, признается нарушение правил охоты, то есть требований к осуществлению охоты и сохранению охотничьих ресурсов на всей территории Российской Федерации, в частности, нахождение физических лиц в охотничьих угодьях с орудиями охоты и (или) продукцией охоты, собаками охотничьих пород, ловчими птицами без соответствующего разрешения.

В правоприменительной практике основным критерием дифференциации уголовно наказуемой незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и административного правонарушения (ст. 8.37 КоАП РФ) чаще всего выступают фактически наступившие последствия противоправного деяния.

Пятая проблема заключается в необходимости четкого разграничения составов незаконной охоты и смежных экологических преступлений.

Н. А. Лопашенко совершенно справедливо указывает, что ни для одного другого вида преступлений проблема квалификации при конкуренции норм не является столь актуальной, как для экологических преступлений [5. С. 162].

Введение Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнившего главу 26 УК РФ ст. 258.1, создало определенные трудности в квалификации экологических преступлений. Особую сложность представляет разграничение составов преступлений при охоте на полностью запрещенные виды птиц и зверей (п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ) [6. С. 28].

Охота в отношении диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, оборот таких животных (включая их части и производные), допускаются только в исключительных случаях, предусмотренных нормами экологического законодательства (например, в целях сохранения объектов животного мира, осуществления мониторинга состояния их популяции, регулирования их численности, охраны здоровья населения, устранения угрозы для жизни человека, предохранения от массовых заболеваний сельскохозяйственных и других

домашних животных, обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации), на основании разрешений (распорядительных лицензий), полученных в установленном порядке, и с соблюдением предусмотренных в них условий.

Пункт «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ подлежит применению при незаконной добыче краснокнижных животных (включая охраняемые международными соглашениями), если эти виды не входят в Перечень особо ценных животных, установленный Постановлением Правительства РФ № 978 от 31.10.2013 для целей ст. 226.1 и 258.1 УК РФ.

Существенная проблема квалификации заключается в разграничении незаконной охоты с применением средств массового уничтожения животных (п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ) и экоцида (ст. 358 УК РФ). Подобное сходство объясняется тем, что объективная сторона экоцида может выражаться в массовом уничтожении животного мира.

Разграничение между незаконной охотой и экоцидом проводится по ряду признаков:

1. Родовым объектом незаконной охоты являются общественные отношения в сфере общественной безопасности и порядка, в то время как экоцид представляет угрозу для общественных отношений, обеспечивающие мир и безопасность человечества. Это обусловлено качественно иным уровнем общественной опасности — последствия экоцида носят глобальный характер и могут привести к масштабной экологической катастрофе.

2. При незаконной охоте массовое уничтожение птиц и зверей выступает лишь способом совершения преступления. В случае экоцида подобные действия сами по себе образуют состав общественно опасного деяния.

3. Умысел лица, совершающего незаконную охоту с применением способов массового уничтожения птиц и зверей, может быть только прямым, направлен на незаконную добычу (либо уничтожение или повреждение) определенного количества диких животных, тогда как в экоциде умысел может быть только прямым и связан с уничтожением, как правило, неопре-

деленно большого количества диких животных. Между тем экоцид совокупности с экологическими преступлениями не образует.

Проведенный анализ проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, позволяет выделить ряд ключевых особенностей, усложняющих правоприменительную практику, в частности:

1. Отсутствие единого подхода к квалификации незаконной охоты с использованием служебного положения (ч. 2 ст. 258 УК РФ) в совокупности со ст. 285 или 286 УК РФ.

2. Сложности квалификации групповых форм незаконной охоты, требующие тщательного анализа: устойчивости связей между участниками; распределения ролей; длительности существования группы; согласованности действий.

3. Особенности квалификации неоконченного преступления. Для материального состава (п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ) покушение возможно лишь при доказанности целенаправленности умысла на причинение крупного ущерба, что требует анализа обстоятельств дела (например, применение оружия повышенной мощности, охота на редкие виды). В формально-материальных составах (п. п. «б» — «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ) преступление считается оконченным с момента начала активных действий, что исключает возможность покушения.

4. Необходимость четкого разграничения по субъективному критерию (осознание виновным общественной опасности деяния) незаконной охоты от административного правонарушения, выражающимся в нарушении правил охоты (ст. 8.37 КоАП РФ).

5. Необходимость четкого разграничения незаконной охоты и смежных экологических преступлений, предусмотренных ст. 258.1 и ст. 358 УК РФ по объективным признакам.

Таким образом, проблемы квалификации преступлений по ст. 258 УК РФ носят системный характер и обусловлены тремя взаимосвязанными факторами: сложной структурой составов, сочетающих формальные и материальные признаки; наличием множества смежных норм не только в уголовном праве; существенными проблемами в доктринальном толковании ключевых признаков.

Литература

1. Герасимова Е. В., Петров И. А. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности в сфере противодействия незаконной охоте, незаконной заготовке и незаконному обороту лесных насаждений: монография. Вологда: Северо-Западный ин-т (филиал) Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 78.
2. Забавко Р. А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: диссертация ... кандидата юридических наук. Иркутск., 2017. С. 118.
3. Каримова Ч. Р. Проблемы квалификации незаконной охоты // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2 (10). С. 145.
4. Котенко И. Д. Устойчивость как ключевой признак организованной группы // Бюллетень науки и практики. 2023. № 12. С. 281.
5. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 162.
6. Максимов А. М. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против безопасности животного мира: дискуссионные аспекты законодательной регламентации // Российский следователь. 2014. № 18. С. 28.

References

1. Gerasimova E. V., Petrov I. A. Criminal-legal provision of environmental security in the sphere of counteraction to illegal hunting, illegal harvesting and illegal turnover of forest plantations: monograph. Vologda: North-West Institute (branch) of O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), 2024. С. 78.
2. Zabavko R. A. Criminal liability for illegal hunting: dissertation ... Candidate of juridical sciences. Irkutsk., 2017. С. 118.
3. Karimova Ch. R. Problems of qualification of illegal hunting // Academic notes of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (10). С. 145.
4. Kotenko I. D. Stability as a key feature of an organised group // Bulletin of science and practice. 2023. № 12. С. 281.
5. Lopashenko N. A. Environmental crimes: criminal and legal analysis: monograph. Moscow: YurLitinform, 2017. С. 162.
6. Maksimov A. M. Differentiation of criminal responsibility for crimes against the safety of the animal world: discussion aspects of legislative regulation // Russian investigator. 2014. № 18. С. 28.

Сведения об авторе

Петров Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, доцент, НИУ «Южно-Уральский государственный университет». Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска» (г. Челябинск, Российская Федерация). Электронная почта: kollegiapetrov@mail.ru

Information about the author

Petrov Pavel Konstantinovich — Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Associate Professor. Chairman of the Bar Association 'Chelyabinsk Bar Association' (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.05.2025

Дата рецензирования / Received: 24.05.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.05.2025

Материалы к публикации отправлять по адресу:
problemiprava28@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
**Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76,
ЮУрГУ, Издательский центр**

*Издатель и учредитель: Коллегия Адвокатов г. Челябинска
Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
Подписано в печать 18.06.2025. Дата выхода в свет 23.06.2025.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 10,7. Тираж 50 экз.*

Заказ

Цена свободная.

Отпечатано в типографии «Активист».

Адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 74Б.